

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 3, 2013

*За Россию
и Сирию —
репортаж
с третьей
мировой*

*По ту сторону
«красных»
и «белых»*

Изборяне Александр Проханов, Михаил Леонтьев, Максим Шевченко с Президентом Сирийской Арабской республики Башаром Асадом в его резиденции.

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Изборский клуб в Дамаске
- 16** Александр ПРОХАНОВ.
Прекращение губительной распри
- 22** **Две традиции государственности: путь к примирению**
(на заседании в Ульяновске)
- 38** **«Красно-белый» союз – будущее России**
(круглый стол на «Авиастаре»)
- 46** **Ульяновская декларация Изборского клуба**
- 48** **По ту сторону «красных» и «белых»**
(аналитический доклад)
1. «Красные» и «белые»: инструкция к примирению (стр. 48)
 2. Право-левая игра против России (стр. 52)
 3. Между Сциллой либерализма и Харибдой левачества (стр. 54)
 4. О том, как Российская империя шла к «госсосоциализму» (стр. 61)
 5. О сталинской эволюции большевизма (стр. 65)
 6. О революции стяжателей (стр. 69)
 7. Миф Пятой империи как платформа строительства традиции (стр. 72)
- 76** Максим КАЛАШНИКОВ.
Соколы одолели ужей
(Письма из 2050 года)
- 86** Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ.
Не синтез, а союз
- 92** Виталий АВЕРЬЯНОВ, Константин ЧЕРЕМНЫХ.
Русская правда: преодоление Смуты
- 100** Сергей БАТЧИКОВ.
Сталин создавал новый социокультурный тип
- 108** Диакон Владимир ВАСИЛИК.
О советском периоде – великом и трагическом
- 112** Владимир МЕДВЕДЕВ.
Изборский клуб и судьба России
- 114** **Библиотекарь**
- 117** **Хронология мероприятий клуба**
- 118** Валентин Сорокин: **«Мы поднимемся»**
(стихи)

Общественно политический журнал **«Изборский клуб»** № 3, 2013 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена АКСЁНОВА
Фотографии на обложках: Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна.

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1.
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65.
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751
Подписано в печать: 08.04.2013.
Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»
Тираж 1000 экз. Заказ № 589.

Помогая Сирии, мы помогаем сами себе

Максим Шевченко, Михаил Леонтьев и Александр Проханов – мы, трое представителей Изборского клуба, осуществили десант в Дамаск, окружённый пылающими городами и сёлами. В ночи сквозь сон мы слышали заунывные, похожие на песнопения возгласы муэдзинов, оружейные раскаты, рёв установок залпового огня, а иногда грохот в центре города, где боевики-смертники взрывали мечети.

Мы приехали в Дамаск в разгар войны, потому что хотели понять катастрофическую реальность, увидеть чёрную воронку в центре Сирии, готовую затянуть в себя не только Ближний Восток, но и весь прочий мир. Мы приехали сюда и потому, что здесь, в Сирии, реализуется внешняя политика России. И в этом конфликте, всё более напоминающем глобальный, Россия выбрала в союзницы Сирию, президент Путин выбрал союзником президента Башара Асада. И сирийская война, как бы для многих это ни казалось странным, детонирует в самый центр российской жизни. Так в тридцать шестом году испанская война была предтечей Второй мировой, так в тридцать седьмом году осаждённый Мадрид напоминал сегодняшний осаждённый Дамаск.

Мы все посещали Сирию в её прежние золотые времена, любовались красотой её городов, её благополучием и покоем, полюбив эту восхитительную страну, её оливки и минареты, эту святую землю, где Савл превратился в Павла. Мы не могли не приехать

/ Александр Проханов /

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

Изборский клуб в Дамаске

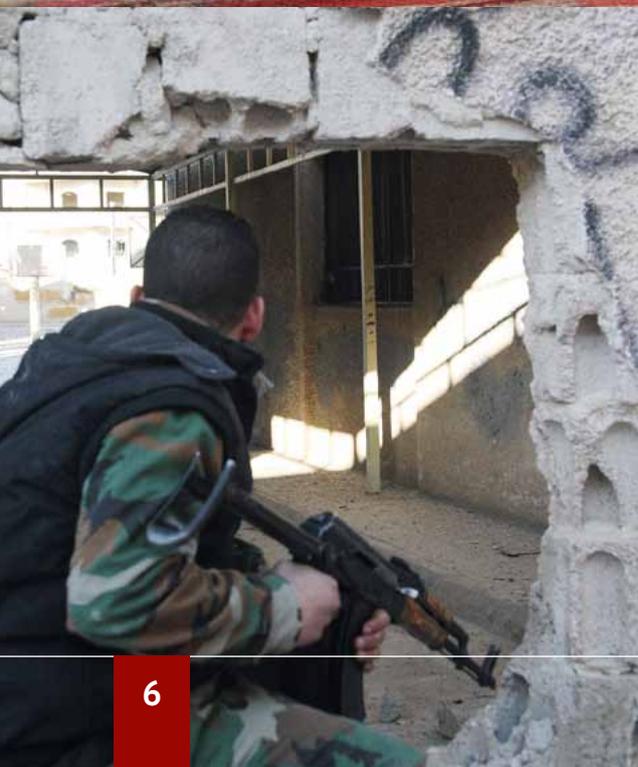

теперь сюда в час, когда война изгрызает Сирию, готова оставить от неё обугленный скелет.

Что мы видели в Сирии? Бои в сотысячном пригороде Дамаска Дарайя, по которому мы неслись в боевой машине пехоты среди минных разрывов и щёлканья снайперов. И город, когда-то цветущий и восхитительный, смотрел на нас дырами обугленных окон, иссечёнными фасадами. Мы не нашли в нём ни одного уцелевшего жилья, ни одного живого обитателя, но только угли, разбитые зеркала, вспоротые одеяла, раздавленные гусеницами мотоциклы и велосипеды. И оставленные боевиками настенные граффити: «Башар Асад, ты умрёшь. Сначала Сирия, потом — Россия». У одной из таких разрисованных стен я поменялся нательным крестом с православным солдатом. И теперь ношу его нательный крест,

молюсь, чтобы моего брата во Христе пощадили пуля и мина.

Мы встречались под уханье канонады с президентом Башаром Асадом в его дамасской резиденции. И он был удивительно спокоен, иногда задумчив, поражал своим рафинированным интеллектом, умением создавать с помощью скупых формулировок картину сверхсложной военно-политической драмы, в которую вовлечена его родина. Мне было важно увидеть в нём человека неколебимой воли, сделавшего свой выбор раз и навсегда, готового бескомпромиссно сражаться за Сирию. Эту волю он транслирует в пехотинцев, штурмующих в Дарайе дом за домом, в генералов, составляющих планы больших и малых батальонов, в сирийский народ, который стоит рядом со своим президентом.

Мы были у верховного муфтия Сирии, который рассказал нам о драме религиозного раскола, поразившего Сирию, в которой до недавнего времени сунниты и шииты, алавиты и марониты, православные и друзы жили единой семьёй. А теперь секира расчленила сирийское общество на множество враждующих фрагментов.

Мы были у митрополита и молились вместе с ним перед иконой, подаренной русским патриархом Кириллом. Молились сначала за Сирию, чтобы она выстояла перед сатанинскими силами. А потом за Россию, чтобы её не коснулись подобные беды.

Мы были исполнены светлого духа, который исходил от муллы и православного монаха. И в тот же вечер страшным взрывом был убит один из влиятельных муфтиев, проповедник и богослов. И этим взрывом в центре мечети ещё глубже был вбит железный костыль в сердце Сирии.

Война, которая происходит в Сирии, — это война особого типа, имеющая свой алгоритм, свой

стратегический план, своё хорошо прописанное либретто и своего капельмейстера.

Тлеющие в Сирии противоречия между властью и суннитским большинством, между режимом Башара Асада и «Братьями-мусульманами», эти противоречия два года назад породили сначала бурю в Интернете, в котором возникли протестные публикации, призывавшие суннитов выйти на улицы. Мирные демонстрации, которые проходили в Хомсе и Хаме, по технологиям флэшмоба собрали тысячи протестующих. Период мирных демонстраций длился недолго и закончился применением оружия, когда внедрённые в толпы демонстрантов боевики стреляли в полицию.

Демонстрации, обмен огневыми ударами, трупы, стенаю-

щие матери, похороны – всё это снимали десятки телевизионных каналов. Среди которых могучая, лукавая, работающая на деньги Катара «Аль-Джазира» возглавила информационную войну против Дамаска.

Призыв помочь «Братьям-мусульманам» был услышан во всём исламском мире. И сюда, в Сирию, через границы Ирака, Ливана, Иордании, Турции, двинулись отряды боевиков. Обстрелянные, ловкие, закалённые в ливийской пустыне, в горящем Триполи, в иракских городах, в террористических операциях Йемена и Афганистана, эти потоки направлялись точной рукой. Субсидировались деньгами Катара и Саудовской Аравии, наводняли Сирию, сливаясь с местными повстанцами.

Тридцать стран из разных уголков исламского мира присылали сюда своих стрелков. Каждый труп, каждая смерть, каждый выстрел тиражировались могучей информационной машиной, которая создавала из президента Башара и государства Сирия образ чудовища, образ абсолютного зла. Вместе с боевиками через границу текло оружие. Сначала стрелковое, противотанковое, а потом тяжёлое — артиллерия и танки. Сегодня армия повстанцев обеспечена самым современным натовским оружием. Быть может, недалёк тот час, когда у неё появятся боевые вертолёты.

Хорошо оснащённая, мобильная, вначале партизанская, а теперь почти регулярная армия являет собой подвижную сетевую структуру из больших и малых отрядов. Они по указам стратегического штаба перемещаются по сирийской территории, обретают характер партизанского спецназа, мусульманской армии быстрого реагирования, которая, в случае необходимости, может быть переброшена из Сирии в Ка-

захстан, Узбекистан, Туркмению, Киргизию и на русский Северный Кавказ.

Политологи и военные аналитики, с которыми нам довелось встречаться в Дамаске, уверены, что война за Сирию — это война за Россию. Сирия — последний оплот, последний рубеж, сломав который, это мобильное воинство, оснащённое оружием Запада, с могучим информационным сопровождением, выполняя американскую стратегию трансформации исламского мира, кинется на Россию.

Мы жили в Дамаске, ещё не разрушенном, прекрасном, весеннем, с цветущими деревьями, изысканными домами. И здесь начинаешь ценить гражданский мир в сегодняшней России, верить в силу и осмысленность российского государства, понимаешь усилия Путина по реформированию и перевооружению российской армии. Помогая Дамаску, мы помогаем сами себе.

Эту помощь мы ощутили не только в политических дис-

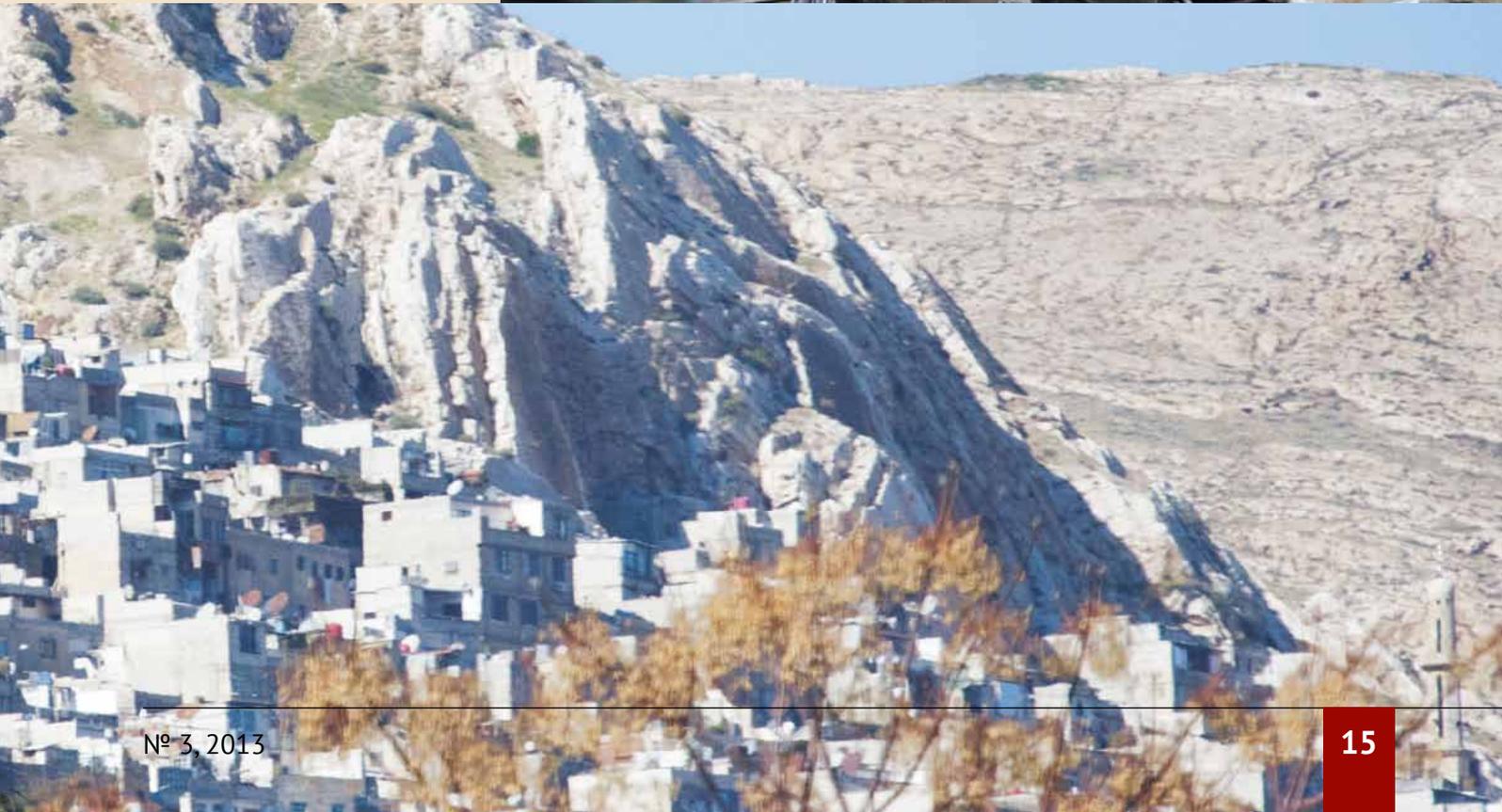

куссиях и на правительственных приёмах. Мы ощутили её в окрестностях Дамаска, где расположены подразделения сирийской противовоздушной обороны. В каменистых горах, в бункерах стоят зенитные ракетно-пушечные комплексы «Панцирь» – продукция знаменитого тульского завода КБП. Создание великого оружейного конструктора Аркадия Георгиевича Шипунова, который построил первоклассное оружие, исключаяющее здесь, под Дамаском, бесконтактную войну, безнаказанные атаки тысяч крылатых ракет, которые совсем недавно перемолотили Багдад и Триполи. Эта тяжеловесная и в то же время изящная установка с поворотной антенной выехала из чёрного подземелья под солнце. И сирийский генерал отдал этой машине честь так, как будто перед ним появился сам Аркадий Шипунов.

Изборский клуб – это оружие в идейной борьбе за Россию. Бригада бронетанковых войск, воюющих в Дарайе, муфтий и митрополит, президент Башар Асад и мой брат во Христе, воюющий сейчас в городских развалинах, – теперь все они являются коллективным членом Изборского клуба.

Прекращение губительной распри

/Александр ПРОХАНОВ/

Фото Виктора Велижанина (Фото ИТАР-ТАСС)

Две эпохи, две эры, две империи — «белая» и «красная» — сошлись в кровавом конфликте. И этот конфликт умов и теорий, расстрельных котлованов подходит к своему завершению. Сегодняшнее поколение русских людей, сегодняшнее Государство Российское требует примирения, слияния этих двух великих энергий, требует покаяния, исполненного братской любви и прощения. Требуется общего русского молебна, в котором успокоились бы «красные» и «белые» кости, царские и сталинские штандарты. И ненависть сменилась бы общим повиновением, а раскол и Смуты преобразились в победную поступь — в поступь Русской Победы.

СВЯТОЙ ЦАРЬ И ВОЖДЬ-ПОБЕДИТЕЛЬ

Изборский клуб в моём лице был приглашён в Екатеринбург на форум, посвящённый празднику согласия и примирения – Дню народного единства. Форум был созван митрополитом Кириллом и архиепископом Иннокентием – уральскими Владыками, чьё пастырство направлено на христианское возрождение Урала, на умягчение ожесточённых сердец, на воссоздание русских святынь, потускневших среди десятилетий хаоса и разгрома.

Народ на форум собирался по церковным приходам, где раздавалось несколько приглаательных билетов. И люди ехали в уральскую столицу чуть ли не от самого полярного круга. Зал, рассчитанный на полторы тысячи мест, не вместил всех желающих.

Форум открылся молебном в Храме-на-Крови – там, где стоял когда-то Ипатьевский дом с той страшной подвальной темницей, где была расстреляна монаршая семья, умучены царь и царица, невинные царевны и цесаревич. Молебен был поминальный, покаянный, прославляющий мучеников. И благодарственный – за их молитвенную помощь русским людям, помощь, где отсутствовала ненависть, месть, жажда возмездия, а были только светоносные энергии рая, в котором собраны все мученики и святые русской земли, сберегающие Россию на своих небесных высотах.

На этом уральском Русском соборе царил новая, отличная от прежних лет, атмосфера надежды и радостного братания, упования на русское будущее, в котором, наконец, найдут примирение клочковатые, раздирающие наше общество страсти. Прелестный детский хор исполнял церковные песнопения и песни советских лет. А могучие певчие московского Сретенского монастыря сливали воедино божественную церковную музыку и победные песни войны, незабываемую лирику советских времён и удалые народные голошения.

Из Екатеринбурга я уехал в Снежинск, в закрытый ядерный центр, что расположен среди уральских сосняков и студёных озёр. Снежинск, как и Саров, – святыня советской поры, детище грандиозного сталинского ядерного проекта. Когда страна, одержавшая победу мистического сорок пятого года, потерявшая на этой войне тридцать миллионов своих мучеников и героев, среди пепелищ и ещё не осевших могил, приняла ужасаю-

щий вызов, который ей бросила Америка, взорвавшая над Японией две чудовищные ядерные бомбы.

Сталин и его железная партия собрали в кулак всю историческую волю народа, все материальные богатства, все умы и таланты, и здесь, в Снежинске, за семью замками, в лесных коттеджах и лабораториях работали физики-атомщики, химики и биологи, искусные инженеры и техники.

Я трогал обветшавшие стены коттеджа, в котором жил легендарный Тимофеев-Ресовский. Касался рукой сосны, под которой сидел немецкий физик Риль, вывезенный в сорок пятом году из Германии. Я двигался по лабораториям, где моделировались ядерные заряды для нового поколения морских и наземных ракет. Беседовал с физиками, которые выезжают на северный полигон, на Новую Землю и там, в подземных штольнях, производят новые неядерные взрывы. В му-

зее ядерного оружия я поглаживал оболочки первых термоядерных боеприпасов, столь огромных, что они не вмещались в самолётное брюхо. Тронул миниатюрный артиллерийский ядерный заряд для гаубицы калибром 152 миллиметра.

Убеждался, что сталинский ядерный проект не погиб, что молодая смена физиков создаёт оружие нового поколения, по-прежнему, как и первые ядерные заряды, гарантирующее суверенитет нашей Родины.

Меня восхитили лаборатории, которыми руководит замечательный физик Борис Константинович Водолага, где создаётся не оружие разрушения, а тончайшие технологии излечения и исцеления, побеждающие смерть. Изотопы, лучистые энергии атома, нейтронные потоки, проникающие силы протонов – всё это делает атомных физиков, начинавших с конструирования бомб, врачами, целителями, колдунами медицинских технологий, о которых вчера ещё не помышляла наука. Драгоценный, из сияющих сплавов циклотрон, похожий на небесное светило, помещённое в стерильное белоснежное пространство. Бесчисленные трубки, сочленения, камеры, сквозь которые проносятся потоки лучистой энергии, сгустки незримых частиц, где одно вещество переходит в другое, создаётся материя, которой не существует в природе, а живёт лишь несколько часов в этом рукотворном реакторе. Сюда на каталках привозят безнадежных больных, и эти целебные изотопы, живущие на свете лишь несколько часов, облучают неизлечимые опухоли, прекращают их рост и деление, спасают людей от смерти.

Лаборатория была как храм, в котором Господь открыл человеку свои тайны, ев-

харистии современной науки, привносил в деяния оружейников и целителей святость служения Родине.

Храм-на-Крови и ядерный центр в Снежинске являются символами русской истории последних ста лет. Истории великого горя и великого счастья, великих крушений и великих побед, великих трагедий и великого творчества. Истории, в которой две эпохи, две эры, две империи – «белая» и «красная» – сошлись в кровавом конфликте. И этот конфликт умов и теорий, расстрельных рвов и строительных котлованов подходит к своему завершению.

Сегодняшнее поколение русских людей, сегодняшнее Государство Российское требует примирения, слияния этих двух великих энергий, требует покаяния, исполненного братской любви и прощения. Требует общего русского молебна, в котором успокоились бы «красные» и «белые» кости, царские и сталинские штандарты. И ненависть сменилась бы общим повинованием, а раскол и Смута преобразились в победную поступь – в поступь Русской Победы.

СТОЯНИЕ ВО СВЕТЕ

Изумительный русский врач, «православный лекарь» Александр Викторович Недоступ рассказал мне о замысле, которым в своё время поделился со знаменитым русским скульптором Вячеславом Михайловичем Клыковым, царствие ему небесное. Замысел заключался в том, чтобы поставить памятник долгожданному русскому примирению. Прекращению губительной распри, чудовищной гражданской войны, которая расколола в начале минувшего века русский народ. И этот раскол длится в обществе по сей день, поднимая брата на брата если не с топором и винтовкой, то с ненавистью и проклятиями.

Памятник должен был являть собой женщину: то ли русскую мать, то ли Родину, то ли саму Богородицу, домом которой является наша Россия. Перед женщиной на коленях стоят два воина: красный и белый. Один держит в руках островерхий шлем со звездой, другой – в золотых погонах – снял фуражку с офицерской кокардой. Оба они в покаянном смирении склонили головы. А над ними женщина простёрла свои любящие прощающие длани. Какой высокий художественный духовный образ! Какое поистине православное мирознание: покончить с изнурительной враждой, искупить в покаянии океаны про-

Памятник должен был являть собой женщину: то ли русскую мать, то ли Родину, то ли саму Богородицу, домом которой является наша Россия. Перед женщиной на коленях стоят два воина: красный и белый. Один держит в руках островерхий шлем со звездой, другой – в золотых погонах – снял фуражку с офицерской кокардой. Оба они в покаянном смирении склонили головы. А над ними женщина простёрла свои любящие прощающие длани.

литой крови. Покаяться и белым, и красным, и самой Церкви, и всем, кого захватил этот чудовищный сокрушительный вихрь.

Под впечатлением от услышанного я покинул маленький кабинетик Недоступа, где на стенах рядом с портретами великих русских медиков висят православные иконы. Вышел на солнечную пасхальную улицу. Садясь в машину, сквозь стекло заметил, что кто-то мне машет. Вышел из машины и увидел, что на тротуаре стоят женщина и батюшка. Оба светлые, лучистые, улыбающиеся. Батюшка в сером подряснике, в скуфье, в очках, с седой бородой, с чудесными радостными глазами. «Христос Воскресе!» – воскликнул я. И услышал от обоих: «Воистину Воскресе!» Мы обнялись, расцеловались.

Я узнал, что батюшка приехал в Москву из далёкого волжского села, уже почти погасшего и обезлюдевшего. Ещё минуту назад незнакомые, мы теперь испытывали доверие, братскую близость, восхитительную человеческую любовь друг к другу. Ещё недавно, казалось, чужие, уже говорили о самом сокровенном и главном: о том, что, когда мы молитвенно обращаем свои мысли к нашим любимым и драгоценным, оставившим нас в этой жизни, мы тем самым мгновенно, стремясь к ним, оказываемся в царствии небесном, в райских светоносных мирах, куда унеслась душа любимого нами человека.

Так же и русская деревня, которая умерла и почти исчезла, в мыслях тех, кто думает о ней, умершей, оживает и дышит. Но уже не среди опустелых русских полей и перелесков, а в сияющей небесной бесконечности, где присутствует вся минувшая русская история, казалось бы, исчезнувшая и умершая, но вечно живая и бессмертная.

Мы говорили три минуты, а потом батюшка пожелал мне ангела-хранителя на дорогу, и мы расстались, чтобы, наверное, больше никогда не увидеться. И эта мимолётная встреча на московской улице в пасхальном свете была драгоценной и подлинной, возможной среди людей, каждый из которых чувствует над своей головой бесконечную лазурь, свет фаворский. Тот свет, который остро ощущаешь во время молитвы.

В Москве возле храма Христа Спасителя собрались тысячи людей и замерли в молитвенном стоянии. Это особый род единения, когда люди сочетаются друг с другом не по признакам родства, не деловыми интересами,

Тысячи русских людей окружили белоснежный златоглавый храм в центре Москвы, а их самих окружил невидимый защитный светоносный круг, подобный Поясу Богородицы. За пределами этого круга скакали бесноватые, двигались гей-парады, осквернители рубили иконы, безумцы возносили хулы и проклятия. Черные острия неслись к белоснежному храму, желая рассечь невидимый пояс, пронзить участвующих в молебне.

не материальной необходимостью, а чувством нераздельности их общей народной судьбы. Их причастности к великому народу, к великой светлой вере, которая спасает от тьмы душевной и ведёт человека через все тернии и падения к бессмертию.

Тысячи русских людей окружили белоснежный златоглавый храм в центре Москвы, а их самих окружил невидимый защитный светоносный круг, подобный Поясу Богородицы. За пределами этого круга скакали бесноватые, двигались гей-парады, осквернители рубили иконы, безумцы возносили хулы и проклятия. Черные острия неслись к белоснежному храму, желая рассечь невидимый пояс, пронзить участвующих в молебне. Но острия обламывались и превращались в пыль, потому что люди, стоящие вокруг храма, молились о России, о прекращении распри, о милосердии, о бессмертном русском народе, самом терпеливом и жертвенном, о народе-подвижнике.

Это стояние у храма Христа Спасителя напоминало стояние на Угре, когда великий князь Иван III поставил войско против ордынской рати. И они, не начиная битву, долго стояли друг против друга. Русские люди – спокойные, просветлённые, молитвенно чистые, готовые к смертному бою, готовые к великой жертве во имя Родины и веры. И эта истовая спокойная вера, эта молитвенная сосредоточенность тысяч русских людей сделали своё дело: хан Ахмат, возглавлявший ордынцев, повернул коня, и ордынцы, не обнажив меча, ушли с Руси. И с тех пор Русь перестала платить дань Орде.

Я был на Угре, где когда-то стояло русское воинство. Полноводный бурный весенний поток, первая трава на горячих склонах, цветущие ивы, как свечи в подсвечниках, летящая через реку малая белая бабочка.

В УЛЬЯНОВСКЕ

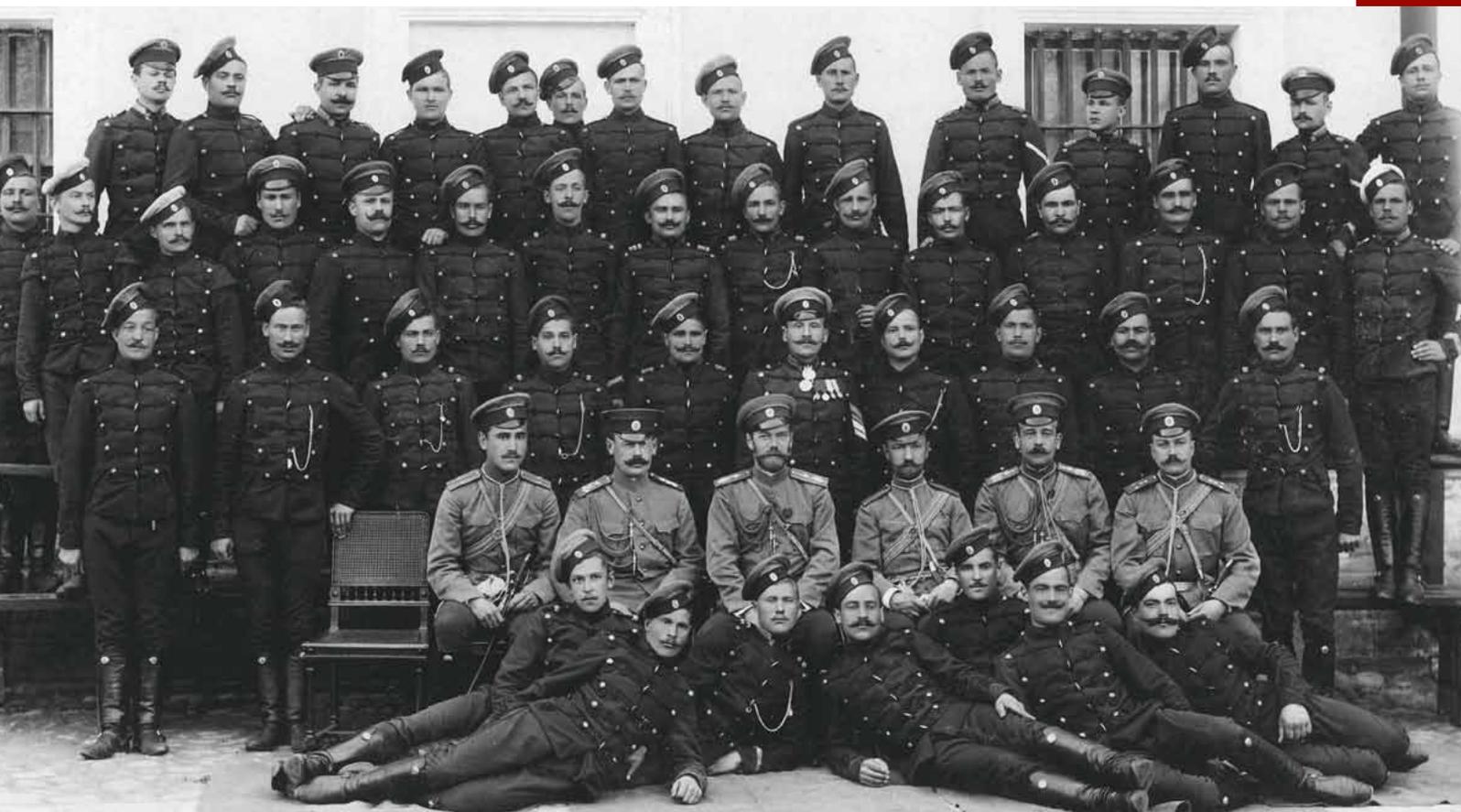
Вот она, малиновая заря над белоснежным зимним полем. Вот она, «красно-белая» Русь. Вот они, вихри «красно-белых» энергий, разорвавших волновод русской истории на стыке девятнадцатого и двадцатого веков. И по сей день мается русский человек: молится на золотые колокольни, снимает шапку перед танком Т-34. Не может понять, кто он та-

После двух напряжённых дней, наполненных политическими и философскими изысканиями, мы отправились на Русский берег – в дивное малолюдное место среди волжских льдов и заиндевевших сосняков, жгучего, летящего из-за волжских степей ветра – и там молились в деревянной церкви, пели старинные и советские песни, братались, лучше узнавали друг друга. И казалось, что Изборский клуб, состоящий из высоколбых, подчас чопорных мудрецов, превращается в изборское согласие из друзей и любящих друг друга единомышленников.

кой: верноподданный государя-императора или «сталинский сокол». И недаром о нас песнопевец империи произнёс: «Душа – христианка, а народ – сталинист».

Примирение «красных» и «белых», братание и покаянная молитва над могилой, куда благоговейно уложены «красные» и «белые» кости, – конец гражданской войне, длящейся в России злую сотню лет, уносящей в свою тёмную бездну тела и души миллионов русских людей.

Прекращению изнурительной розни, диалогу между «красными» и «белыми», соединению духовных усилий всех государственников, исповедников «белой» и «красной» империй – этому посвящалась поездка Изборского клуба в Ульяновск по приглашению губернатора Сергея Ивановича Морозова. Сюда, в Симбирск, где родился Ленин, в Ульяновск, где построен ленинский мемориал, эта мекка ленинизма, – сюда приехали русские историки и философы, экономисты и политики, чтобы провести круглые столы и наметить путь стратегического примирения: политического, идеологического, метафизического. Ибо историческая энергия, сто лет вытекающая в трагический разрыв волновода, должна, наконец, без утечек достигать сегодняшних дней и питать народившийся

кристалл новой русской государственности. Кристалл ещё хрупкий и робкий, подверженный напастям, перед лицом которых «красные» и «белые» государственники, позабыв о расприх минувших дней, остановив изнурительную полемику, соединятся в служении государственному русскому делу.

Первый круглый стол проходил в великолепном Дворянском собрании при стечении чиновников, ульяновских интеллигентов и студенческой молодёжи. Другой круглый стол состоялся на «Авиастаре» – циклопическом авиационном заводе, построенном в последние годы СССР. Этот завод, по замыслам его создателей, был способен наводнить мировое небо бесчисленными советскими самолётами. Третий круглый стол собрался под сводами мемориального ленинского центра и был посвящён превращению этого алтаря ленинизма в музей СССР – грандиозной и во многом таинственной цивилизации, которая была создана русским миром среди войн, революций, великих радений. А потом растаяла, как туман, оставив по себе опустошённые разрухой заводы, незавершённые великие проекты, ощущение чего-то огромного, космического и непонятого, ощущение загадки, которую русский двадцатый век загадал человечеству и которую ещё предстоит разгадывать.

После двух напряжённых дней, наполненных политическими и философскими изысканиями, мы отправились на Русский берег – в дивное малолюдное место среди волжских льдов и заиндевелых сосняков, жгучего, летящего из-за волжских степей ветра – и там молились в деревянной церкви,

Примирение «красных» и «белых», братание и покаянная молитва над могилой, куда благоговейно уложены «красные» и «белые» кости, – конец гражданской войне, длящейся в России злую сотню лет, уносящей в свою тёмную бездну тела и души миллионов русских людей.

пели старинные и советские песни, братались, лучше узнавали друг друга. И казалось, что Изборский клуб, состоящий из высоколобых, подчас чопорных мудрецов, превращается в изборское согласие из друзей и любящих друг друга единомышленников.

«Гений места» – так называется одна из культурных программ, утверждённых губернатором Ульяновской области Морозовым. Симбирская земля родила нескольких несравненных русских гениев: Карамзина, Гончарова, Пластова и, конечно же, Владимира Ильича Ленина. Программа «Гений места» старается объяснить появление этих гениальных людей свойствами приволжских степей и холмов, ручьёв и речек, потоков солнечного и воздушного ветров, понять, какой луч, прилетевший сюда, на Землю, из бескрайнего космоса, коснулся этих земель и родил великанов. Эта культурная, историческая и метафизическая задача открывает громадный простор для исследований, фантазий и догадок, объясняет Карамзина или Ленина как промыслительное явление. А русскую землю объясняет как бесконечное плодоносящее поле, на котором рождаются русские космические великаны.

Две традиции государственности: путь к примирению

Фото: Василий ПРОХАНОВ

В первый день пребывания Изборского клуба в Ульяновске состоялось сразу два заседания, объединённых темой преодоления метафизического разрыва «красной» и «белой» России. Предлагаем вашему вниманию выступления участников на пленарном заседании в Дворянском собрании Симбирска-Ульяновска.

Александр ПРОХАНОВ,
писатель, главный редактор
газеты «Завтра», председатель
Изборского клуба:

— Дорогие коллеги, дорогие друзья!

Наш Изборский клуб — это собрание патриотически настроенных интеллектуалов: политиков, экономистов, историков, философов, художников, политологов, концептуалистов, конфликто-

гов. Мы собрались вместе, чтобы на фоне сегодняшних драматических событий выработать идеологические концепты, в недрах которых может развиваться сегодняшнее российское государство. В период глобального кризиса, в противоречивых столкновениях, схватках идеологических моделей у России, к сожалению, пока ещё нет своего вектора, нет своей матрицы,

в рамках которой мы бы могли развиваться и успешно противостоять внешним вызовам. Потому что двадцать прошедших лет — это эпоха, когда господствовала либеральная модель, запрещающая России использовать наши традиционные формы, традиционные представления о мире.

И вот мы собрались. Собрались в том числе для того, чтобы провозгласить соединение, при-

мирение «красных» и «белых» начал, которые живут, пульсируют в недрах русской истории. Под «белым» началом мы подразумеваем не белое движение в годы Гражданской войны, не Февральскую революцию, а условно — православную монархию, имперское начинание, которое рухнуло под воздействием мощнейшей либеральной мегамашины в феврале 1917 года.

А под «красным» мы подразумеваем в данном случае, может, весь «красный» период, а может, тот «красный» период, когда им были преодолены его ранние стихии, носившие в себе разрушительный огненный, удушающий характер. Когда было преодолено рассечение нашей страны на враждующие политические проекты, когда сформировался и восторжествовал «красный» имперский сталинский проект, увенчанный грандиозной Победой 1945 года.

Этот процесс соединения, примирения — мучительный, непростой, он чреват огромным количеством препятствий: интеллектуальных, экономических, исторических, религиозных. Но этот процесс необходимо начать.

После 1991 года газета «День», которую я тогда возглавлял и которая в 1993 году была расстреляна Ельциным из танков, занималась «красно-белым» синтезом. Нам хотелось соединить имперцев монархо-православного толка с имперцами советскими. Мы во многом преуспели. Не забуду тот чудесный момент, когда в редакцию «Советской России» к Валентину Васильевичу Чикину пришёл я, и к нам явился владыка Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Он посетил нас как двух «красных» редакторов, нанёс нам визит и благословил на наши деяния. Из его уст и прозвучали слова, что в нынешней России уже нет «красных» и «белых», а есть рус-

Леонид Ротарь, «Битва», 2012, холст, масло.

ские люди. И он своим благословением стремился снять эту трагическую расчленённость, успокоить наши «красно-белые» сердца.

Примерно за два месяца до октябрьских событий 1993 года я поехал в Троице-Сергиеву Лавру, где меня принял в своей келье иеромонах Филадельф, в схиме получивший имя Моисей. И, уже лёжа на одре, умирая (он напоминал праведника, мученика), благословил Фронт национального спасения в его «красно-белом» единстве на деяния, одарил меня нательным крестом.

То есть идея соединения, объединения «красных» и «белых» — идея не только актуальная, но имеющая свою историю.

У газеты «Завтра» был духовник — удивительный человек, Царствие ему Небесное, — отец Дмитрий Дудко. По существу, человек блаженный, он, казалось, не касался земли, двига-

ясь по ней, всех благословлял, всех прощал, всех исповедовал... От него я впервые услышал, что «красные» мученики, погибшие на полях Великой Отечественной войны, все герои, входившие в сталинский «красный» пантеон: Талалихин, Гастелло, Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, 28 гвардейцев-панфиловцев, генерал Карбышев, — все они православные мученики, которые, как говорил отец Дмитрий, крестились кровью на полях сражений. И, даже не будучи формально крещёными, они, положившие живот свой за други своя, за Родину свою, этим актом самопожертвования и любви вошли в сонм христианских, православных мучеников.

Удивительный факт, но в подтверждение того, что этот синтез, это слияние «красных» и «белых» происходит, несмотря на всю его противоречивость, — наличие в современной нашей Церкви:

и на приходах, и в монастырях, — ошутимого числа православных сталинистов. Несколько раз отец Всеволод Чаплин называл таких людей «сектой». Хорошо это или плохо для современной Церкви, мне трудно судить. Но я точно знаю, что к этой «секте» в своё время принадлежали и патриарх Алексий I (Симанский), служивший панихиду по Сталину 9 марта 1953 года, и митрополит Николай (Ярушевич), и многие другие церковные иерархи советского периода.

И то, что среди интеллектуального и духовного движения современной России всё отчётливее звучат голоса сторонников православного социализма, то есть мыслители работают над слиянием социалистических представлений

с православными, — это тоже чрезвычайно важно. Эти люди трактуют современные монастыри как форму коммунизма, где нет частной собственности, где есть общее дело, где существует возвышенная непрерывная молитва, воздыхание о блаженстве, о Царствии Божиим.

Одним из упрёков в адрес советского, коммунистического со стороны православных является упрёк в «красном» утопизме — в том, что дерзновенные «красные» вожди, богоборствуя и даже богохульствуя, решили построить Царствие Божие здесь, на этой земле, забыв о Небе, где оно построено самим Господом Богом. В свете таких упрёков советский «красный» проект предстаёт новейшей версией строительства Вавилонской башни — версией,

сопряжённой с огромным количеством бессмысленных издержек, трат и дерзновенных губительных жертв.

Но если внимательным сердцем и умом прочитать единственную молитву, которую оставил нам Спаситель, — молитву «Отче наш», то в ней сказано: «Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое, да придет Царствие Твое». То есть Господь завещал нам, живущим земной жизнью, вымалывать Царствие Божие здесь, на этой земле. И далее: «Да будет воля Твоя как на Небе, так и на земле». То есть воля Господня, которая присутствует в полной мере в райской жизни, в небесной, в фаворской жизни, эта же воля может и должна восторжествовать также здесь, среди нас. И райские смыслы, райские

Леонид Ротарь, «Воин», 2012, холст, масло.

идеальные формы бытия возможны здесь. Нельзя это непрерывно откладывать на потом. Молитвами и делами, верой и любовью своей, своим преображением мы в состоянии приблизить Царствие Божие на земле. Поэтому «красный проект» о построении идеального человеческого бытия на земле вовсе не является богоборческим, не противоречит божественной восхитительной молитве «Отче наш».

Уже в первые дни Великой Отечественной войны в восхитительной грозной песне, от которой слёзы на глазах, война названа священной. И если война священная, то и победа в этой войне тоже священна. А если война и Победа священные, то и люди, которые одержали эту победу, тоже являются причастными святости. Возможно, они являются и святыми, а жертва, принесённая нашим народом, подобна Христовой жертве. Ведь если бы эти жертвы не были принесены, куда бы сегодня устремилось человечество? В какой Содом, в какую тьму, в какую адскую реальность? Поэтому все миллионы наших соотечественников, погибших на войне, — это святомученики. И если это так, то командиры взводов, отделений, рот, полков, командиры фронтов, командиры армий являются причастными святости.

Повторю, что идея соединения «красных» и «белых» энергий отечественной истории чрезвычайно насущна. Потому что такое «красно-белое» единство, намеченное и частично достигнутое нами в 90-е годы прошлого века, было направлено против общего либерального врага — против либеральной мегамшины, переломавшей кости как романовской «петербургской» империи, так и сталинскому «красному» Советскому Союзу. Эта мегамшина грозила и продолжает грозить существованию сегодняшнего рос-

Фото: Василий ПРОХАНОВ

ИННОКЕНТИЙ (ЯКОВЛЕВ), епископ Нижнетагильский и Серовский (слева) и Александр ПРОХАНОВ, писатель, главный редактор газеты «Завтра», председатель Изборского клуба.

сийского государства, того хрупкого геостратегического субъекта, который ещё наполнен внутренними противоречиями и проблемами, но который чудесным образом сформировался после чудовищных 90-х годов. Либеральная мегамашина чрезвычайно могущественна. Она страшна не тем, как она представлена здесь, в России, а тем, как она представлена во всём мире. Для противостояния этой машине, конечно, необходим союз российских государственных: как «белых», так и «красных». И недаром в своём Послании Федеральному собранию 12 декабря 2012 года президент Путин сказал, что у нас одна история. Он имел в виду, что световод русской истории не может оставаться расщеплённым. Мы не можем позволить себе, чтобы в разрыв между «белым» и «красным» продолжала бессмысленно утекать великая энергия русской истории, русской правды.

Именно ради такого примирения, ради восстановления

исторического единства мы и собрались сегодня здесь. Будьте снисходительны к произносимым суждениям. Не ищите в них немедленной согласованности. Процесс сближения только начался, и мы будем осторожно и бережно идти к его завершению.

ИННОКЕНТИЙ (ЯКОВЛЕВ), епископ Нижнетагильский и Серовский:

— Прежде всего хочу поблагодарить членов Изборского клуба и всё многоуважаемое собрание за приглашение на сегодняшнее заседание. Тема его, даже так сдержанно сформулированная, не может не воодушевлять всякого русского человека, кому небезразличны пути дальнейшего развития России.

Тема эта сегодня, что называется, «к небу вопиёт» и кажется мне наиболее актуальной. На языке Церкви её можно сформулировать как «примирение», «поиски мира». В одной древней молитве, которую недавно встретил, сказано:

*«Господи Боже мой; удостой меня
быть орудием мира Твоего...
Чтобы я вносил любовь там,
где ненависть.
Чтобы я прощал, где обижают.
Чтобы я соединял, где есть ссора.
Чтобы я говорил правду,
где господствует заблуждение.
Чтобы возбуждал надежду,
где мучает отчаяние...»*

К словам этим стоит добавить, что Святая Церковь на протяжении всей своей истории выработала совершенный механизм примирения, предварив его такими понятиями, как осознание своей вины, покаяние и, наконец, прощение друг друга. Вряд ли без помощи этого духовного механизма можно обойтись и теперь, несмотря на многие политические и социальные составляющие обозначенной проблемы.

Известно, что Церковь имеет надмирную природу, т.е. природу, находящуюся вне законов человеческого общежития, и что Господь направляет Свою миссию на человека, а не на государства или народы. С этой точки зрения, например, столь востребованное сегодня открытие Н.Я. Данилевским объективного характера развития истории внутри одного культурно-исторического типа обращено, несомненно, к земной жизни человека. Действительно, Церковь состоит из людей, существующих в определённых исторических условиях, и чутко реагирует на окружающую действительность. Отсюда её активное участие в общественной жизни. И это не попытка приобрести некий особый вес в обществе, но проявление чувства ответственности за будущее народа, исполнение своего долга и призывания в современном мире.

Правда и любовь, добрая жертвенность и справедливость, взаимопомощь и поддержка, уважение и забота в межличностных отношениях — всё, что Церковь проповедует, основываясь на Пи-

сании и Предании, мы относим к категории традиционных ценностей. Духовная ситуация прошлого была такова, что понятие «традиция» описывало, по выражению одного из западных богословов, «программирующую матрицу общества». Традиция охраняла, человек мог на неё положиться, чувствовать себя в безопасности... Сегодня же традиция представляется т.н. современному человеку чем-то отжившим, а прогресс — подлинным обетованием бытия, так что благая весть порой не достигает человека, считающего себя свободным от традиции, к которой, к сожалению, он часто относит и веру. Свобода современного человека обернулась его обездоленностью, духовным сиротством, а натиск постмодернистской деконструкции стремится окончательно разрушить важнейшее свойство религии — её сакральную основу, уничтожая не только образ Бога, но разрушая и сам образ человека. Этот образ, имеющий изначально Божественное происхождение, становится фрагментарным, расфокусированным, разбитым на мелкие осколки.

Как преодолеть эту коррозию нравственных устоев, этот паралич народной воли (бездушие, разделённость, безразличие к страданию и социальной справедливости), как доказать, что христианство, пусть даже состоящее только в мировоззренческих позициях, и есть та единственная скрепа общества, потому что оно, это мировоззрение, и предопределяет оживление совести в человеке и, как его результат, — чувство своей вины, а вслед за этим понимание и сострадание к вине своих оппонентов? У русского поэта начала XX века Максимилиана Волошина есть такие строки: «Бог нам дал мерило духа — совесть, и наш глубокий покаянный дар, прославленный Толстым и Достоевским».

Да, совесть как божественное установление является определяющей духовной составляющей нашей православной русской ментальности. Механизм её действия, упомянутый мной, может подвергаться различным отрицательным внешним воздействиям, но в конечном итоге рано или поздно этот благодатный дар формирует душу народа Божия, наполняя её состраданием и братской любовью, желанием бескорыстного служения людям и родине, жаждой подвига. Вот и о народе мы судим как раз по этим высоким проявлениям духа, хотя, конечно, ужасаемся и скорбим, видя, как долго совесть может пребывать под гнётом человеческой страстности, увлекающей нас «на страну далече» и подводящей порой к крайним рубежам, за которыми лежит бездна опустошения. В такие времена все мы достойны жалости, все мы убеждаемся снова и снова, что именно человек — тот камень, о который мы всегда спотыкаемся. Но, если мы однажды задаёмся вопросом о том, как пробудить нашу совесть, значит, её пробуждение уже началось.

Сейчас много говорят о роли Церкви в «пробуждении» народа, о её месте в современном обществе. Можно с уверенностью утверждать, что Церковь именно ЭТОГО народа, ЭТОЙ страны восстановила многое из порушенного (речь, конечно, не только о храмах, но также о душах человеческих). Перед ней же стоит задача участвовать и в восстановлении мира, о котором мы здесь говорим. Люди сегодня хотят услышать на понятном для них языке правду Божию, хотят видеть образ не молчащей Церкви, но Церкви, призывающей власть услышать свой народ.

В то же время образ Церкви в глазах обывателя порой редуцируется до социального, этнического, культурного института.

Леонид Ротарь, «24 часа 15 минут 45 секунд», 2012, холст, масло.

Это не удивительно в обществе, где усиленно пропагандируется приоритет благополучия над благочестием, достаток, изобилие и роскошь в качестве цели жизни, так называемое комфортное проживание как единственное «общее благо». Конечно же, такие процессы могут отрицательно сказываться не только на нравственном состоянии всего народа, но и в самой христианской среде, среди верующих... И в самом деле, страшно христианам не соответствовать тем идеалам, которые они проповедают. «Имя Божие от нас позорится» (Рим. 2:24), — говорит апостол Павел. Ведь Бог, согласно Евангелию, требует от нас святости: «Вы же род избранный, царственное священство» (1 Пт., 2:9), — учит тот же апостол, и эта святость определяется прежде всего любовью, горением духа, активно действующей совестью.

В настоящее время Церковь совершает одно из значительнейших своих деяний. С усилением епархий, а это именно усиление, а не реорганизация, взгляд Церкви всё более ориентируется не только на её прихожан, но на весь крещённый русский народ, чтобы максимально задействовать его духовный потенциал. Епископ становится доступнее не только клиру, но и всем людям — «без фильтра» получает возможность стать духовным отцом для всех, идущих к вере, больше заниматься пастырской работой, особенно в удалённых уголках своей епархии, порой, увы, остававшихся без духовного окормления.

Отрадно, что в своём Послании Федеральному собранию президент Путин также поставил задачу изменить отношение к российской глубинке. Я могу с радостью свидетельствовать о востребованности архипастыр-

ского слова у людей, населяющих окраины Среднего Урала, и отрада от этих бесед порой превосходит удручение состоянием их жизни.

В конечном итоге можно с уверенностью сказать, что духовная составляющая обсуждаемой сегодня темы является одной из важнейших, её разъяснение и понимание могут во многом помочь достигнуть конкретных результатов — а не только и не столько как договоры, пакты и политические союзы.

Александр ДУГИН,
*заведующий кафедрой
социологии международных
отношений МГУ
им. М.В. Ломоносова:*

— Нужно подчеркнуть, что история является фактом. Но факт сам по себе не несёт никакого содержания — он должен быть интерпретирован. Поэтому история пишется исходя из неких

общих представлений о сущности времени, общества, человека, о сущности развития. История — это гуманитарная дисциплина, связанная с человеком. И если мы посмотрим на человека как на существо чисто экономическое — это будет одна история. Духовное — другая история. Социальное — третья история. Национально predetermined, расовое — четвёртая история.

То есть единой, объективной и существующей независимо от человеческого субъекта науки истории нет. И с позиций логики невозможно настаивать

Мы сегодня находимся в сложной ситуации — в битве за собственную историю. С либерально-западной точки зрения русской истории вообще не существует. А есть кровавое грязное месиво, недоразумение «этого омерзительного рабского народа» и «этой страны», как совершенно открыто говорят либералы.

У либералов — следующий взгляд на нашу историю. Что была Новгородская республика, основанная немцами-норманнами. Затем была, с февраля по октябрь 1917 года, демократическая Россия. Спустя годы появились

тормозится весьма неблагоприятной средой, этим кровавым, рабским, тираническим народом — грязным, невымытым и омерзительным, который ничего не создал, кроме гигантских монументов своего ничтожества. В результате демократия в полном объёме пока не получается. И то, что мы сейчас имеем в качестве российского государства, — тоже чудовищное и грязное недоразумение: коррупционное, тоталитарное и рабское.

Возможно, либеральная версия российской истории в моём изложении выглядит несколько

Леонид Ротарь, из серии «До завтра», 2011, холст, акрил.

на какой-то одной, «абсолютно точной», подобной математике, истории. Даже сами факты могут быть оспорены, а просто сами по себе они ничего не значат, потому что могут быть ещё и так или иначе интерпретированы.

диссиденты: Сахаров с Боннэр, которые были Адамом и Евой новой России. А настоящая русская история начинается только с 1991 года, это история Ельцина и Чубайса, Гайдара и Коха. Но её, истории, дальнейшее движение

утрированной. Но именно в таком духе и строится доминирующий дискурс о нашей истории. Об этом говорит и термин «модернизация». Если Россию надо «модернизировать» — значит, она архаична. Её надо вводить

в «содружество цивилизованных народов», потому что она нецивилизованная. Всё это отражает западную модель районирования зон. Это совершенно расистская концепция, которая была открыто расистской до 1941 года, а после 1945 года стала сублимированным расизмом, который членит всё человечество на три типа: цивилизация, варварство и дикость.

Цивилизация — белая. Варварство — жёлтое. Дикость — чёрная. До какого-то момента так и говорили — о бремени белого человека. Сегодня говорят о цивилизационной миссии развитого Запада: тот же самый расизм, только изложенный другими словами.

Точно так же разделяются зоны. «Первый мир» — это мир цивилизации, белая американо-европейская цивилизация и те страны, которые к ней примкнули или оккупированы ею.

«Второй мир» — это мир «варварских» государств, то есть в нынешней терминологии — государств «развивающихся». Наша Россия попадает в этот второй мир, там находятся Китай и другие страны БРИКС.

А все остальные — это «третий мир», где до сих пор царит дикость, и даже «четвёртый мир», более близкий, наверное, даже не к человечеству, а к царству животных, где доминантой бытия является простое физическое выживание.

Исторически и географически движение от дикости к цивилизации даёт нам одну и ту же картину самосбывающегося пророчества, где «первый мир», Запад, является высшей ценностью в системе ценностей, которую он сам же определяет. Поэтому гей-парады — это не случайный феномен и не один из элементов развития цивилизации. Это цель развития. Я спрашивал как-то послов европейских государств в России: являются ли гомосексуализм и свобода гей-

парадов показателем социального развития? Мне сказали: да, это признак толерантности общества, фундаментальный критерий социального развития! Чем больше гомосексуалистов — тем более цивилизованно, продвинуто и прогрессивно данное общество, тем менее оно варварское и дикое.

Нам трудно в это поверить, но либералы — и в России, и за рубежом — рассматривают нашу историю именно через такую призму. Ясно, что в подобной версии отечественной истории советский период будет выглядеть после 1937 года тотальным ГУЛАГом, а история до 1917 года — непрерывным издевательством царей и дворян над несчастным, покорным, раболепным, пресмыкающимся перед ними народом.

Именно эта парадигма, эта матрица сегодня идеологически доминирует в нашем обществе. Именно она по всем медиаканалам транслируется нашим детям, внукам. Именно она выступает той основой, на которой строятся представления о развитии России в будущем.

Если время — это музыка, согласно словам одного философа, то настоящее в ней — всего лишь одна нота. Две другие — это прошлое и будущее. Если мы их не знаем, настоящее утрачивает смысл; гармонии, мелодии не получается. Эта гармония, эта мелодия возникают, когда мы их выстраиваем, когда мы их продлеваем в обе стороны истории, в прошлое и в будущее.

Наше историческое бытие имеет смысл, то есть является историческим, только если мы его вплетаем в прошлое. И тогда для нас понятным и близким становится будущее. Но если у нас в прошлом — какофония, кровавая грязь, недоразумение, то, естественно, и нынешний день мы будем воспринимать сам по себе,

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Александр ДУГИН, заведующий кафедрой социологии международных отношений МГУ им. М.В. Ломоносова.

и никакой общей истории у людей, населяющих пространство, временно именуемое Российской Федерацией, нет. А есть история индивидуальной карьеры, индивидуума. Один — лузер, проигравший. Другой — винер, выиграв-

ший. Выигравший — тот, кто смог уехать на Запад, присоединиться к прекрасной истории Запада. Лузер — тот, кто остался в своей бессмысленной стране, спился и умер.

Вот с этой моделью имеет дело, вот эту модель восприняла в качестве рабочей современная российская идеологическая, экономическая и политическая элита. И что после этого мы хотим? Борьбу за Россию надо начинать с истории. Совершенно правильно Александр Андреевич Проханов говорил о необходимости выстраивания преемственности нашей истории.

Речь идёт о создании музыки русской истории, о вычлениении её смыслов и модели прочтения русской истории иным способом, нежели нам навязывает современная политическая верхушка.

Я вижу, что лично Путин — как человек — с глубоким отвращением относится к такой версии. И когда он сталкивается с подобным толкованием России, её прошлого, его охватывает возмущение, на лице начинают желваки играть. Но когда горячая фаза заканчивается, захватывает рутину — и опять те же силы поднимаются и продолжают как ни в чём ни бывало ту же самую историю.

Получается, что расистский западный взгляд на отечественную историю стал взглядом нашей элиты на собственное общество. Это — колониальное мышление, даже если думающие таким образом люди — русские, если они родились и выросли здесь, они всё равно видят эту территорию как место временного проживания: здесь находят их заводы, их производство, бюджет, который они осваивают. Но живут они там: в цивилизации, в белом мире.

Оба этапа русской истории: и советский, «красный», и монархический, «белый», — с точки

зрения либеральной истории подлежат демонизации и вычёркиванию. Совсем не случайно в 90-е годы либералы придумали и широко использовали термин «красно-коричневые». Им неприятно было называть этих людей «белыми», так как в белом движении они видели элементы либерализма, и белое движение времён Гражданской войны во многом состояло из деятелей Февраля. Но всё, что было до Февраля, либералы называли фашизмом. Наша история для них — это кровавое недоразумение, «русский фашизм». Поэтому все, кто за царя, за православие, за традиционные русские ценности, — это фашисты, это «коричневые», говорили либералы. А были ещё те, кто выступал за советские ценности, — это «красные» сталинисты, «вертухаи всесоюзного ГУЛАГа». Вот и получались «красно-коричневые».

Сейчас речь идёт о том, как нам, представителям русской истории, русской Церкви, русского народа: и верующим, и идущим к вере, — понимать советский период. О либеральной модели я уже сказал. В 90-е годы Сорос издал учебники истории, где эта модель нашей истории была подробно и разносторонне описана.

Согласиться с такой моделью мы не можем, мы должны определить, каково место советского периода в отечественной истории.

Хотел бы в этой связи обратить внимание присутствующих на некоторые — по-моему, весьма существенные — аспекты.

Мы имеем дело с секулярным, то есть светским обществом — советским. Но это общество было совершенно другим, чем секулярное общество Запада. Здесь можно вспомнить Макса Вебера, который написал классический в своём роде труд «Протестантская этика и дух капитализма». Там он описывает, что капитализм

родился в процессе секуляризации, то есть перехода от религиозной к светской модели западного христианства в лице протестантизма. Что капитализм есть светское издание или светская сторона протестантизма. Очень логично, поскольку здесь показаны историческая связь, историческое содержание западного общества. Капитализм — это экономическая модель, вытекающая из протестантской идеи индивидуального спасения — индивидуализма.

Если применить эти тезисы к нашей истории, то, когда у нас пошёл процесс секуляризации общества, перехода от религиозной к светской модели, мы получили совершенно иной результат: не либеральный капитализм, а советский социализм. Отсюда, используя веберовскую методологию, Николай Александрович Бердяев в своей работе «Об истоках русского коммунизма» сделал следующий вывод: «Значит, продуктом секуляризации православного христианства является социализм». Интересно, что между протестантизмом христианским и капитализмом светским, атеистическим существуют и различия, и преемственность. Такие же различия и преемственность существуют между православием и социализмом. И мы можем рассматривать социализм как продукт секуляризации, то есть перехода к светской модели православной традиции.

Это подтверждается, прежде всего, отвержением базового принципа либерализма со стороны не только правых, от славянофилов до черносотенцев, но и левых, от народников до большевиков. Единственный автор, которого они ненавидели в XIX веке, — это Иеремия Бентам. Его имя было ругательством. Он был русофобом, но это даже не важно: любой западный человек, любой либерал — русофоб.

Леонид Ротарь, из серии «До завтра», 2011, холст, акрил.

Его ненавидели, потому что он сказал: «Хорошо то, что полезно для меня индивидуально». Православные возмутились: «Как же так? А народ? А Церковь? А страна? А Бог?» Достоевский против Бенгтама сказал, что красота спасёт мир. Консерваторы ужаснулись и сказали: если добро есть лишь выражение пользы – значит, всё измеряется деньгами, карьерой. Неприязнь к принципу утилитаризма объединяла у нас и правых, и левых.

Советский период, таким образом, представлял собой одну из сторон русского антилиберализма, секулярного, современного проекта, жёстко противоположного идее, что все ценности являются материальными, индивидуальными, а индивидуальная свобода быть кем угодно и наслаждаться этим является высшей ценностью. Для коммунистов такое понимание жизни

столь же категорически неприемлемо, как и для православных.

Неслучайно мы практически миновали капиталистический период в нашей истории и сразу, вопреки «классическому» марксизму, перешли в советский социализм. Потому что антилиберализм был для большевиков важнее, чем марксистская ортодоксия. Я убеждён: мы должны по-новому рассмотреть советский период отечественной истории как абсолютно закономерную, логическую, хотя и противоречивую, драматическую и даже кровавую часть нашей истории (но история любого народа – кровавая и трудная) и найти, выстроить эту модель.

Доминантным аккордом всей нашей истории – с точки зрения и «красных», и «белых» – является отвержение той базовой философской социологической установки, что индивидуум есть

мера вещей. С точки зрения «белых», православных, – Бог есть мера вещей, вера есть мера вещей. С точки зрения «красных», коммунистов, – социальная справедливость есть мера вещей, благо всех в целом, а не отдельных людей суть мера вещей. Это разные подходы, разные теории, но у них есть общее: мера вещей – не индивидуум, не атомарная личность. Отвержение либерального капиталистического принципа является философской основой построения общей для «красных» и «белых» исторической парадигмы.

Мы сейчас не будем говорить о том, что разделяет «красных» и «белых», – их разделяет очень многое, но тем не менее внутреннее единство русской истории существует, и оно так или иначе говорит: не в индивидууме дело, дело не в части, а в целом. Дело в справедливости и в альтруиз-

Леонид Ротарь, из серии «Земля и небо», 2005, см. техника.

ме, в жертвенности и в любви, но не в личном благополучии. По-настоящему «красных» и «белых» объединяет, да и делает русскими, — любовь. Русский — это тот, кто любит, это любящее существо. А любовь всегда предполагает выход за свои собственные пределы, жертвенность по отношению к другому.

Это, может быть, и есть тот доминантный аккорд, который мы ищем и который должен быть осмыслен теоретически, научно-исторически и лечь в основу новой непротиворечивой версии отечественной истории.

Леонид ИВАШОВ,
президент Академии
геополитических проблем:

— Даже сегодня исторический водораздел 1917 года, события почти столетней давности, не стирается, а, наоборот, обостряется. У нас по-прежнему нет адекватной картины событий того времени. Здесь уже говорилось о том, что история вообще не может быть на сто процентов объективной, что она в любом случае субъективна. Но «субъек-

тивная» — вовсе не значит «неадекватная». А если она неадекватная — значит, неадекватен и субъект, который эту историю писал или сделал заказ на неё.

Иными словами, неча на зеркало пенять, коли рожа крива.

Поэтому необходимо определиться в самых основополагающих, фундаментальных моментах. Что произошло в 1917 году: революция или переворот? Чем вообще отличается переворот от революции? Тем, что переворот меняет систему власти, но не систему общества. И, по моему глубокому убеждению, если бы в 1917 году за Февральской революцией не последовала революция Октябрьская, изменившая социальный строй не только в России, но и во всём мире, то мы бы сегодня говорили о Февральском перевороте 1917 года, не более того. То есть это единый революционный процесс, в котором разделение Февраля и Октября чрезвычайно искусственно. Мы же не разделяем, например, в Великой французской революции провозглашение Национальным кон-

вентом республики и якобинскую диктатуру?

Причиной революции 1917 года, на мой взгляд, стала утрата Россией собственного геополитического проекта, выражением которого на протяжении многих столетий был концепт «Москва — Третий Рим». К началу XX века этот проект был размыт и разрушен. Страна в лице её правящего класса избрала так называемый европейский путь развития, и этого отрицать никто не сможет. «Элиты» пошли в Европу, а народ остался в Евразии. Произшёл полный разрыв, усугублённый поражениями в Русско-японской войне и поражениями в Первой мировой войне. Даже попытки Петра Аркадьевича Столыпина построить капитализм европейского типа на евроазиатском пространстве способствовали развитию революционной ситуации.

Не воспринимало наше общество западные стандарты, и Николай Яковлевич Данилевский ещё в 1861 году об этом чётко писал в своей работе «Россия и Европа».

Кроме того, в начале XX века Русская православная церковь окончательно утратила функцию соединения власти и народа, превратилась в одну из подчинённых структур государственной бюрократии.

Это внутренние факторы развития революционной ситуации в России.

Но были и внешние факторы, значение которых нельзя уменьшать и замалчивать.

Россия к началу XX века была опутана не только долгами и концессиями, но представляла самое благодатное поле для деятельности различных зарубежных спецслужб и спецструктур. Даже японцы имели в Петербурге мощнейшую разведывательную сеть. То есть там гуляли, кто и как хотел, — кстати, как и сегодня гуляют. У страны, как и сегодня, не было своей финансовой системы — она была встроена в чужие финансовые системы. Именно поэтому Россия была втянута в Первую мировую войну совершенно за чуждые интересы — никаких своих интересов в этой войне у неё не было.

Кроме того, в Российской империи проживало тогда более половины евреев всего мира, организованных и тотально мобилизованных через различные политические структуры. Тех евреев, кто не желал «идти в революцию», всячески преследовали и даже убивали.

Результаты хорошо известны — в первом советском правительстве из 22 членов 18 были еврейской национальности. Во ВЦИК — 43 еврея из 66 человек. Русские в этой революции были «наверху» в явном меньшинстве. Иными словами, отстранены от управления своей страной.

Если мы проведём из этого времени линию в 1945 год, когда Сталин произнёс тост в честь русского народа, то есть фактически объявил о том, что теперь власть

в стране — русская, нам многое станет понятнее в отечественной истории XX века.

С другой стороны, 50 тысяч российских офицеров в годы Гражданской войны сражались на стороне красных. Не потому, что боялись репрессий против себя или своих семей, а потому, что видели в них продолжателей отечественной государственности, которую Временное правительство разрушало на корню.

А за что воевали «белые» офицеры? Не за царя, не за монархию, а за ту же отечественную государственность, за «единую и неделимую Россию». Гражданская война решала, на каких началах будет строиться новая мощная русская держава: капиталистических или социалистических, о возрождении романовской монархии всерьёз речи не шло даже у белых.

Россия вообще зарождалась как государство, началом которого являлся общинно-коллективистский принцип. А это уже социализм.

Приоритет нравственных, духовных, идейных ценностей над материальными — это тоже, по сути дела, социализм.

Социальная справедливость и равноправие — это тоже социализм.

Без опоры на эти социалистические, «красные», принципы Россию как мировую державу со своим геополитическим проектом было не возродить — именно поэтому белые испытывали жесточайший разрыв между своими целями и имевшимися у них средствами; именно поэтому они потерпели военное поражение, обусловленное такими социально-политическими и идейными причинами, «перескочить» через которые они не могли при всём желании. И после Победы 1945 года правота «красного проекта» признало подавляющее большинство белых эмигрантов.

Максим ШЕВЧЕНКО,

телеведущий Первого канала:

— Ульяновск-Симбирск — это символическое место, а символы вообще крайне существенны для истории. И в отечественной истории очень многое замыкается на символическом. Мы, русские, — нация поэтов. Наш язык создавался прежде всего поэтами — в отличие, скажем, от европейских наций, где он создавался, может быть, философами или политиками. И поэтому для нас, для нашего языка, для нашей культуры метафора имеет особое значение.

«Красные» и «белые» — это метафоры, и это символы.

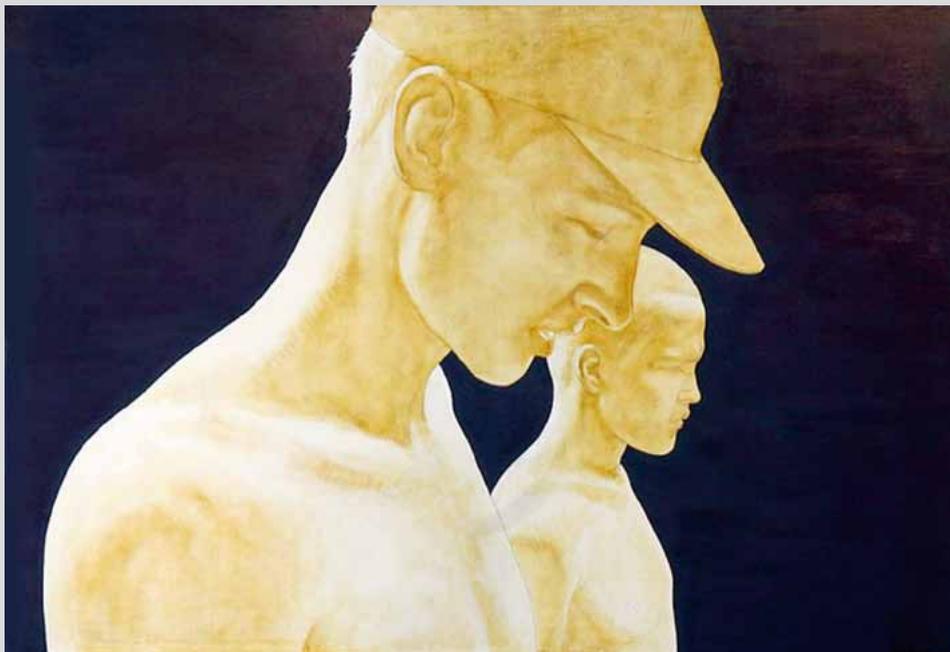
Как объединить два символа, две метафоры?

Об этом думали уже в годы Гражданской войны и сразу после неё лучшие представители всех враждующих сторон. Это и Блок с его «Скифами» и поэмой «Двенадцать», и Есенин, и Бер-

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Максим ШЕВЧЕНКО,
телеведущий Первого канала.

Леонид Ротарь, из серии «Не молчи», 2008, холст, акрил.

дьяв, и Устрялов, и евразийцы, и многие другие. Кто-то погиб в эмиграции, кто-то — в ГУЛАГе, кто-то — на фронтах Великой Отечественной войны. Кто-то долго и мучительно добивался права говорить и быть услышанным — например, как Лев Гумилёв.

Все они — в этом смысле наши предшественники. Их достижения и даже их ошибки — наше общее достояние. Не будем о них забывать.

Я считаю советский период неотъемлемой частью нашей истории, поскольку Октябрьская революция, при всём её западном марксизме, была проявлением развития тех сил внутри русской цивилизации, которые тогда не нашли других форм, чтобы стать воплощёнными в политике, экономике, социальном устройстве.

Почему у «красных», особенно в годы революции, было такое полное, абсолютное неприятие всего того, что ассоциировалось с Российской империей? Это очень важно понять, чтобы мы могли двигаться дальше.

В моём понимании мира его человеческое измерение является ключевым. Например, способ социальной коммуникации,

происхождение добра и происхождения зла. Из различной трактовки этих трёх фундаментальных вещей складываются уникальные сообщества, которые мы называем, например, русским миром, или немецким миром, или кавказским миром, или угрофинским миром.

Для русского мира учение о социальной коммуникации выражается в словах Льва Толстого, которые он, кажется, позаимствовал у каких-то французских социалистов-утопистов, но придал им истинно русское звучание: «Если злые люди объединяются ради злых дел, то что мешает добрым людям объединиться ради дел добрых?»

В своей интенции русская революция, и это почувствовал Блок, несла именно призыв Христа. Потому что обычная, земная жизнь в Российской империи для русских людей была почти невыносима. Казалось бы, что невыносимого было в этих дорогах, в этих дворянских усадьбах, в этих церквях? Что подняло огромную страну на революцию, на поиски иного мира?

Мне кажется, проблема была в том, что именно романовская

империя была воплощённой утопией, созданной по немецко-французским лекалам. В чём-то она глубоко противоречила органическим началам жизни народов, населявших это евразийское пространство, и прежде всего — органическим началам жизни самого русского народа. Идея единого унифицированного государственного имперского порядка, выраженная в строительстве Санкт-Петербурга, противоречила традиционным ценностям этих народов.

Не будем забывать, что 300 лет Романовых — это как минимум четыре мощнейших казачьих восстания. Это раскол XVII века с «соловецким стоянием», когда царские войска девять лет осаждали Соловецкий монастырь, после взятия которого православные монахи были выварены в смоле.

Причем и казаки, и старoverы вовсе не были против царя — они были за царя и царскую власть как форму организации и гармонии, но организации — чего и кого? Не совокупности рабов, принадлежащих государству петровского типа, а совокупности свободных людей, земств, которые прогнали иностранных оккупантов, избрали царя, присягнули ему на верность и взяли с него клятву, которая была нарушена.

Когда говорилось, что злые люди объединяются ради злых дел, имелась в виду не Салтычиха, которая была крайностью, а весь правящий слой, даже изъяснявшийся между собой на иностранных языках и воспринимавший своих подданных то ли как дикарей, то ли как говорящих животных.

Революция была объединением добрых людей ради добрых дел. А русское представление о добре требует царства на земле как отражения Царства на Небе. Оно хилястично по своей сути. Все «волшебные» русские сказки — про плохого царя, которого

сменяет на троне после многих испытаний и подвигов Иван-дурак и правит по чести, по справедливости.

Заметьте, в феврале 1917 года никто не встал защищать романовскую империю. Жёсткие схемы, вроде бы организующие русскую жизнь и превращающие её в некое подобие Запада, противоречат самой природе русской жизни, жизни других наших народов.

Третье — учение о зле. Оно хорошо выражено в написанной Достоевским «Легенде о Великом Инквизиторе». Великий Инквизитор выражает идею тоталитарного государства. Такое государство для русского человека — экзистенциальное зло. И весь XX век был историей сопротивления русских тоталитаризму, к которому пытались свести идею русской революции, идею социализма. И Достоевский сказал: «Если случится так, что истина будет против Христа, то я буду с Христом против истины». Это абсолютно русская мысль.

Поэтому мне кажется, что сегодня, в XXI веке, мы должны учесть и порыв русской революции, и ужас русской революции, в которой тайна русской души была явлена всему человечеству. Мы всё ещё стесняемся быть самими собой, ещё пытаемся казаться кем-то другим, кем мы на самом деле не являемся.

XXI век должен стать веком России в её органических, естественных евразийских началах. В этом я вижу глубокий смысл примирения и синтеза «красного» и «белого» символов.

**Протоиерей
Александр МИНЯЙЛО,**
доктор экономических наук, ректор Уральского института бизнеса

— Дорогие братья и сёстры! Мы часто рассуждаем штампами. Пример такого штампа — кон-

курентия. Нам навязали эту западную модель конкуренции, конкурентоспособности. Но нам нужна соборность. Вы молитесь за меня и желаете добра мне, а я молюсь за вас — получается синергетический эффект. Какая конкуренция, если мы все братья и сёстры?

Митрополит Иоанн Санкт-Петербургский и Ладожский говорил, что «бизнес плодит компаньонов, а вера рождает поборников добра и любви». Кого мы будем рождать: компаньонов или поборников добра и любви? Конечно, мы будем рождать на генетическом уровне поборников добра. И дальше он говорил: «Народ польстился на лживые посулы построения рая на земле без Бога и тем самым потерял самосознание и разрушил крепкое государство, в основе которого стояло православие».

Духовно-нравственный путь развития России — это единственный путь. Потому что он приближает к Богу государство, приближает к Богу каждого человека. И в пословице русской, которая родилась на Волге, говорится: без Бога не до порога. Корни нашей революции в том, что мы падали в духовном плане всё ниже и ниже. И ведущие слои нашей интеллигенции, те же дворяне, стали уже стесняться разговаривать на русском языке, на этом божественном языке, многие священные слова и обороты которого даже перевести на иностранный язык затруднительно. Ну как можно перевести на английский язык «Боже, помилуй мя, грешнаго»? Что получится по-английски? Это «тьфу» только сказать.

Какую же цель должно поставить перед собой Российское государство? Что, мы капитализм должны строить? Так капитализм процветал в России, причём был производителем,

вкладывал свои деньги именно в развитие государства, страны. Или целью мы объявим индустриализацию? Но время индустриализации, обязательно предполагающей урбанизацию, прошло. Москва — 8 миллионов жителей, 7 миллионов ещё незарегистрированных. Разве это нормально? Ведь Господь нам дал землю. Это единственная страна, друзья мои, над которой не заходит солнце: если оно уже садится в Питере, то оно уже встало во Владивостоке. Таких пространств нет больше ни у кого. А говорим: у нас нет земли.

Нашей целевой установкой должно стать создание нового общества, общества духовной цивилизации, основой которого является православие. А это подразумевает и духовно-нравственную экономику. Ведь получается что? Мы живем в эпоху, когда возрождается православие, мы строим повсюду храмы,

Фото: Василий ПРОХАНОВ

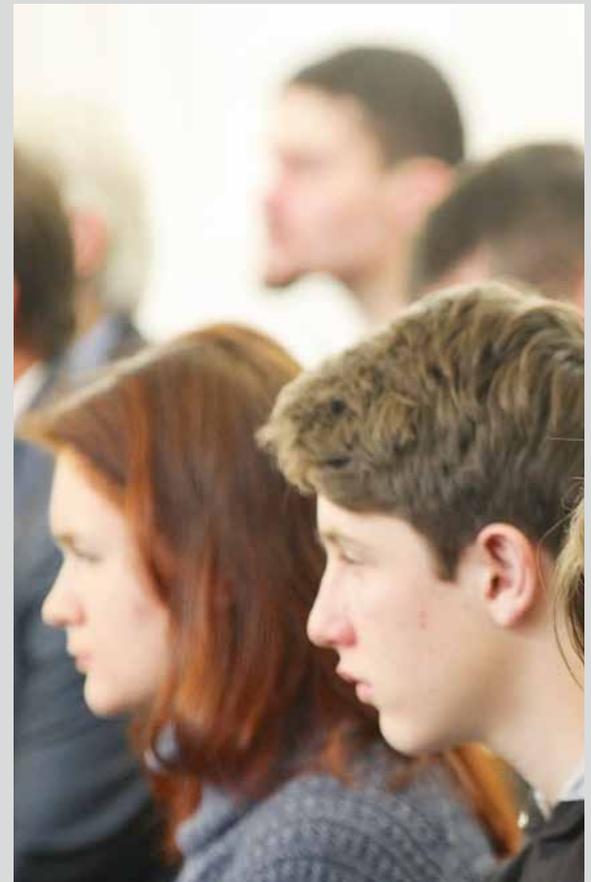

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Протоиерей Александр МИНЯЙЛО,
доктор экономических наук, ректор Уральского
института бизнеса.

а в хозяйственной практике мы всё делаем наоборот. Мы идём в ней против своей культуры, против своих традиций и, конечно, против своей веры. Но нельзя хозяйствовать против своей природы, против своей традиции, понимаете? Поэтому теоретическая экономическая мысль в России сегодня начинает работать над созданием национальной модели экономики, нравственной экономики, в которой по-новому предстают многие экономические категории. Мы должны создать наши, отечественные учебники по экономике.

Нравственный подход не означает какой-то отказ от материального, ведь кормить семью, растить детей нравственно. А вот строить общество потребления —

это в нравственном отношении ложный путь развития. И мы говорим о другом развитии, духовно-нравственном, поскольку только в таком обществе человек может быть счастлив. В России это в том числе и вопрос безопасности: ибо нравственное общество и нравственная экономика у нас являются условиями сильного государства с сильной армией, чтобы мы жили в свободной, суверенной России. Могут спросить: свободной от чего? В первую очередь свободной от греха. Потому что сначала совершается внутренний грех, он ослабляет человека, а потом уже приходит и внешнее поражение.

Александр НАГОРНЫЙ,
политолог, заместитель
главного редактора газеты
«Завтра», исполнительный
секретарь Изборского клуба:

— Я заострю внимание собравшихся на высказанном здесь уже многократно — правда, в неявной форме — тезисе о том, что в современной России противостояние «красных» и «белых» носит совершенно особый характер и по сути своей является во все не таким, каким выглядит по форме. Нам кажется, что это спор о прошлом, о «комиссарах в пыльных шлемах» и «корнетах Оболенских», а на деле это спор о будущем, который только обращён в прошлое. В английском языке есть специальная глагольная форма, «прошлое в будущем», *past in future*, — это именно то, о чём идёт речь. Согласитесь, что там, в прошлом, примирение «красных» и «белых» уже невозможно — потому что была Гражданская война, были красный и белый террор, была трагедия «первой волны» эмиграции и так далее и тому подобное.

Но я уверен в том, что такое примирение «красных» и «белых» — именно как «красных»

и «белых» — окажется невозможным и в обозримом будущем. Потому что у нас нет «белого» образа нашего будущего, а «красный» образ нашего будущего по меркам уже в середине 60-х годов, почти полвека назад. Зато есть образ «радужного», «розово-голубого» будущего, представленный мировым и отечественным либеральным сообществом, которое, собственно, и озабочено прежде всего тем, чтобы у этого образа не возник эффективный конкурент.

В этом «радужном» проекте есть и «красные», и «белые» линии, они являются частью единого спектра, но вне его такого единого спектра нет. И те, кто видит свой идеал в империи Романовых, и те, кто видит свой идеал в Советском Союзе сталинских времён, обречены продвигаться вперёд с головой, повёрнутой не только назад, но и в разные стороны. Это и неудобно, и, по большому счёту, опасно. Потому что наши оппоненты смотрят именно в будущее. В будущее смотрят их интернет-устройства и мобильные телефоны, космические спутники и высокоточное оружие. Они точно знают, какое будущее хотят для себя, а какое — для других, в том числе и для нас с вами.

Давайте смотреть в будущее, как смотрел в него сталинский Советский Союз в годы своего взлёта. Давайте следовать духу, а не букве. Ведь не секрет, что больше половины офицеров царской армии воевало на стороне красных, что такие выдающиеся достижения советской власти, как план ГОЭЛРО, Байкало-Амурская магистраль, канал Москва — Волга, сотни и тысячи других реализованных проектов, были задуманы и созданы ещё в царские времена. Да, для их реализации социально-экономические рамки романовской империи были тесными.

Точно так же, как были они тесными для вертолётчиков Сикорского и телевидения Зворыкина — проектов, реализованных русскими изобретателями за пределами Советского Союза. По сути, даже Голливуд как всемирная «фабрика грёз» был придуман и создан выходцами из Российской империи. Точно так же сотни тысяч советских изобретений не нашли применения в плановой экономике и были использованы западной экономикой с пользой для неё.

Сегодня сотни миллиардов и даже триллионы долларов, полученных за продажу невозполнимых сырьевых ресурсов нашей страны, утекают на Запад, в Соединённые Штаты Америки, не находя применения в отечественной экономике, в отечественной промышленности и сельском хозяйстве, в отечественной науке и, говоря современным языком, в отечественной сфере услуг, то есть в образовании и здравоохранении. А мы, не обращая внимания на это, будем продолжать споры о том, кто именно отдал приказ о расстреле царской семьи или какие куски отечественной территории обещал Антанте адмирал Колчак в случае своей победы? Всё это, никто не спорит, важные вопросы, но за деревьями нужно видеть и лес.

Мы вправе гордиться нашим прошлым, но не должны им кичиться. Мы не имеем права отрицать наше прошлое, но точно так же не имеем права идеализировать его. Мы обязаны точно знать, точно понимать, в чём наша сила и в чём наша слабость. На мой взгляд, истинный патриотизм не в том, чтобы восторгаться прошлыми достижениями нашего народа и нашего Отечества, а в том, чтобы обеспечить все условия для наших настоящих и будущих свершений, которые служили бы

образцом и примером для всего человечества.

Российская империя была своего рода магнитом для соседствующих с ней народов, которые шли под скипетр «белого царя», чтобы спастись от внешних угроз и внутренних раздоров. Советский Союз предлагал всему миру модель общества наивысшей социальной справедливости — модель, которая повлияла не только на развивающиеся государства, от Монголии до Кубы, от Никарагуа до Китая, но и на ту же Европу, ту же Японию, те же США.

Вот вектор, который нам необходимо развивать, на котором возможно истинное соединение и объединение «красных» и «белых». Других вариантов, на мой взгляд, нет.

Все вы знаете о таком маргинальном идейно-политическом течении, как «неоязычество», которое зовёт своих адептов в ещё более удалённые от настоящего времена, которые предлагает в качестве «золотого века» отечественной истории. Для «неоязычников» князь Владимир

Святославович — куда больший злодей и враг, чем Владимир Ильич Ленин. Единение и гармония с ещё нетронутой природой, «естественная нравственность» — казалось бы, чем плох такой вариант руссоизма? Да именно тем, что не имеет никакого будущего.

Не хотелось бы видеть, как действительно противостоящие современному глобальному либерализму общественно-политические силы превращаются в маргинальные варианты, подобные «неоязычеству», что мы, к сожалению, зачастую наблюдали в течение последней четверти века. Нельзя только ходить на демонстрации с красными флагами или с имперскими чёрно-бело-золотыми стягами, нельзя только повторять коммунистические и монархические мантры — нужно творить, преобразовывать свою реальность, свои обстоятельства и себя самих.

Только тогда мы сможем успешно — и не на словах, а на деле — противостоять реализации глобального либерального проекта.

Леонид Ротарь, из серии «Земля и небо», 2005, см. техника.

«Красно-белый» союз – будущее России

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

В тот же день прошёл второй круглый стол, тема которого была обозначена как «Примирение российских государственников в XXI веке: ключевые идейные и символические решения». Он состоялся в стенах знаменитого «Авиастара», мегазавода по производству огромных грузовых и пассажирских самолётов — знаменитого «Руслана», Ту-204, Ил-476.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*доктор философских наук,
исполнительный секретарь
Изборского клуба:*

— Мы видим, что накал различных оценок нашего прошлого в формате синтеза «красного» и «белого» проектов достаточно высок. И это, по-моему, очень хорошо, потому что мы не должны избегать острых углов, как будто бы

мешающих выполнению нашей главной задачи, но должны найти формулу их совмещения друг с другом и единства в новой конфигурации. Возможно, это будет конфигурация покаяния, понимаемого не как отрицание прошлого опыта, а скорее наоборот, как его собирание. Ведь в православии покаяние — изменение ума, связанное с тем, что человек собирает

свой опыт. В таком понимании это слово здесь вполне уместно.

Зачем вообще нам нужен целостный взгляд на прошлое? Может быть, он действительно имеет право быть фрагментарным, и какие-то периоды истории мы можем предавать забвению или отрицать?

На мой взгляд, расчленение прошлого — это и есть сим-

птом национального раскола, какого-то Смутного времени, которое грозит снова захлестнуть нашу страну.

Поэтому отношение к прошлому, и об этом правильно сказал Александр Гельевич Дугин, не предполагает какого-то линейного восприятия событий и фактов, якобы диктующих нам определённую повестку дня. Любой человек, если он психически нормален, своё собственное прошлое воспринимает в режиме подпитки: он подпитывается воспоминаниями детства, юности, зрелости. Точно так же любая национальная культура подпитывается своим прошлым: из архаики, из древних пластов, из традиции, из консерватизма. И в то же время эти разные пласты наслаиваются друг на друга, в случае с нашей цивилизацией — это святая Русь, на которую где-то более органично, где-то менее органично накладывается империя, затем советская надстройка. И позитивная обращённость к прошлому сочетается уже и с экспериментально-поисковой формой мышления. Потому что человек, который крепко стоит в своём прошлом, способен на настоящий эксперимент. Человек, который своего прошлого не чувствует, который фрустрирован, травмирован своим прошлым, скорее всего и эксперимент породит такой же неполноценный, как он сам.

В этом смысле вопрос о расколе русских государственных нами должен быть поставлен честно и глубоко, иначе его не решить, иначе этот раскол не преодолеть. Так или иначе, очень часто тему «красных» и «белых» стараются рассматривать только в оптике Гражданской войны. Это неправильно. Когда мы проецируем «красное» и «белое» в оптике Гражданской войны на другую эпоху, скажем,

на сталинскую, или на послесталинскую, или на современную, получается, что мы более болезненное состояние проецируем на более здоровое и по законам болезни пытаемся судить более здоровое.

Говоря о примирении «красных» и «белых», мы подразумеваем не примирение стоящих по разные стороны баррикад, по разные стороны линии фронта. Мы подразумеваем «красную» и «белую» традиции, которые примиряются, — фактически речь должна идти о двух разновидностях традиции. Таким образом, мы переходим на более глубокий уровень рассмотрения. Именно через видение разных традиций внутри одной государственности, одной истории возможна концептуализация примирения раскола.

Таким образом, получается, что для того, чтобы примириться, сначала надо размежеваться, иначе не получится. Есть некое внутреннее размежевание, размежевание с самим собой внутри «красной» традиции, с теми вещами, которые не совместимы со становлением государственности, а также и размежевание внутри «белой» традиции. Что я имею в виду? В случае с «красными», это, конечно же, развязанный ими массовый террор, который проявил себя сразу же после 17-го года и до конца не был изжит даже в середине 30-х. Нивелировка предшествовавшей традиции продолжалась очень долго и в очень ожесточённой форме, и мы не можем скрывать эти факты сами от себя и от общества.

С другой стороны, радикализм Февральской революции, который в открытой фазе просуществовал в течение всего полугодия, не может рассматриваться как что-то до конца ясное, до конца характерное, хотя его корни и генезис ясны. Но ведь мы

В конференц-зале «Авиастара».

имеем и другой «белый» радикализм конца 80–90-х годов, ведь они пришли, наши перестройщики, наши либералы, под как будто «белыми» знамёнами. И здесь надо понимать, что и в случае с Февралём 17-го года, и в случае с большинством представителей белой гвардии, и в случае с наследниками Февраля, которые пришли в конце XX века, на волне возвращения к ценностям Февральской революции, мы имеем дело с определённой узурпацией белого цвета. Для нас, для Изборского клуба, я говорю и от себя, и от многих своих коллег, «белое» начало — это именно начало империи. Понимаемая таким образом «белая» традиция очень глубоко укоренена в нашей истории. Эта традиция государей, которые строили Россию в течение столетий, это труды и подвиги традиционных сословий нашего народа. А вовсе не Временное правительство, которое собиралось расчленить империю и у которого были уже

договорённости с их масонскими братьями за рубежом, что не только Финляндия и Польша, но и Украина, и Закавказье будут отделены. А сегодня мы воочию увидели, что их наследники то, что не удалось сделать в предыдущую Смуту, сделали в новую Смуту, причём очень быстро. В начале 90-х всё это, запланированное ещё тогда, произошло практически мгновенно. Таким образом, конспирология превращается в реальную историю, в реальную политику.

Концепция трёх Смутных времён, о которой я говорю и с позиций которой пытаюсь разобраться, показывает, что внутри русской истории есть такие периоды, где нигилизм берёт верх над народным стоянием в самом себе, над самостоятельностью национального бытия. Но в оптике либералов опять же самым страшным моментом в этой истории оказывается 37-й год. А в оптике патриотов, скорее

наоборот, 37-й год — это конец периода полного и тотального нигилизма, когда произошло очищение от радикализма и начался сдвиг к консерватизму.

И в этой связи необходимо сказать, что сама тема «красно-белого» примирения и примирения государственников — во многом тема поколенческая, потому что то поколение, в котором эти раны болят, в котором они живы, вряд ли способно будет легко воспринять такого рода послы. Должно прийти новое поколение, и в какой-то степени оно уже приходит. Здесь дело не в возрасте людей, а в возрасте их внутренней зрелости. На мой взгляд, Изборский клуб — это как раз знамение того, что оно входит в жизнь.

«Красные» и «белые» строители, которые строили державу, имеют очень мало разногласий между собой. А вот разрушители, право-левые хамелеоны, играют полуправдами, а там, где речь идет о полуправде, — это уже скорее какая-то ложь. И очень часто вот эти право-левые игры реализуются через навязанные нам ложные двойственные оппозиции. Например, разрушители противопоставляются охранителям, а несогласные противопоставляются соглашателям. И весь мир разбивается на такую бинарную картинку: черное и белое, либо «красное» и «белое» в нашем случае.

А выход из этой разводки заключается в том, чтобы увидеть третий центр. В этой связи Изборский клуб — это не охранители. Мы скорее хранители, поскольку мы стараемся постичь, что нужно хранить в нашей культуре и цивилизации. И точно так же мы не соглашатели, но и не несогласные. Мы скорее настаивающие — настаивающие на высшей правде. Не на своей полуправде, а на высшей правде. Мы настаиваем на правде, и мы храним

свою традицию. Вот две формулы, которые помогают нам выйти из навязываемых нам разводов.

Валерий КОРОВИН,

председатель оргкомитета Евразийской партии:

— Последние 20 лет мы находимся во власти гегемонии либерального дискурса, который совершенно чётким и определённым образом трактует понятие общечеловеческих ценностей исключительно в либеральном ключе. А именно: как право личности на удовлетворение своих интересов и потребностей вопреки интересам и потребностям государства и общества в целом, что и является главной ценностью, перенесённой на всё человечество.

Это свобода для наживы, это свобода для достижения личного успеха, комфорта, свобода торговли и предпринимательской инициативы, свобода рыночных отношений в рамках открытого общества. И именно эти свободы сегодня лежат в основе западного мира, а далеко не права и свободы общества, права и свободы народов, коллективных субъектов, общин, что гораздо ближе понимание русского человека. Общечеловеческие ценности, таким образом, понимаются как исключительно либеральные ценности, навязанные всему человечеству глобальным Западом.

Безусловно, у русских есть своё представление об общечеловеческих ценностях. Недаром Фёдор Михайлович Достоевский определял русского как «всечеловека». Но русские общечеловеческие ценности совершенно иные и в значительной степени противоположны ценностям Запада. Они всецело отрицают то, что Запад выставляет сегодня в качестве базовых архетипов развития западного общества, и то, что он понимает под общечеловеческими ценностями.

В этой связи уместно обратиться к вопросу идеологии.

Я недавно встречался с Сергеем Георгиевичем Кара-Мурзой, который является признанным исследователем советского прошлого, советской эпохи. Так вот, он сказал, сославшись на слова Юрия Андропова, что в последние дни своего правления тот констатировал: к сожалению, мы не понимаем того общества, в котором живём. Сам Кара-Мурза именно этим объясняет крушение советской эпохи, советской действительности.

В момент прихода Хрущёва к власти мы потеряли контроль над идеологическим формированием общества в силу слабоумия его лично и элит, которые с ним пришли. Вместе с так называемой оттепелью они впустили в страну западные ценности, и следующее поколение, которое родилось и было воспитано в советском обществе при Хрущёве и Брежнев, который законсервировал хрущёвскую эпоху, воспитывалось и формировалось при колоссальном воздействии западных ценностей. Мы ещё жили в советском государстве, которым управлял Андропов, а наша молодёжь уже поклонялась Западу, американским джинсам, западным культурным кодам, музыке, товарам лёгкой промышленности. Это то, что в конечном итоге разложило её. И уже следующим этапом стала тотальная либерализация нашего молодого поколения, которое сформировалось при чудовищных трансформациях и метаморфозах, осуществившихся под воздействием культурно-идеологических кодов, пришедших к нам с Запада.

Свобода, как её понимали в царской России, а также русский либерализм, который зарождался в России в конце XIX — начале XX века, — это далеко не то же самое, что западная свобода, трактуемая в либеральном ключе. С ценност-

ной точки зрения тогдашние русские либералы исповедывали то, что сегодня исповедуют КПРФ и Геннадий Андреевич Зюганов; это абсолютно консервативные традиционные ценности. Русский либерализм был консервативен и лишь робко говорил о том, чтобы сократить абсолютную власть монарха и сделать монархию конституционной.

Да, русские либералы боролись за гражданские права, в том числе крестьян, и этим они были близки народникам, которые так стремились увеличить объём гражданских прав для крестьянства. Но западный либерализм скакнул настолько далеко вперёд уже тогда, и сегодня он развился до такого уровня, что отрицает уже индивидуума как такового, апеллируя к понятию «дивидуум» — это «человек делимый», он свободно оперирует понятиями «клон», «мутант», «киборг». Западный либерализм давно потерял суть человека, той самой личности, за права которой боролись первые либералы-идеалисты. И сегодня Запад агрессивно навязывает этот подход остальным цивилизациям.

Ничего общего в русском либерализме не было с тем, что сегодня предлагает нам Запад, поэтому сегодня, когда мы упоминаем слово «либерализм», находясь под тотальной гегемонией Запада и его дискурса, что бы мы ни подразумевали под этим, мы всё равно оказываемся в плену западных интерпретаций и трактовок. Либерализм сегодня понимается только так, как его формулируют на Западе, а совершенно не так, как его формулировали русские либералы конца XIX века.

Поэтому, когда мы говорим о том, что новая идеология должна базироваться на консервативных ценностях, включающих в себя общечеловеческие ценности, основанные по умолчанию

Валерий КОРОВИН,
председатель оргкомитета Евразийской партии.

на идеологии либерализма, — это означает не что иное, как включение в себя яда, который убивает нас последние 20 лет и будет продолжать убивать. Сегодня мы снова не понимаем того общества, в котором живём, им управляем не мы, а Запад через дискурс, через культурные коды, пропитав ими всё наше общество, нашу молодёжь. Мы не управляем молодёжью, потому что мы не понимаем её, мы пожинаем плоды внешнего культурно-цивилизационного управления, и завтра наша молодёжь предъявит претензии к тому, что мы задержались в архаике и не до конца понимаем Запад.

Современное российское общество виновато в том, что не занимается идеологией и, как следствие, не занимается воспитанием нашей молодёжи — не на чем, нет базы. Её воспитанием занимаются силы извне. Поэтому, если мы хотим вернуть русскому обществу нашу моло-

дѣжь, не надо бояться говорить об идеологии. Пока мы не сформируем ясные идеологические коды и ясные идеологические модели, мы не будем иметь контроля и влияния на формирование своей культуры, мы не будем понимать свою молодѣжь и своё общество, и в конце концов мы потеряем и Россию — так же, как мы потеряли Советский Союз.

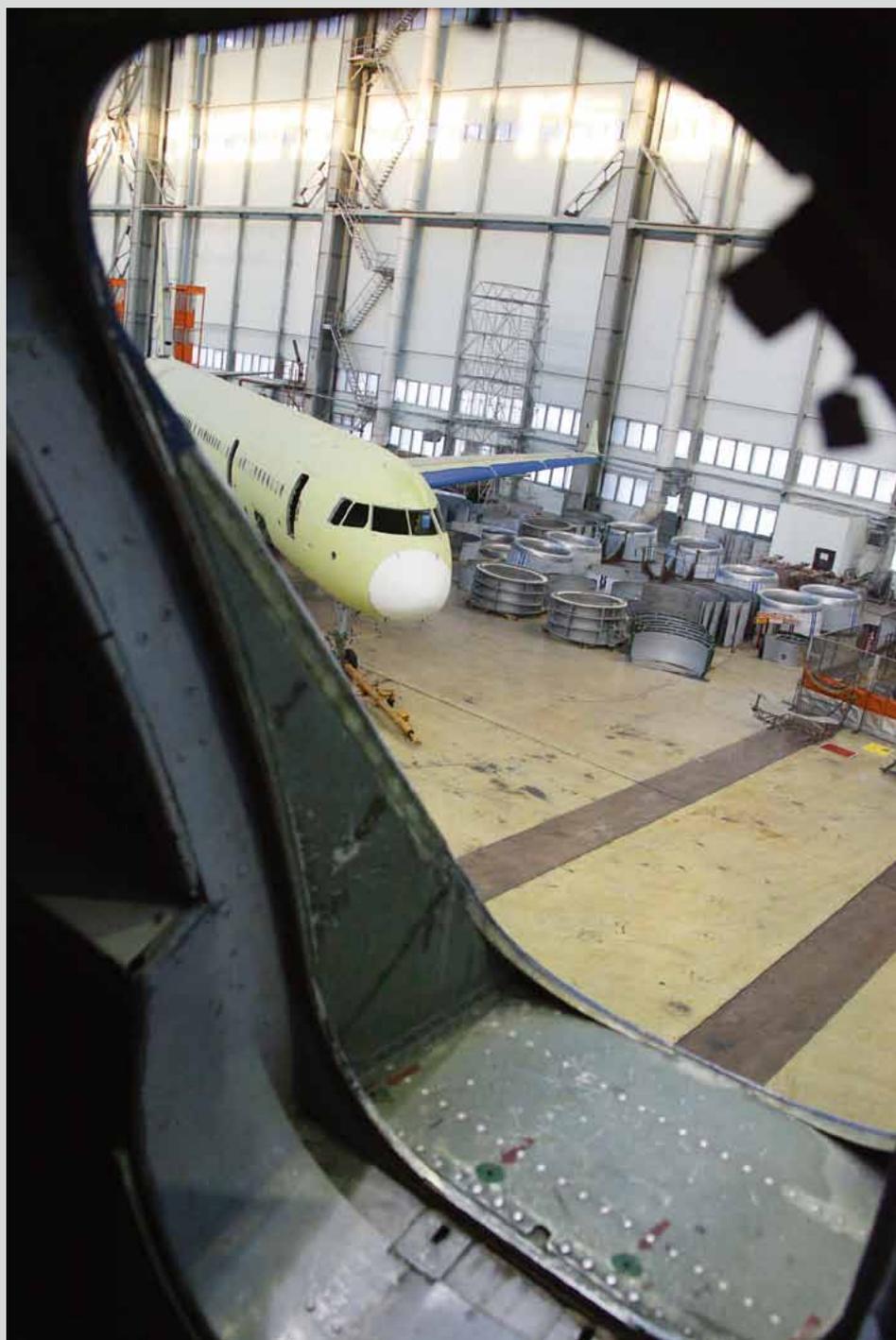
Пользуясь тем, что народ, массы, население всегда податливо к тому, что говорит власть, мы должны на уровне властного дискурса формировать новые идеологические смыслы, категорически отрицающие любые западные и тем более либеральные ценности, которые являются абсолютным ядом. И, формируя эти идеологические и культурно-

цивилизационные коды, опирающиеся на нашу традицию и на нашу историю и культуру, о которой сегодня было много сказано нашими ульяновскими коллегами, только так мы можем формировать предсказуемый для нас образ будущего и содержание нашей молодѣжи. Тогда для нас не станет вдруг совершенной неожиданностью то, что молодѣжь отринет нас с нашими представлениями о культуре и традиции и станет на службу западным цивилизационным кодам, благодаря которым она сформировалась.

Сергей БЕЛКИН,
главный редактор
альманаха «Развитие
и экономика»:

— То, что я хочу сказать, — это спонтанная реакция на прозвучавшие здесь выступления и какие-то мои размышления в связи с данной темой. Помоему, в современной России на самом деле ни «красных», ни «белых» давно нет. Каждый из нас, вспоминая историю своей семьи и своих родственников, обнаружит там и «красных», и «белых» в переплетении их личных и исторических судеб. Прошло 90 лет. И вот мы здесь собрались... Я вижу, что основной мотив, по которому мы здесь собрались, это дискомфорт, который мы испытываем внутри себя. Если попытаться представить нашу совесть как некоторую ткань, сделанную из таинственного, драгоценного, божественного происхождения материала и уходящую куда-то далеко-далеко, в историю наших предков, то на этой ткани можно разглядеть множество пятен и дыр, которые, собственно, и не дают нам покоя сегодня.

Я вижу, что совесть, её голос — это основная мотивация, благодаря которой мы с вами здесь сегодня находимся. Мы чувствуем некую вину за те со-

бытия, которые происходили 90 с лишним лет назад, пытаемся их осмыслить. И мы называем это примирением «красных» и «белых». То есть нравственный мотив мне представляется основной платформой, на которой сегодня строится обсуждение этой проблемы, — платформой, не менее важной, чем насущные политические или социальные нужды. Нравственность — это система координат в пространстве добра и зла, должного и недолжного, охватывающая все стороны человеческой жизни.

Сегодня Россия представляет собой, на мой взгляд, нравственную пустыню. Мне могут возражать и сказать: «Как же так? Никто не отменял заповеди Божии, некоторые помнят «Моральный кодекс строителя коммунизма». Да, существует довольно много нравственных кодексов, которых можно придерживаться, но все они апеллируют прежде всего к личности, к её внутреннему состоянию, к её совести. А вот нравственные кодексы, которые бы давали оценку явлениям социальным... Их то ли нет, то ли не хватает. И здесь огромная лакуна, каверна, пустыня. Мы живём в обществе, где нет нравственных авторитетов в том смысле, который я имею в виду, говоря о социальной совести. Личное спасение, «жизнь вечную» я буду искать в лоне родной мне православной Церкви, ничего другого здесь мне не нужно. Точно так же, как не нужно ничего другого, кроме своей религии верующему мусульманину или иудею, а кроме своей идеологии — убеждённому коммунисту. Но о том, что было безнравственным 90 лет назад, — об этом можно и нужно говорить. О том, что было безнравственным 15 лет назад, когда была проведена в стране безнравственная приватизация, тоже сказано мало и недостаточно, неопределённо. В государстве и обществе

до сих пор нет института, который взял бы на себя эту нелёгкую функцию.

Я в своей внутренней запальчивости ожидал и, признаюсь, грешен, думал о том, почему же Церковь молчит? Почему она не сказала, что творилось и творится в стране? Потом я сам себе сказал, что это не её функция — у неё другая задача. А почему я так внутри себя на Церковь набросился? Да потому, что больше некуда мне обратиться с этим вопросом. Потому что ни политические партии, ни какие-то иные институты, существующие в обществе, этого не делают.

В этой связи я вижу, что в том деле, которое мы сейчас начали, есть перспектива, учитывая состав людей, их совесть, их культуру и знания, в том числе попытаться взять на себя функции нравственного авторитета, способного дать адекватную оценку социально-политическим событиям последнего двадцатилетия, а может быть — и столетия.

Что кается вопроса объединения «красных» и «белых» в его нынешней актуализации... Это чрезвычайно важно сегодня, потому что мы живём в смертельно расколотом обществе. Для меня пока нет ответа на вопрос «Что делать?». Как нам выработать некий консенсус? Ведь работа в данном направлении является очень важной частью общей работы по выработке консенсуса между разными социально-политическими группами, существующими в стране.

Мы все — и я, к сожалению, тоже — находимся в стадии агрессии, когда человек хочет победить своего врага. У меня есть идейные враги, вы их сейчас упоминали, — это либерально-демократическая среда. Могу её обозначить каким-нибудь бессмысленным словом — например, «чубайс». Чего я хочу? Найти с ними зону консенсуса? Я за-

Сергей БЕЛКИН, главный редактор альманаха «Развитие и экономика».

глядываю в своё сердце и пытаюсь там найти ответ... Или я хочу их победить? Это очень непростой вопрос. В истории сложились два типа «нравственности»: когда поиск консенсуса или компромисса является добром и когда он, напротив, является однозначно злом. Это хорошо известно в социальной психологии. Даже в Евангелии Иисус Христос в разное время даёт своим апостолам два совершенно разных наставления. Первое: «Кто не против вас — тот с вами». И второе: «Кто не с вами — тот против вас». Если уж у нас в стране среди мощных, весьма определённых и достаточно влиятельных социальных групп мы не можем найти зоны консенсуса, встает вопрос: либо одни других должны уничтожить, истребить физически или выгнать за пределы страны; или переубедить, что крайне маловероятно; или всё-таки увидеть общие высшие цели. Если у нас, живущих в одной стране и при-

держивающихся разных взглядов, нет общих высших целей, — страна обречена. Обречена либо убивать друг друга, либо найти эти высшие цели, ради которых мы должны сосуществовать. Это мне представляется очень важным вопросом.

И последнее, о чем бы я хотел сказать, — о наследии «красных» и «белых». «Белые» проиграли военную борьбу, политиче-

по городу, где родился «красный» вождь. И в связи с тем, что эти два наследия сущностно, качественно отличны, у нас должно быть понимание, осознание этого факта. «Белые» и их страдания, их идеалы заслуживают сочувствия, сострадания, понимания, сожаления. «Красные» — это реальное наследие, реальная жизнь, реальные технологии, то, в чём все мы живём. И к этому должно возникнуть некое иное отношение.

В заключение хочу сказать, что я воодушевлён чрезвычайно, я не ожидал такого уровня накалённой заинтересованности, такой глубины познаний разнообразных ответвлений столь сложной проблемы. Это внушает мне даже не надежду, а уверенность: несмотря на то, что избранная нами задача очень сложна и никто в нашей истории не попытался всерьёз её решить, — нам это окажется по плечу.

Пётр АКОПОВ,

политолог:

— При всей огромной важности борьбы за историю, которую все последние двадцать лет вели патриоты, — борьбы за то, чтобы связать воедино имперский и советский периоды, можно сказать, что перелом здесь уже произошёл. Он произошёл и в сознании власти — в частности, это проявилось в том, что Путин сказал в своём Послании парламенту о единстве тысячелетней истории России, в достаточно символическом назначении на идеологический пост министра культуры Владимира Мединского, в дискуссиях вокруг «закона Димы Яковлева» и «дела Pussy Riot», во множестве других, крупных и мелких, ярких и незаметных, симптомов. Этот процесс будет набирать обороты, и, по-моему, он уже необратим.

Кроме того, в ходе предстоящей в ближайшие годы зачистки коррумпированной элиты должно быть вскрыта её опаснейшая,

русофобская либеральная часть, что существенно ослабит и подорвёт позиции всей либеральной машины пропаганды. Конечно, не дожидаясь этого, нужно наращивать работу по связке, скрепе нашей «бело-красной» истории. Но есть, кроме борьбы за связку «красной» и «белой» идей в прошлом, и ещё более актуальная потребность в борьбе за их единение в развивающейся политической ситуации. Это даже важнее, чем борьба с чистым либерализмом.

Потому что либерализм как идеология и как политическая сила — повержен. Пока не окончательно, но уже бесповоротно. Поэтому сегодня так актуальна работа над сближением «красной» и «белой» идеи — не только потому, что именно в этом направлении находится выход России из идеологического тупика. А ещё и потому, что на недопущение такого единства сейчас будет делать ставку проигравший либерализм. Этот волк будет рядиться в овечьи шкуры — в те, которые близки русскому народу, в «красную» и «белую». Потому что это его единственный шанс на удержание ускользающей из его рук власти в стране.

Как будет осуществляться раскол и развод имперской и советских идей? Через их направление в две разные, противоположные стороны: советское уведут в левый радикализм, в троцкизм, в сторону антитрадиционализма, а имперскую, «белую» идею ведут к уменьшительному национализму, к отрицанию тех устремлений к солидарности и справедливости, которые двигали «красной» идеей.

Понятно, чем это опасно: уведя, разводя «красных» и «белых» в разные стороны, ими можно будет легко манипулировать, а главное — прийти на их плечах к власти. Потому что России, в случае сохранения нынешнего со-

Пётр АКОПОВ, политолог.

скую борьбу. Их наследие — это их идеалы, их мысли, их страдания, их судьбы. Наследие «красных» — это страна, в которой мы живём. «Красные» победили, они за 70 лет советской власти прошли через существенные трансформации своей сути, они, условно говоря, многократно превращались из гусеницы в бабочку и так далее. В результате мы сейчас встретились на заводе, построенном «красными», мы поедем

циально-экономического уклада, грозит именно социальная, социалистическая революция, точнее бунт — массовое, стихийное возмущение народа. И если «красные» будут отвлечены, уведены от союза с «белыми», именно они и станут ударной силой этого восстания. А выгодополучателями, манипуляторами станут либералы, замаскированные под «красных».

Таким образом, ни «красная», ни «белая» идеи по отдельности не могут ни стать государственной, национальной идеологией, ни победить, ни даже избежать того, чтобы стать объектом манипуляции со стороны либералов. То есть альтернативы синтезу «красной» и «белой» идеи просто нет — без синтеза они обречены на политическое и идеологическое поражение.

Как избежать этого?

Сцементировать «красно-белый» союз тем, что сделает его нерушимым.

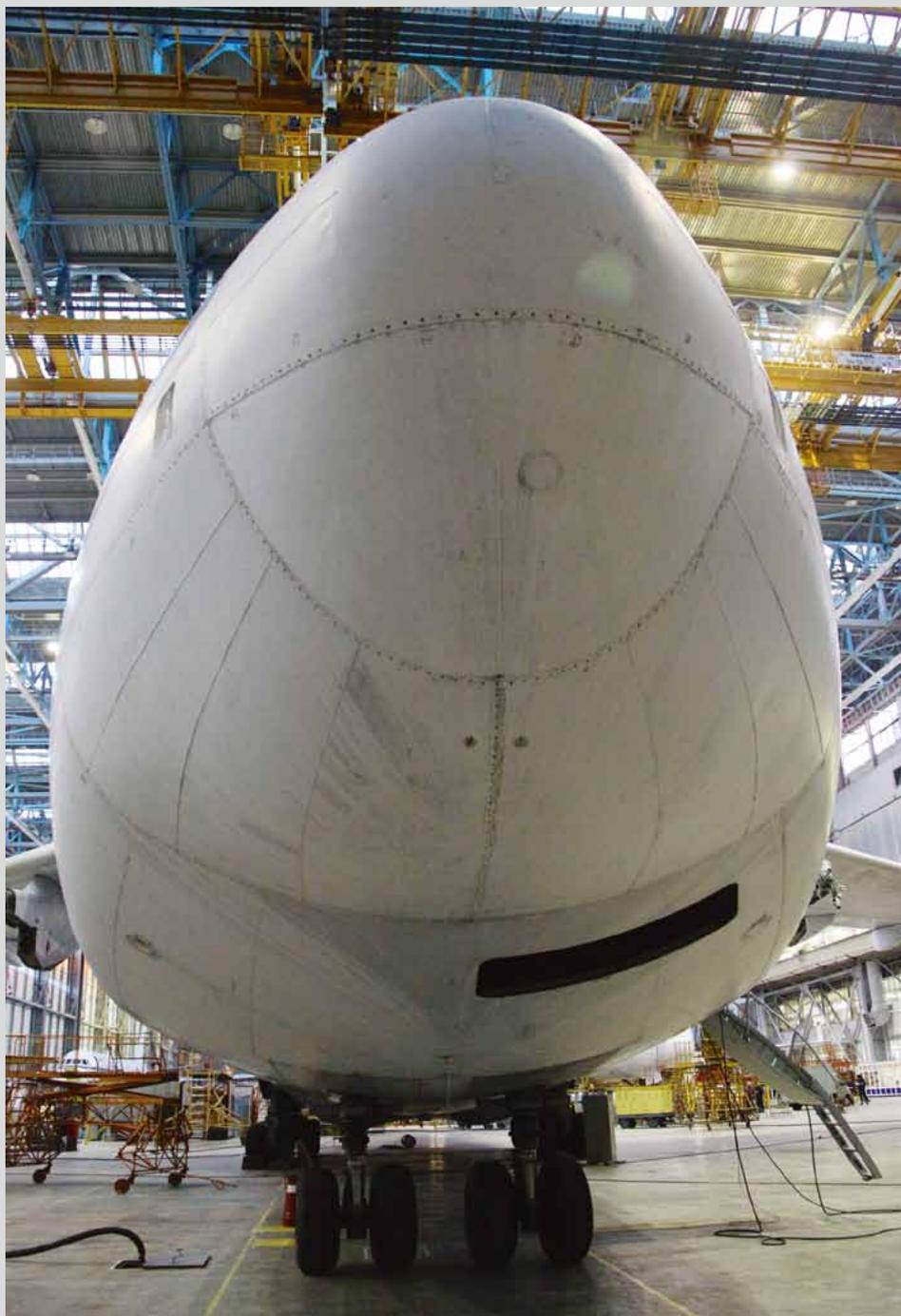
Что может стать такой основой?

Александр Дугин говорил о том, что отвержение либерализма, отрицание индивидуализма — объединяет «красных» и «белых». Да, но кроме этого отрицания есть и общее утверждение. Это — стремление к справедливости. Потому что не только Бог есть мера вещей для сторонников «белой» идеи, но и стремление к социальной справедливости, к царству Божьему на Земле. Ведь кто главный носитель «белой» идеи? Не имперские чиновники, а русское крестьянство. Все его этические, жизненные ценности были построены на солидарности и справедливости, на отрицании не только рынка, но и конкуренции как основы экономики. Не нужно называть это коммунизмом — нужно найти новые термины. Может быть, «православный социализм», может быть, «коммунитаризм», но не термины главное...

Так что справедливость и солидарность есть мера вещей не только для «красных», но и для русских вообще. Это фундамент, основа для сближения и синтеза «красного» и «белого», для их окончательного слияния. Именно слияния — потому что после советского периода русский народ уже никогда не смирится с любой формой классового общества, общества, построенного

на принципах социальной несправедливости. Надолго загнать русских в капиталистический строй — даже видоизменённый государственным контролем — не получится. Будет взрыв.

Есть ли у Путина шанс на изменение основ социального строя? Есть. Есть ли у него такое желание? Пока нет. Но другого способа предотвратить новый взрыв и революцию у него нет.

Ульяновская декларация Изборского клуба

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

Мы, деятели различных профессий, с различными убеждениями, сплотившиеся в Изборском клубе, обращаемся ко всем патриотам России вне зависимости от их идеологических ориентаций. Над нашей страной нависла угроза очередной Смуты, чреватая ещё одним расчленением нашей державы, на этот раз уже окончательным и необратимым. Мы видим нарастание и приближение этой фундаментальной опасности по всем социальным, экономическим и политическим параметрам. Именно стремление предотвратить эту смертельную угрозу свело нас воедино в историческом русском городе Ульяновске (Симбирске). Данную декларацию мы не рассматриваем как окончательный канонический документ для всех патриотов, но предлагаем взять её за основу нашего объединения, чтобы вместе развивать и дополнять её, превращая в общенародное дело.

В качестве средства предотвращения надвигающейся катастрофы мы призываем всех государственников, кому дорого будущее России, выступить единым патриотическим, имперским фронтом, противостоящим либерально-глобализаторской идеологии и её адептам, которые действуют в интересах наших геополитических врагов. Важнейший аспект нашего единения — это правильное понимание складывающейся тяжёлой обстановки. России необходимо слияние двух мощнейших энергий, произрастающих из «красной» и «белой» идеологий русского патриотизма. Это слияние подразумевает привнесение в структуру и систему деятельности государства мощного элемента социальной справедливости, который наследуется от СССР, и возвращение к православно-христианской ду-

ховности и универсальности традиционной России. Такой синтез сделает нашу страну и державу непобедимой, позволит предложить человечеству всеобщий путь социального развития, основанный на опыте Русской цивилизации.

Мы отдаём себе отчёт в том, что полный синтез «красной» и «белой» идеологий невозможен, но возможен и, более того, жизненно необходим союз между носителями советской идеологии, верными своей родине СССР после её разгрома, с одной стороны, и ревнителями традиционных форм, прежде всего Российской империи до 1917 года и Русской Православной Церкви — с другой.

Принадлежность единому имперскому фронту означает стремление к целостному взгляду на прошлое и подразумевает признание единого историко-софского фундамента России, включающего доромановскую Русь, петербургскую империю и советский проект. Русские государственники не должны допускать, чтобы какой-либо из указанных периодов в целом либо в частностях рассматривался в качестве «чёрной дыры» отечественной истории. Нам есть чем гордиться и в истории традиционной России, и в истории СССР. Мы — наследники великой страны и великих предков, которые соединяют нас своим служением России, её будущему.

В этом отношении сближению и союзу «красных» и «белых» противостоит либеральный проект, который праздновал победу и над традиционной Россией в феврале 1917 года, и над Советским Союзом 74 года спустя. Попытки либералов присвоить «белый» цвет империи как в Гражданскую войну, так и в постсоветский период, и в наши дни, нельзя расценивать иначе как уzurпацию символов.

Деидеологизация государства оказалась в XX столетии самым сильным организационным оружием в руках геополитических противников нашей страны. Этот приём был применён против нас дважды. «Февралисты» в 1917 году вели дело к расчленению империи, им это не дали сделать большевики. В 1991 году эту задачу решили наследники «февралистов», тем более что конфедеративная структура СССР благоприятствовала «мирному разводу» по республиканским границам. В начале 90-х годов были деидеологизированы всё общество и его институты. Под видом департизации произошло идейное разоружение не просто огромной страны, а целой цивилизации, которая вместе с коммунистической идеологией на время отказалась от мысли о том, что у неё есть свой цивилизационно-культурный код и общая для её народов славная судьба.

В условиях острейшей политической и демографической угрозы «белые» и «красные» патриоты должны сосредоточиться на базовых опасностях.

Таких как либеральная пропаганда вседозволенности, растущий национальный сепаратизм, астрономические по своим масштабам наркомания и пьянство и, как следствие, демографический провал русского этноса, всеохватывающая коррупция и тотальная олигархическая криминализация экономики. Наконец, к базовым опасностям относится и нарастающее экономическое и военнотехническое отставание от передовых стран мира, что чревато поражением в грядущих военных столкновениях.

«Белую» и «красную» идеи Изборский клуб видит не в оптике братоубийственной Гражданской войны, которую следует считать исторической трагедией России, но как две традиции

государственности: традицию русских царей, собирателей империи, и традицию Сталина, советского цивилизационного строительства. И для одной, и для другой традиции святыней является суверенность державы.

Чтобы осмыслить возможность сближения двух традиций, необходимо определённое внутреннее размежевание в каждой из них. Необходимо отвергнуть так называемый «белый» радикализм Февральской революции и её наследников конца 80-х — начала 90-х годов. С другой стороны, нужно отмежеваться от массового террора и классовых войн против коренных русских сословий, которые разжигались космополитическим крылом «красного» интернационала.

Радикализм уходит, народ изживает раны Смутного времени, происходит очищение как «красного», так и «белого» начал от примешавшегося к ним глобализаторского и транснационального, по существу, русофобского духа. «Красные» и «белые» созидатели имеют очень мало разногласий. Их правды могут и должны сочетаться. Сегодня примирение патриотов — императив выживания.

Наши недоброжелатели больше всего опасаются согласия государственников. Ведь государственники опираются на значительно более широкую поддержку общества, чем апологеты рыночных реформ. Если же осуществится полноценный союз «красной» и «белой» традиций, то он будет представлять интересы и убеждения не только подавляющего большинства граждан Российской Федерации, но также интересы и убеждения большинства населения в государствах постсоветского пространства.

Во имя будущего страны и народа — так победим!

¹ Тема вражды и возможности согласия представителей так называемых левых и правых идеологий в современной России сама по себе вызывает ожесточённые споры. В этой связи мы хотели бы подчеркнуть, что представляемые нами доклады являются не столько докладами Изборского клуба, сколько докладами Изборскому клубу, то есть разработками, которые готовит определённая группа экспертов. Авторы доклада предлагают его клубу в качестве возможного видения необходимых решений и смыслов. Выход под эгидой Изборского клуба того или иного доклада не означает автоматически, что все члены клуба или все его сторонники разделяют содержащиеся в нём исторические трактовки и мировоззренческие подходы, его риторику и язык.

Основные авторы доклада: В. В. Аверьянов (составитель), С. А. Батчиков, А. В. Елисеев, В. И. Карпец, М. В. Медоваров, А. А. Проханов, К. А. Черемных.

Также среди экспертов, внесших вклад в подготовку доклада, необходимо упомянуть: С. Н. Белкина, диакона Владимира Василика, А. А. Нагорного, А. В. Фоменко.

По ту сторону «красных» и «белых»

Союз патриотов-государственников России — требование истории, императив выживания

Доклад Изборскому клубу¹

*Борьба должна перенестись на дьявола... Поймётся ли это?
Священник Димитрий Дудко*

Иллюстрации: Геннадий ЖИВОТОВ

1. «КРАСНЫЕ» И «БЕЛЫЕ»: ИНСТРУКЦИЯ К ПРИМИРЕНИЮ

На долю Изборского клуба выпала миссия стать чем-то вроде штаба патриотических сил современной России. И одним из отправных пунктов, очерчивающих пространство необходимых, насущных решений для возрождения нашего народа, нам видится начало процесса примирения, осознания тех патриотов-государственников, национально ориентированных общественных сил, которые по тем или иным причинам находятся между собой в состоянии как минимум взаимного недопонимания, а как максимум — периодически разгорающейся и затухающей холодной «гражданской войны».

При углублённом взгляде на эту проблему можно увидеть, что за нею скрывается совсем другая проблема, которая не является только внутренним русским делом. Эта проблема — вовлечённость

России в течение ряда столетий в трудную, изнурительную и опасную борьбу цивилизаций, которая для нашего народа зачастую была преисполнена рисков утраты себя. Россия не менее двух третей своего исторического времени находилась в состоянии войны (по подсчётам историка Л. М. Сухотина, с XIV по XX век страна провела 329 лет, по другим подсчётам, в течение XVIII и XIX вв. на 128 лет войны пришлось 72 года мира). Что касается XX века, то, по выражению В. М. Фалина, наша страна не познала ни одного мирного часа, все решения принимались «под прицелом и давлением извне, часто в обстановке шантажа и прямых угроз».

Во второй половине XX века, в условиях «ялтинского мира», наша держава стала гарантом долгого периода глобального перемирия, под личиной которого скрывалась ожесточённая и не менее изнурительная, чем войны прошлого, холодная война с Западом. Противостояние

ЭНЕРГИЯ

СССР

цивилизаций к исходу XX века привело к нашему поражению. Это было поражение не в холодной войне как таковой, не в войне экономик или вооружений, но в войне новейших организационных технологий, в которых мы по сравнению с нашими противниками оказались не на высоте. Корень этого поражения следует искать в нашей склонности к внутренней розни, в преувеличении противоречий между своими, родными и приуменьшими опасностями внешнего противника. В результате мы (в лице горбачёвско-яковлевской власти и тогдашних элит) не проиграли войну в собственном смысле слова, а самораспустились как субъект истории, капитулировали в качестве самостоятельной цивилизации, «открылись» так называемому глобальному миру. И до сих пор восстановление нашей субъектности остаётся тяжёлой и не до конца решённой проблемой для власти и общества.

Исходя из сказанного главным критерием принадлежности к русским патриотам,

на наш взгляд, является — поверх распри «красных» и «белых», поверх спора революционеров и реакционеров, прогрессистов и консерваторов, утопистов и традиционалистов — критерий **борьбы цивилизаций**, в которой Россия не переставала участвовать при всех политических режимах. Тот, кто стоит за Россию, — тот наш, невзирая на его идейную окраску и партийное происхождение. Тот, кто подвергает сомнению Россию как она есть, раскрывшую себя на нескольких ступенях исторического развития (включая доордынскую «русскую античность», старомосковский, петербургский и советский периоды), мечтает перекорчевать её в угоду своим пристрастиям, западничеству или интернационализму, расизму или космополитизму, либерализму или левачеству, — тот наш противник, каким бы одухотворённым «белым» либо пламенным «красным» он ни представлялся.

Борьба цивилизаций — это борьба смыслов, борьба идеалов смысла жизни, обновляемых на каждом историческом

этапе, но при этом несущих исконные традиционные установки той или иной культуры. Победа одной цивилизации над другой — это победа одного смысла жизни над другим, когда победитель принуждает не просто сложить оружие, но и признать, что он живёт лучше и правильнее побеждённого. Именно этот вопрос стоит в центре революций и Смут, которые происходят в незападных обществах. (Вопрос о смене принципов смысла жизни на самом Западе несколько сложнее, и мы не будем сейчас на нём останавливаться. При этом оговоримся, что и современный Запад — это результат победы новоевропейского проекта над староевропейским, победы постхристианства и постгуманизма, требующих признать их превосходство над старым миром, над старой христианской цивилизацией.)

Исходя из этой оптики, а вовсе не из оптики братоубийственной Гражданской войны, мы и предлагаем посмотреть на пресловутую «красно-белую» тему. По-

смотреть и разобраться в том, можем ли мы сегодня вступить в стратегический союз друг с другом. Способны ли мы, патриоты, **соединить идеал социальной справедливости с ценностями традиционализма — направить два этих начала нашей истории, два этих мощнейших потока нашей национальной энергии не в борьбу «брат на брата», а в единое русло — русло развития русской государственности и политической культуры.**

Мы уверены, что такой союз советских патриотов (условно «красных») и патриотов-традиционалистов (условно «белых») возможен и в конце концов состоится. Мы хотим обратить внимание на тот факт, что «красное» и «белое», «левое» и «правое», «монархическое» и «социалистическое», — все эти начала неразрывно связаны в российском опыте государственного строительства. Российская империя была во многом социалистическим государством, а Советский Союз можно считать «красной» автократией.

Когда Россия восстанавливает себя после Смуты, движется от разрухи к росту и развитию — сквозь «красное» начинает прорастать «белое», сквозь «белое» — «красное». Несовместимы же эти начала могут быть только в эпохи Смута и самоуничтожения народа. Так, если в 1919 году «красное» и «белое» начала казались несовместимыми (да и действительно были таковыми), то в 1945-м для большинства народа они уже нерасторжимы. Как возможен такой парадокс — мы постараемся объяснить в своём докладе.

Мы считаем необходимым признать, что Советский Союз наследовал Российской империи не только геополитически — в плане сохранения «большого пространства». «Красная» империя продолжала политико-экономическую традицию империи «белой». Традиция эта, вне всякого сомнения, была государственно-социалистической, только в дореволюционной России она была «инфицирована» либерально-буржуазными влияниями, а в постреволюционной — влияниями леворадикальными. Позднее, в 60–80-е годы история как будто повторилась, и либеральное диссидентство, апеллируя к западноевропейским ценностям, которые

оно выдавало за «общечеловеческие», во второй раз за XX век принялось подтачивать нашу державу. Очищение русской государственной традиции от либерализма и нигилизма является важнейшим залогом укрепления России и преодоления трагической вражды между «красным» и «белым».

Суть нашего подхода можно свести к нескольким положениям:

1. Использование понятий «белое» и «красное» в оптике Гражданской войны сделало бы саму постановку вопроса, которую мы предлагаем, крайне уязвимой. Сегодня всё очевиднее выясняется, что сама по себе картина Гражданской войны гораздо сложнее, чем это живописала как советская, так и антисоветская пропаганда и историография. В борьбе цивилизаций, в борьбе с исторической Россией ставка внешними врагами делалась как на «белую» силу (февралистов, их наследников, вождей «добровольческой армии»), так и на «красную» (большевиков), причем одновременно. Сегодня в понимании многих «белые» — это прежде всего либералы, Учредительное собрание, «демократия», верность Антанте, зависимость от интервенции и иностранного патронажа. При этом во время Гражданской войны на фланге, противостоящем большевикам, очень скоро оказались не только кадеты и республиканцы, но и эсеры с меньшевиками². Так или иначе, речь должна идти не о противостоянии сил революции и сил восстановления дореволюционного порядка, но о **противостоянии между сторонниками разных направлений революционного, «освободительного» движения**, подпитываемого и подстрекаемого из-за рубежа.

2. После краткой и противоестественной синкопы Февраля 17-го русская история медленно повернулась — с иными мотивациями и идеологическими обоснованиями — на традиционные пути. Путь к этому повороту лежал через братоубийственную войну и классовый террор. «Красная» традиция государственного строительства пришла уже на следующей волне, в качестве трудного и болезненного сталинского синтеза, когда радикализм стал уходить, когда народ изживал раны

и болезни Смутного времени и Гражданской войны. Но борьба цивилизаций на этом не закончилась — и попытка Февраля была повторена спустя 74 года. Теперь наши враги и внутренние предатели уверили себя в том, что на этот раз Русская цивилизация повержена — об этом «прораб перестройки» и главный оператор предательской идеологической игры А.Н. Яковлев говорил как о «сломе тысячелетней русской парадигмы»: «Впервые за тысячелетие взялись за демократические преобразования. Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь».

3. Разрушение СССР — второй акт «красно-белой» драмы. На этот раз разрушители использовали символы белой армии и прямо провозгласили себя наследниками и преемниками Февральской революции (но не Российской империи!). «Белым» цветом они воспользовались в первую очередь, чтобы подчеркнуть свой антисоветский пафос, пафос борьбы с КПСС как государствообразующей в то время структурой. «Красная» сторона выступала как обороняющаяся. В этот исторический момент стало как никогда ясно, что очень многое роднит СССР и Российскую империю, что это две ступени развития нашей великой цивилизации. Особенно очевидным это стало после 1988 года, когда широко отмечалось тысячелетие Крещения Руси и началось внушавшее большие надежды возрождение православия. Казалось бы, мы увидели проблеск новой России, Пятой империи, переход к которой мог состояться без Смуты, без надрыва, без падения в пропасть. Но этот счастливый переход был вновь сорван либералами-демократами, воспалёнными ненавистью ко всему советскому, а также, как теперь уже ясно, ко всему имперскому опыту России.

4. До сих пор никем так и не была дана нравственная оценка свершившемуся, которая исходила бы не от «победителей» или «побеждённых», не от «красных» или «белых», а от народа, преодолевшего этот раскол и осознавшего как общую трагедию, так и общие высокие цели. Прежние «красные» сгнули без покаяния. История не дала им этого шанса.

² В России после 1917 года «красными» именовали, прежде всего, именно большевиков. Левые социалистические движения (эсеры и меньшевики) в эту категорию практически не попадали. За ними утвердилось наименование «нинисты» — лозунг «Ни с белыми, ни с большевиками». Левые, претендуя на роль третьей силы, так и не смогли ею стать, практически полностью «уступив» массы «красным», большевикам.

Прежние «белые» тоже ушли в миры иные, унес с собой свои обиды и прощения. И вот уже в наши дни вместо примирения некогда экспроприированную, но затем кое-как «очищенную» в горниле «общенародной» собственности захватили и присвоили себе люди, не отягощённые вообще никакой моралью, не ведомые никакими социальными идеями, но охваченные дьявольской алчностью. В мировую историю это вошло под названиями «перестройка» и «приватизация». Так, вместо исцеления и утешения, на одну нравственную рану народа наложилась другая. В этом состоит суть третьего Смутного времени, изживать которое предстоит нам и нашим детям.

5. Две традиции государственности: традиция русских царей, собирателей империи, и традиция советского цивилизационного строительства требуют сегодня творческого осмысления и синтеза. И для одной, и для другой традиции святыней является суверенность державы. Но настоящее их возрождение сегодня **возможно только в новой традиции (новой, но традиции!), которую необходимо построить.** Иными словами, в этой традиции должна проявиться сполна вечная сущность русской традиции. Этим третьим мифом (третьим по отношению к «красному» и «белому» мифам, вдохновлявшим русских людей в XX веке) будет новая платформа единения в XXI веке — Пятая империя Александра Проханова, Пятый проект, предсказанный в Русской доктрине в очерке о четырёх проектах русской истории. Именно в чаемой Пятой империи, а не в идеологемах и войнах прошлого лежат разгадка и смысл примирения всех настоящих патриотов.

Среди **первоочередных мер**, которые уже сегодня могло бы принять государство для скорейшего исцеления раскола в нашем обществе, мы назвали бы следующие (список неисчерпывающий):

- формирование единого канонического «сюжета» отечественной истории, отражённого в официальных школьных учебниках;
- создание единого, интегрирующего ценности досоветского и советского периодов, пантеона героев и выдающихся деятелей страны;
- создание и поддержание системы мемориалов и культа памяти Отече-

ственной войны 1812 года, Отечественной войны 1914–1917 гг., Великой Отечественной войны, а также по мере возможности и других значимых событий нашей истории;

- введение жёсткого наказания за оскорбление исторической памяти народа, в том числе за трактовки дореволюционной и советской истории, огульно порочащие эти исторические эпохи;

- принятие закона об автоматическом получении гражданства РФ по праву происхождения потомками русских эмигрантов, а также бывшими гражданами СССР, которые пожелают российского гражданства;

- предоставление русскому народу статуса государствообразующего в России, а всем белорусам и украинцам, в том числе не являющимся гражданами России, — статуса членов русского народа.

2. ПРАВО-ЛЕВАЯ ИГРА ПРОТИВ РОССИИ

В ноябре 1919 года британский премьер Ллойд Джордж, выступая в парламенте, заявил: *«Возьмём Балтийские государства... Потом Финляндию... Польшу... Кавказ... Грузию, Азербайджан, русских армян. Кроме того, существуют Колчак и Петлюра: всё это антибольшевистские силы. По-*

чему же они не объединяются? Почему мы не можем их объединить? Да потому, что стоящие перед ними цели в основе своей несовместимы. Деникин и Колчак сражаются во имя достижения двух целей. Первая — уничтожение большевизма и восстановление в России нормального правительства. Во имя этого они способны найти общий язык со всеми силами, но вторая их цель — борьба за восстановление единой России. Так вот, не мне говорить вам, отвечает ли такая политика интересам Британской империи. Был у нас великий государственный деятель... лорд Биконсфилд, который утверждал, что огромная, гигантская, колоссальная, растущая Россия, подобно леднику неумолимо движущаяся в сторону Персии и к границам Афганистана и Индии, представляет для Британской империи величайшую угрозу, какую только можно себе представить».

Та же программа ясно излагается в инструкции делегации США на Версальской конференции 1919 г., в которой стоит требование «демократического переустройства» России с отчленением от неё Финляндии, Прибалтики, Белоруссии, Польши, Украины, Кавказа, Среднеазиатских республик, Сибири, Дальнего Востока.

Такие же планы вынашивались Гитлером, тогда как наиболее дальновидные из нацистских стратегов (в частности,

Вальтер Шелленберг) задумывались уже не только над тем, как расчленил СССР, но и над тем, как воспитать в отколотых от России частях местные элиты и правительства, которые не допустили бы возврата к русскому воссоединению.

В начале 90-х годов все эти планы в отношении союзного имперского пространства начали реализовываться. Программа-минимум Временного правительства по отчленению Украины, Белоруссии и Кавказа, которую не удалось осуществить после Февраля 1917-го, была выполнена со значительным превышением. Однако и того, что произошло с нашей страной в 1991 году, для наших цивилизационных противников недостаточно. Информационно-психологическая война против России продолжается до сих пор, о чём уже говорилось в первых докладах Изборского клуба.

В «красно-белом» противоборстве, разжигание которого имело своей целью ослабление и дальнейшее расчленение страны, катализатором и выгодоприобретателем выступила третья сторона, **которая (словами Герцена) не была тождественна ни западникам, ни славянофилам, но манипулировала обоими полюсами.** При этом третья сторона использовала и энергию анархистов-бунтовщиков, и самоотверженность студентов-террористов, и административный ресурс либералов, поражённых болезнью русофобии и отщепенства, и «христианско-демократические» тенденции внутри господствующей Церкви, в том числе среди епископата. Использовался и финансовый ресурс предпринимателей-евреев (причём не только крупных банкиров, но и скромных контрабандистов³), и капиталы некоторых староверов, которые восприняли психологию «малого стада» во враждебном окружении и, как сказали бы современные технологи информационных войн, представляли собой «уязвимое» сообщество внутри «страны-мишени». В центре этой

сложной игры, которую ведёт западный мир в других культурных сообществах и в других цивилизациях, стоят своего рода право-левые хамелеоны, которые возвращаются в своих странах как космополитическая альтер-элита. При этом формально данные хамелеоны могут состоять в любой партии, быть на любом политическом фланге, исполнять роль агентов, внедрённых во все значимые политические структуры и способных, когда настает час «X», манипулировать этими структурами.

Линдон Ларуш определял такую тактику термином «право-левая игра», обращая внимание на применение Лондоном этого стереотипа к самым разным обществам — от европейских империй до третьего мира на примерах Кении и Руанды. Ларуш, а до него ещё и профессор Джорджтаунского университета Кэрл Квигли (оба они систематически изучали британскую политику) отмечали её главной особенностью преемственность имперских стратегий, передающихся по наследству в аристократических родах. Доказательствами этой преемственности явились и Вторая мировая война, и третья русская Смута, и нынешний кризис Европы, вся тяжесть в разрешении которого ложится на Германию. В свою очередь, сквозной особенностью самой британской геополитики они называли **предельный цинизм**, замешанный, во-первых, на аксиоме расового превосходства, во-вторых, на традициях торговых манипуляций, заимствованных у Венеции. (Важное значение для понимания этого имеют также и родовые связи британской и «венецианской» элит.)

Геополитический соперник, поставивший целью не допустить усиления империи, достигает успеха в срыве планов её руководства, когда одновременно удаётся, во-первых, предотвратить нежелательный для неё альянс с государствами-партнёрами, а во-вторых, создать для империи внутренние препятствия для её расцвета, такие как:

- политическую дисгармонию, активизацию протестного потенциала социальных или этнокультурных групп, создаваемых мифами об их недооценённой в империи значимости, а соответственно ущемлённости;

- дискредитацию власти, в первую очередь через инструменты масс-медиа (а в нашу эпоху ещё и сетевые технологии);

- раздор между разными группами истеблишмента и т.д. и т.д.

Приведём ряд примеров, свидетельствующих о такой «право-левой» игре. Во время Первой мировой войны прессы перемежает разоблачения военных и дипломатов со сплетнями по поводу «распутинщины». Источник инсинуаций легко определим. Однако в марте 1915 года министр Сазонов вручает посламу Бьюкенену и Палеологу памятную записку, где открыто декларируются претензии России на Константинополь и Дарданеллы. Все державы-соперники играют под столом в четыре руки, дёргая за внутренние ниточки, но Россия хочет играть по-рыцарски благородно. Послы «собратьев» по Антанте заверяют премьера Штюрмера, что у их держав не будет никаких возражений. Но именно в это время, по данным историка Элизабет Хереш, деньги на русскую революцию начинают поступать через Александра Парвуса не только от Германии и Австрии, как раньше, но и из англо-американских источников. В прессе поднимается вакханалия, которая завершается физическим устранением Распутина⁴. Различные логи манипулируют русской аристократией, включая великокняжеские семьи, а новые кадры для Временного правительства готовит ложа «Великий Восток». К этому времени элита дробится и раскалывается — во дворцах и в кабинетах — до такой степени, что говорить о двух сторонах борьбы невозможно: сторон множество. Но посольства Великобритании и США держат руку на пульсе,

³ К примеру, при обсуждении раздела России на зоны влияния (Париж, 23 декабря 1917 года) представители стран Антанты, деловито размечая границы оккупационных зон, предлагали для содействия монархистскому Южно-русскому союзу Каледина-Алексеева привлечь средства еврейских общественных организаций. Как следует из документов архива лорда Альфреда Мильнера: «*Лорд Сесил... отметил огромную трудность с получением рублёвой валюты для финансирования Южной России и предложил использовать для этого евреев Одессы и Киева через дружественно настроенных евреев Западной Европы вроде сионистов.*»

⁴ При этом Распутина «разоблачали» и многие правые, монархисты, включая участвовавшего в убийстве В. Пуришкевича. Одновременно часть монархических депутатов Госдумы образовала фракцию «прогрессивных националистов», которая вступила в пролиберальный Прогрессивный блок.

как видно даже по осторожным мемуарам Брюса Локкарта. Его агент Сидней Рейли контактирует и со штаб-квартирой Эдварда Хауса, и с Вениамином Свердловым, и с оружейным магнатом Базилем Захаровым, партнёром которого является Парвус. Предопределён и первый, и второй, «запасной», состав Временного правительства⁵. Существовала и «военная ложа», стараниями которой верхушка армейского руководства была вовлечена в антимонархический заговор. Среди участников военного заговора было немало представителей правых, националистических сил, — они настаивали на сокрушении «немецкой партии» во власти, партии, которая, по их мнению, двести лет отравляла жизнь России. По свидетельству посла Франции Мориса Палеолога, «немецкая партия» ассоциировалась у этих кругов с императрицей, Распутиным, Вырубовой и великой княгиней Елизаветой Фёдоровной. Однако противостояние так называемой «немецкой партии», как правило, означало у этих «националистов» ориентацию на Францию или Англию, на республиканство или атлантизм.

В 80-е годы XX века право-левая игра, имевшая конечной целью распад Союзного государства, проявилась в умелом углублении раскола интеллигенции на «левых» либералов-западников и «правых» почвенников. Источник идеологической игры состоял из нескольких элементов, но одним из них, несомненно, являлся Советский фонд культуры, при котором на средства Роберта Максвелла издавался журнал «Наследие». Издатель — активный участник англо-советской дипломатии, того «стратегического альянса» Горбачёва и Тэтчер, который служил стартом для демонтажа всего второго (социалистического) мира. Биографы Максвелла считают, что ему принадлежала ключевая роль в подстёгивании войны между Ираном и Ираком в начале 1980-х гг. Другим

источником сверхприбылей для «социалиста» и агента трёх разведок Максвелла были поставки технологий в СССР в обход ограничений СОСОМ, а третьим, самым крупным бизнесом была сама перестройка.

Гражданская война в России в 1918–1921 гг. была, несомненно, страшным бедствием. Общие потери составили более 10 миллионов человек, тогда как потери убитыми и умершими от ран не менее 2,5 миллиона человек. И в то же время эта война всё-таки была близка к регулярной. Нерегулярные войны мы видим сегодня на огромном пространстве — от Афганистана, где доселе нет ни одной железной дороги, до Сирии, где воюют по меньшей мере четыре стороны. Такие **войны не сообщают, а высасывают энергию, смыслы и идентичность — они становятся непрекращающейся Смутой**. Регулярность Гражданской войны в России сама по себе обозначила горизонт завершения второй Смуты (её кульминация, то есть максимум энтропии, пришлась на 1915–1917 годы).

3. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ЛИБЕРАЛИЗМА И ХАРИБДОЙ ЛЕВАЧЕСТВА

Упреждая всевозможные недоумения, мы бы хотели остановиться на самой трактовке понятий «белое» и «красное». Как мы уже отмечали, для нас эти понятия не сводимы к терминологии Гражданской войны. Так, мы не считаем «белое» принадлежностью только «белой армии», «белого сопротивления» большевикам. Более того, здесь даже можно вести речь об **узурпации белого цвета как одного из символов «белой империи» русских самодержцев теми силами, которые разрушили эту империю**. Точно так же для нас «красная традиция», воплощённая в народном строе Советского Союза, в великой победе 1945 года и выстраданных

нашим народом достижениях советской сверхдержавы, не имеет ничего общего с левачеством⁶, с красным радикализмом, который был нацелен не на развитие нашей цивилизации, а на её использование в сомнительной исторической аванюре.

Публикуемые новые данные о событиях Гражданской войны уже сейчас постепенно складываются в картину, которая никак не вписывается ни в «белую», ни в «красную» апологетику. Хорошо известно, что белое движение с самого начала было если не радикально антимонархическим, то, во всяком случае, преимущественно республиканским, по духу и смыслу своему отстаивающим лозунги и идеалы «народной свободы», провозглашённые в феврале 1917 года. В июле 1918 года граф Ф.А. Келлер обратился с письмами к генералам Деникину и Алексееву со словами: «Объявите, что Вы идёте за законного Государя, а если его действительно уже нет на свете, то за законного же Его наследника, и за Вами пойдёт без колебаний всё лучшее, что осталось в России, и весь народ, исстрадавшийся по твёрдой власти». Однако этот и другие подобные призывы не только не встречали сочувствия у руководителей движения, но и решительно отторгались.

Ярославский исследователь С.В. Холяев говорит по этому поводу так: *«Белое движение органически связано с августовскими днями 1917 г., вошедшими в историю как «корниловский мятеж». Однако лица, вошедшие впоследствии в штаб Добровольческого движения, так или иначе проявили свои политические устремления задолго до Февраля, сочувствуя тому заговору, который организовывал с конца 1916 г. А.И. Гучков, а А.М. Крымов даже входил в круг заговорщиков»* («Могли ли белые быть монархистами?» // Власть, 2011, № 7). Официальный лозунг т.н. «непредрешенчества» был выдвинут только для того, чтобы не отталкивать монархически настроенных офицеров. «Если бы

⁵ Им не удастся, однако, просчитать подготовку Брестского мира. После заключения этого договора Германия развернёт мощное наступление, а те планы, которые обсуждали в Париже лорд Сесиль и маршал Фош, сгорят синим пламенем. После этого принимаются экстренные меры: самоуправленцы-эсеры, в их числе ветеран «Народной воли» Марк Натансон (знаковая фигура в «право-левой игре» против России), попытаются устроить путч. При этом существовал и второй сценарий, где был задействован Рейли (заговор Локкарта). Избавиться от руководства большевиков вдруг захочется и продюсеру революции Парвусу, но он не получит поддержки в Берлине.

⁶ Понятия «левак», «левачество» трактовались в советских словарях в том духе, что левак прикрывает свою оппортунистическую, соглашательскую сущность радикальной революционностью. На наш взгляд, в этой трактовке заключается глубокий и до сих пор актуальный смысл.

белогвардейцы догадались выбросить лозунг «кулацкого царя», мы не удержались бы и двух недель», — признавался Троцкий. Об этом же писал Солоневич в своём труде «Народная монархия».

При этом главными противниками восстановления традиционного порядка были даже не белые генералы, а западные «союзники». «Никто из нас не имел ни малейшего желания реставрировать в России царизм...» — говорил президент США Вудро Вильсон. А созданное в Париже в начале

1919 г. «Русское политическое совещание» (под председательством князя Львова, первого главы Временного правительства), игравшее роль представительства белых армий, сотрудничавших с Антантой, постоянно требовало от белых генералов провозглашения «глубоко демократического характера целей, преследуемых русским антибольшевистским движением». В целом белое движение можно назвать лево-либеральным. Это чётко определил генерал Я.А. Слащёв, говоривший, что оно

представляло собой «смешение кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов»⁷.

Жёсткую оценку белому движению даёт такой осведомлённый аналитик, как В.М. Фалин: «Считаю необходимым раскрыть понятие «гражданской войны». Если строго держаться фактов, всех фактов и только фактов, то, наверно, надо было бы признать, что как таковой гражданской войны в Советской России поначалу не было. Так же, как не было гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг., и так же как то, что ныне мы наблюдаем в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. В ту пору на территории Советской России буйствовало 350–360 тыс. интервентов. К ним собирались во второй половине 1918 г. добавить еще примерно 600 тыс. штыков. Французы особенно настаивали на расширении внешнего вмешательства. Однако, по зрелом размышлении, против высказался Вильсон и засомневался Ллойд Джордж.

Вот тогда принялись пестовать Колчака и прочих. Адмирал называл сам себя американским конкистадором. Кем же был Колчак в реальности? Сведения об октябрьском перевороте застали его в Соединённых Штатах. Колчак решил в Россию не возвращаться и подал заявку на зачисление его в британский военно-морской флот. Наставник из Альбиона счёл, что адмирал пригодится на другом поприще». («Запад и Россия в XX веке: связь времён»).

Это, конечно, личная точка зрения В.М. Фалина. Но её по-своему подтверждает и великий князь Александр Михайлович Романов, который так раскрывал произошедшую в ходе Гражданской войны чудовищную перверсию: «Инспирируемое сэром Генрихом Детердингом, или же следуя просто старой программе Дизраэли-Биконсфилда, британское министерство иностранных дел обнаруживало дерзкое намерение нанести России смертельный удар... Они надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей белого движения стало невозможным. Делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали... к священной борьбе про-

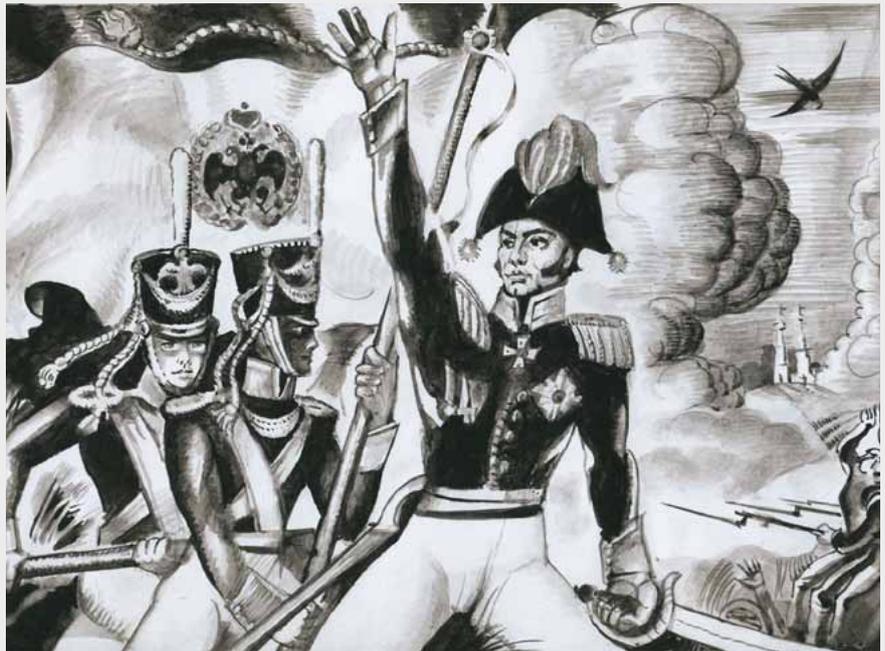
⁷ При этом в 1920-е годы белая эмиграция значительно поправила, там возникают достаточно сильные монархические организации — такие, например, как Российский имперский союз-орден (РИСО). Это было своего рода отрезвление, закономерный итог переоценки ценностей после революционных бедствий.

тив Советов... Никто не спорит, Советы убили трёх моих родных братьев, но они также спасли Россию от участи вассала союзников. <...> Если то, что вы любите в России, сводилось единственно к вашей семье, то вы никогда не сможете простить Советы. Но если вам суждено прожить свою жизнь, подобно мне, желая сохранения империи, будь то под нынешним знаменем или под красным флагом победившей революции, то зачем колебаться? Почему не найти в себе достаточно мужества и не признать достижения тех, кто сменил вас?» («Книга воспоминаний», написанная в 1933 году).

Ниже в своем докладе мы коснёмся того, что многие монархисты и сторонники правых движений, видя, как разворачивается ситуация, предпочли поддержать большевиков против белых (то есть «февралистов»). Этот, казалось бы, абсурдный и парадоксальный факт покажется не столь уж абсурдным, если учитывать, что правые хорошо знали, кто такие вожди белого движения и кто за ними стоит. Ведь мир русской образованной элиты был тесен, а сведения о прошлых масонских связях и увлечениях, о зависимости от интервентов, о договорах с иностранными державами и кредитных контрактах, которые подписывали белые, не оставались в секрете.

При этом, говоря об узурпации символики белого цвета белогвардейскими военачальниками и идеологами, нельзя игнорировать тот факт, что в массе этого движения было множество самоотверженных, искренних людей, которые не видели себя ни в качестве марионеток Антанты (или Германии), ни в качестве представителей старых сословий, воюющих за свой классовый интерес. Сотни тысяч офицеров, кадетов, казаков, крестьян шли в добровольческую армию и умирали на полях сражений за свою родину. Об этом убедительно пишет в своих воспоминаниях духовник белого движения митрополит Вениамин (Федченков), человек удивительной судьбы, оставивший Россию в 1920 году и вернувшийся в 1948 году в СССР, чтобы

служить там в церкви до самой кончины. «В белой армии и большой дух жертвенности, не за корысть, не за собственность даже, а за Родину, за Русь вообще, — вспоминал митрополит. — Кто не примет этого объяснения, тот не может понять белого движения! Большевики казались губителями России. И честному русскому нужно было бороться против них! История знает, с какой готовностью люди отдавали себя на раны и смерть». («На рубеже двух эпох»).

Однако для многих были очевидны и прозападные корни белого движения. По выражению Святослава Рыбаса, во время Гражданской войны раскрылась «трагическая панорама: с одной стороны — мировые революционеры, с другой — западные наёмники, а патриотам не оставалось места». («Сталин»).

Что касается красной символики большевиков, то в этом вопросе они были последовательными западниками — взяв знамя якобинцев и революционеров XIX века. По мысли архимандрита Константина (Зайцева), высказанной им в книге «Чудо русской истории», факт появления крас-

ного знамени в ходе волнений во время «крестьянской реформы» 1861 года «не объясним внутренними причинами народной жизни». Он был привнесён в крестьянские массы революционно настроенными интеллигентами. Это, несомненно, так. Так же как несомненно другое: красные стяги, традиционные на Руси, известные с древних времен и осенявшие собою войска Дмитрия Донского на Куликовом поле, — не воспринимались русским на-

родом как что-то чуждое. «Красная традиция» в ходе перерождения большевизма в сталинизм, так же как и цвет советского флага, наложились и на «Красную Пасху», и на еще более древние народные архетипы, даже и дохристианской поры⁸.

Революционеры сделали так, что «красная» символика стала восприниматься в России неотрывно от идеи социальной справедливости. Однако понимаемое таким образом «красное» начало мощно присутствовало в Российской империи. Возможность его полного осуществления руками русского царя систематически срывалась российскими либералами и радикалами-нигилистами всех мастей,

⁸ Если и правы те конспирологи, которые возводят красное знамя к фирменному щиту семейства Ротшильдов, то это далеко не всё объясняет в нашей «красной традиции». Так же как и отсылка к красным флагам пиратов-флибустьеров отражает лишь культурное сознание Западной Европы. Для русского культурного сознания эмблема Ротшильдов не значила ровным счётом ничего, тогда как стяги Дмитрия Донского были записаны в генетической памяти. Революционеры-идеологи вкладывали в кумачовые полотнища свои «книжные» смыслы, тогда как народ — свои исконные интуиции.

а ещё более — олигархической верхушкой, за которой маячили англосаксонские джиржёры. Эта «пятая колонна» расшатала романовскую империю примерно так же, как в XX веке её наследница в лице либеральной и западнической прослойки внутри советской номенклатуры расшатывала советский строй.

Если обратиться к предыстории 1917 года, мы увидим: либерализм и нигилизм в России были связаны глубокой

капитализма, свободную куплю-продажу земли, уничтожение крестьянской общины, не скрывая своего презрения к «нецивилизованному» русскому народу. Основные идеи «аристократической оппозиции» в эпоху реформ разделяли многие министры и даже члены династии, доходившие до провозглашения открытых симпатий к восставшей польской шляхте.

Показательно, что в 60-е годы XIX века в России сложилась влиятельная груп-

были, со своей стороны, заинтересованы в развитии «юридической профессии».

Однако в России были и подлинные консерваторы, противостоящие ползучей олигархической революции. В том числе и усилиями этих подлинных консерваторов, кого либералы презрительно **именовали «красными» (!)**, потерпели крах их проекты конституции, крестьянская община была сохранена, могущество польской шляхты было сломлено, а её земли отданы крестьянам. «Трагедия белой гвардии» — так польские националистические историки называют результаты тех мер, которые были предприняты «красной», на их взгляд, династией Романовых. «Красной» — в их устах звучит почти как «азиатской». Последовательные западники-руссофобы вроде графа П.А. Валуева ужасались процессу «азиатизации» России в 70-е и особенно 80-е годы XIX века. На самом деле никакой «азиатизации» не было. Россия просто стравивала с себя наносное и обнажала свою сущность — **сущность монархии Белого Царя, воплощающего в жизнь «красную» социальную справедливость**, идущего навстречу своему народу «поверх голов» олигархии, как это делали в определённые исторические моменты практически все Романовы, как более «консервативные», так и более «либеральные».

И не было случайностью, не было даже единичным гениальным прозрением, что Константин Леонтьев в последние годы жизни выразил мечту о русском царе, который станет во главе «социалистического движения». Не было случайностью и то, что независимо от Леонтьева проект нового закрепощения всех без исключения сословий и превращения Российской империи в мобилизационное государство высказал в конце 1890-х годов Николай Фёдоров.

К 1881 г. некоторые либеральные газеты уже твёрдо стояли на позициях плохо скрываемой русофобии — это проявлялось из месяца в месяц, из года в год в каждой реакции либеральной прессы на любой указ правительства, на любое на шумевшее уголовное дело. При этом деятельность радикалов-нигилистов и ниспровергателей в общественном мнении выдавалась за святое жертвенное подвигничество. И в этом огромную роль

внутренней связью, выступая как две партии в оппозиции традиционному укладу. Уже так называемые «люди сороковых» в массе своей открыто желали поражения России в Крымской войне, надеясь на крах «николаевского режима». Нотки государственной и национальной измены ясно прозвучали во время польских восстаний 1830 и 1863 гг., когда многие русские дворяне с многовековой родословной поддерживали поляков и становились в оппозицию не только к своему государю, но и к своему народу.

Однако подлинным мотором развития нигилизма и одновременно либерализма в России стала «аристократическая оппозиция» 1860–1870-х годов — земельные магнаты, озлобленные на царя из-за отмены крепостного права и требовавшие передачи власти в их руки в качестве «компенсации». Эти «аристократы из яхт-клуба» проповедовали развитие «дикого»

па конституционалистов, мечтавшая об установлении в России монархии по английскому образцу. И возглавляли её именно недовольные реформой крепостники. Покровителем этой группы был могущественнейший шеф жандармов граф П.А. Шувалов. У них был свой рупор — газета «Весть». Кроме того, существовало Общество взаимного поземельного кредита, которое неявно ставило перед собой цель финансировать конституционную партию. Эта партия не сомневалась в своем могуществе и в том, что они рано или поздно будут править Россией, тогда как радикалы-нигилисты рассматривались ими как их «младшие братья», на фоне которых они могут представляться своего рода «русскими тори», консерваторами. Новообразованная адвокатура и вообще «юридическая профессия» была финансово заинтересована в революционерах, т.к. наживалась на их защите, а революционеры

играли либералы, всячески поддерживающие эту подмену.

В знаменитом пассаже из «Опавших листьев» Василий Розанов пишет о том, что для таких, как он, юных провинциалов 70–80-х годов столичный «нигилизм» представлялся плодом деятельности «бедного студенчества», но при ближайшем рассмотрении оказалось, что нигилизм этот действует в связке с таинственными покровителями. Отсюда разительное по сравнению с бедностью и нищетой публицистов-консерваторов материальное благополучие и даже богатство таких деятелей, как миллионер Стасюлевич с собственным каменным домом на Галерной улице, литературный магнат Благосветлов, в кабинет которого вела «дверь из черного дерева с золотой инкрустацией, перед которой стоял слуга-негр», Пантелеев, в палаццо которого собиралось Герценовское общество, и т.д. *«Я понял, где корыто и где свиньи и где – терновый венец, и гвозди, и мука, – пишет Василий Васильевич. – Потом эта идиотическая цензура, как кислотой выдающая «православие, самодержавие и народность» из книг; непропуск моей статьи «О монархии», в параллель с покровительством социал-демократическим «Делу», «Русскому богатству» etc. Я вдруг опомнился и понял, что идёт в России «кутёж и обман», что в ней встала левая «опричина», завладевшая всею Россиею и плещущая купоросом в лицо каждому, кто не примкнет «к оппозиции с семгой», к «оппозиции с шампанским», к «оппозиции с Кутлером на 6-тысячной пенсии»...*

Революция 1905 года, ознаменовавшаяся паломничеством лидеров русской интеллигенции на Запад и открытой поддержкой Японии в войне с Россией, обнажила всю неприглядную суть этого нигилизма с его подобострастием перед чужой культурой и отрицанием собственных государственной символики, служителей порядка, храмов... Начало XX века стало временем, когда фигура «борца за свободу России», открыто контактирующего

с правительствами враждебных России государств, из единичного исключения стала правилом.

Однако страна в целом не сочувствовала такому нигилизму и тайно поддерживающему его либерализму. Россия упорно не хотела прикасаться к самой сути западного капитализма. Показательно, что индустриализация в России происходила на фоне довольно-таки незначительной пролетаризации крестьянства. Рабочий класс России составлял примерно 10% населения, однако же Россия находилась на пятом месте по уровню развития промышленности и на первом месте – по его темпам. Российская империя не была «нормальной европейской» страной, хотя разного рода плутократы и двигали её в этом направлении. Между тем на Западе высокие темпы роста индустрии были обусловлены разорением большинства крестьян и пролетаризацией самого крестьянства. В России же была возможность избежать пролетаризации в больших масштабах. Крепкая русская община «поставляла» в города небольшую часть своих членов, которые просто не желали заниматься земледельческим трудом. И так получалось, что их энергии хватало для успешной индустриализации нашей страны.

В борьбе против суверенной власти либералам позарез нужно было создание «ответственного министерства». Они жаждали поставить правительство и царя Николая II под контроль парламента (Думы), сделав власть полностью зависимой от плутократии. Государь же упорно противился этим попыткам, что, кстати, говорит о наличии у него незаурядной политической воли. Будь царь «тряпкой», как это утверждают многочисленные его недоброжелатели, он с облегчением согласился бы на «ответственное министерство» и безмятежно сидел бы на троне – «царствуя, но не правя». Однако же им был выбран совсем иной, трудный и опасный путь: **хранение самодержавия от домогательств международной олигархии**⁹.

Для сравнения: в тогдашней Германии монарх находился под плотной опекой крупного капитала, приблизив к себе магнатов индустрии, банковского дела и торговли. Русский же царь, хоть и шёл на некоторые экономические уступки крупному капиталу, предпочитал держаться от него на удалении. После введения «ответственного министерства» монархия перестала бы быть самодержавной, а стала бы парламентской (что вполне устраивало Запад). Но этого не произошло: император, которого спровоцировали к вступлению в мировую войну, мобилизовал колоссальную армию, которая вопреки паразитизму финансовой олигархии продолжала наступать – и Российской империю пришлось ломать всем арсеналом антисистемных сил. При этом так называемым союзникам было безразлично, сколько прольётся крови: приоритетом было уничтожение конкурента. Георг V имел возможность спасти своего кузена Николая II, но этого не сделал, хотя ранее клялся в дружбе и верности. Ллойд Джордж объяснил это предательство прямым текстом: «Царь – это символ единой могущественной России, именно ему мы обещали передать проливы и Константинополь, и было бы верхом безумия принимать его в Британии...»

Пока либералы совершали государственный переворот во время войны с целью **«сменить шофёра, как они выражались**, а умеренные социалисты требовали «мира без аннексий и контрибуций», то есть попросту хотели сделать все русские жертвы в войне напрасными, исторический приговор тем и другим был уже подписан. Свержение императора выбило почву из-под ног не только февралистов, но и всей России с республиканскими планами. «Красные» крестьянские массы хлынули из бездн и смели тот противоречивший всему историческому пути России мир, о котором мечтали Гучковы и Керенские, вышвырнутые теперь за рубеж.

⁹ Своего рода теоретиком антиолигархического самодержавия выступил любимый Николаем II писатель, генерал-лейтенант А.Д. Нечволодов (1864–1938). Более известный как автор исторических трудов, он написал также работы «От разорения – к достатку» (СПб., 1906) и «Русские деньги» (СПб., 1907), в которых обосновал проект предотвращения «ростовщической скупки мира» путём замены в самодержавном государстве золотых денег на бумажные. Деньги предлагалось отвязать от банковских домов и привязать исключительно к суверенному государству, управляющему эмиссией и проводящему осмысленную стратегию общественно-экономических преобразований.

В эмиграции многие «февралисты» раскаялись в предшествующей деятельности. Очень острую форму это раскаяние приняло у Петра Струве и Василия Махлакова, фактически проклявших свою дореволюционную активность по свержению монархии. Даже Керенский в конце концов обмолвился, что теперь он хотел бы возвращения России к режиму Александра III. Правда, все эти раскаяния были явно запоздалыми и не всегда полными...

Более удачной была игра «пятой колонны» в конце 80-х — начале 90-х годов. Для понимания природы победы сил антисистемы в третью Смуту необходимо понять её происхождение. Вопреки распространённому представлению о том, что новое либеральное и анархо-нигилистическое инакомыслие, именуемое «диссидентством», родилось в среде репрессированных, наиболее авторитетные и плодотворные интеллектуалы этих направлений вышли «из шинели» советского истеблишмента — из гуманитарных и технических научных кругов.

Первым стимулом к возникновению диссидентства в СССР был политический и личный конфликт между Иосифом Сталиным и Иосифом Броз Тито. Настольными книгами будущих оппозиционных

интеллектуалов-«шестидесятников» закономерно становятся книги Милована Джиласа и Абдурахмана Авторханова — выходцев из югославской и советской партийной интеллигенции. Оба этих «классика диссидентства» не были интеллектуально самостоятельны: их критика СССР фактически была «творческим развитием» философов франкфуртской школы, эмигрировавших из Германии в США, а также антиутопий Олдоса Хаксли и Джорджа Оруэлла.

Доверие советских научных и творческих деятелей к союзникам во Второй мировой войне стало «ахиллесовой пятой», которая использовалась по максимуму после советских судебных процессов с этническим оттенком — «дела врачей» и «дела поэтов»: созданный вокруг них миф о «зоологическом антисемитизме Сталина» был удобным инструментом для раскола партийных элит Восточной Европы, которым непосредственно занималось ЦРУ под руководством Аллена Даллеса. В свою очередь, советские специалисты-физики, вовлечённые в Пагуошский процесс, становятся адептами «теории конвергенции», а в дальнейшем — «теории пределов роста» в рамках Римского клуба.

В результате системообразующими ядрами «диссидентства» становятся: а) круг специалистов фундаментальных

наук, принявших на веру миротворческие устремления якобы настроенного на «разрядку» Запада, б) круг академических историков, профессионально изучавших англо-русские отношения (А.М. Некрич, М.Я. Гефтер и др.), в) круг литераторов, соприкасавшихся с инакомыслящими коллегами из Восточной Европы (Ш. Гейм в ГДР, Э. Гольдштюкер в ЧССР, Д. Лукач в Венгрии) и западными левыми интеллектуалами, г) круг деятелей кино и театра, очарованных эстетикой французского и итальянского экзистенциализма, д) круг деятелей образительного и музыкального искусства формалистических направлений, е) круг биологов-генетиков, идейно родственными дарвинистскому эволюционизму и антропологии, ж) круг психологов, вместе с восточноевропейскими коллегами развивающих неотрейдские концепции.

При этом руководство КПСС почти открыто поддерживало «диссидентов-марксистов» (Р.А. Медведев, Л.В. Карпинский), легально работавших в системе ИНИОН и ряде рассчитанных на зарубежного читателя советских издательств. Кроме того, в диссидентском движении большой удельный вес имели и представители патриотического крыла (И.Р. Шафаревич, В.Н. Осипов, Л.И. Бородин и др.), однако их возможный союз с патриотами внутри советской системы как альтернатива горбачёвской перестройке не состоялся.

Диссидентство, так или иначе, оказалось питательной средой будущей Смуты, но не её организационным механизмом. В организационном плане будущая Смута и предательство зрело в недрах партийной элиты страны, где в течение долгих лет готовились те «кадры», которые в 80-е годы взяли реванш над чуждой им национально-государственной системой. Ряд аналитиков видит у истоков этого подспудного заговора известного партийного деятеля, идеолога Коминтерна О.В. Куусинена. Именно ему принадлежали основные идеи хрущёвской «десталинизации». Именно его опеке и духовному руководству обязан стремительно возвышающийся при Хрущеве Андропов. Это была сплочённая и быстро идущая к власти группа, усилиями которой были вознесены на политический олимп и Горбачёв, и Яковлев. В корне их пред-

ставлений о жизни лежали скрытое западничество и русофобские комплексы¹⁰.

Хотя ещё в момент создания в США «Комитета поработанных народов» (1959) в СССР систематически и целенаправленно выискивались потенциальные активисты сепаратистских движений, только после Хельсинского акта эти усилия оправдываются: «прирученный» академик-ядерщик А.Д. Сахаров становится иконой одновременно карабахских армян, крымских татар и инженеров-евреев, не получающих разрешения на эмиграцию в связи с секретностью (так называемых «отказников»).

Другой плод ложно понятой «конвергенции» — партнёрство российских и западных экономистов в рамках Международного института прикладного системного анализа (IIASA) — порождает ещё одно «уязвимое сообщество»: возникает круг экономистов, воспитанных на идеях К. Поппера, Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека. В итоге к началу «второй фазы перестройки», стартом которой служит смерть диссидента Марченко, сообщество инакомыслящих творческих интеллектуалов соединяется в единое целое с адептами неоллиберализма, формулирующими образ будущего России

на основе колониальных сценариев латиноамериканских стран. Стратегия экономических реформ периода постперестройки готовится конкурирующими группами, приближёнными соответственно к Движению демократических реформ и аппарату движения «Демократическая Россия». Из двух подходов — самоуправленческого (Шаталин-Явлинский) и институционалистского (Найшуль-Чубайс-Гайдар) Борис Ельцин выбирает второй, предпочитая колониальную диктатуру самоуправляемому хаосу; этот выбор окончательно закрепляется апрельским референдумом и расстрелом парламента (1993).

Уже к осени 1993 года часть диссидентов 1970-х годов перед лицом бедствий родной страны горько раскаиваются в том вкладе, который внесли в её разрушение, и, более того, вливаются в ряды защитников Русской цивилизации. Тогда же в оппозиционном движении, в особенности благодаря усилиям газеты «День» — «Завтра», преодолевается навязанное противопоставление «белых» «красным»; к 1996 году восстановленная Компартия делает окончательный выбор между государственным патриотизмом и навязанной Римским клубом «теорией

устойчивого развития». С другой стороны, такие организации, как «Либеральный клуб», Центр либерально-консервативной политики, Московский антифашистский центр, «Мемориал» и др. выражали официальную точку зрения президента Ельцина и правительства. Это касалось как истории, так и современности. В ходе официальной кампании по «десталинизации» фактически отрицанию подвергалась не только советская, но и имперская история России. Все несогласные с такой политикой подвергались шельмованию.

В канун выборов 1996 года вновь наблюдается схождение, казалось бы, полярных начал (Чубайса с Павловским) в стремлении «предотвратить коммунистический реванш», в то время как финансовые структуры, поддержавшие КПРФ, становятся объектами административной расправы. В итоге на втором сроке Ельцина власть в стране фактически вершит «семибанкирщина», что не только ускоряет дерегуляцию экономики и социальную поляризацию, но и сближает интересы олигархов с радикальными сепаратистскими лобби на Северном Кавказе. Это сближение имеет своё соответствие и в деятельности официозных правозащитников, когда уполномоченный по правам человека С.А. Ковалёв фактически выступил в защиту терроризма¹¹.

Поборники особых прав специфических меньшинств, противопоставленных государству и эпатирующих общественное мнение, до сих пор широко представлены в органах государственной власти — от Общественной палаты РФ до Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Под их опекой находятся многочисленные общественные структуры, отстаивающие неограниченную свободу вероисповедания (на практике — права сект, в том числе запрещённых в европейских странах), неограниченные детские права (на практике — права детей доносить на родителей и в результате ли-

¹⁰ В 60-е годы Куусинен с Андроповым создают при ЦК группу молодых интеллектуалов-консультантов, в которую входили такие знаковые фигуры, как Фёдор Бурлацкий, Георгий Арбатов, Александр Бовин (будущий спичрайтер Брежнева), Георгий Шахназаров и др. Именно тогда, на основе романтизации старого Коминтерна и левого движения, которую предложил своим ученикам Куусинен, закладываются ментальные основы будущей перестройки и реформаторства 90-х.

¹¹ При этом другие правозащитники в один голос с зарубежными адвокатами вооружённого сепаратизма (А. Глюксманн, Б.-А. Леви и др.) не только не возражали против этого, но, напротив, всё более становились «пятой колонной», уже антироссийской.

шаться семьи), сексуальное просвещение (на практике – поощрение беспорядочных половых связей и ограничение рождаемости), толерантность (на практике – исключительные права отдельных этнических меньшинств) и проч.

Двойственность российской государственности, одновременно стремящейся к выходу из третьей Смуты и к интеграции в западноевропейский мир, так и не была изжита в первое десятилетие XXI века, что особенно наглядно проявилось в 2008–2012 гг. в административном двоевластии («тандеме»), которое дробило и разлагало правящую партию. Уступки перед евроатлантическим сообществом в сфере права (присоединение к 14-му протоколу Европейской конвенции по правам человека, попытки внедрения ювенальной юстиции, декриминализация экономических преступлений), экономического управления (приватизация госкорпораций, введение иностранных независимых директоров), публичной политики (гротескная либерализация избирательного права), военной политики (подписание СНВ-3) на практике оборачиваются не укреплением статуса российской элиты в мировых управляющих кругах, а, напротив, – в наклеивании на эту элиту коррупционных ярлыков, уравнивающих её с истеблишментами третьего мира, к экстралегальному «искусственному отбору» («список Магнитского» и др.) и в конечном счете – к прямой экспроприации как частных, так и корпоративных активов руками полицейских ведомств погрязшей в кризисе Европы. Последним эксцессом двойственности нашего государства, его внутренней расщеплённости стало противостояние «болотной» оппозиции и «поклонной» антиоппозиции, в котором цивилизационный характер политической борьбы обнажился до предела¹².

Весь этот опыт свидетельствует о том, что **с нашей страной всегда считались**, когда она была не просто сильнее в военном отношении, но и **самостоятельна в своей политике**; когда её прогресс достигался не только наличием сильной централизованной власти, но и **суверен-**

НЫМ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМ САМОСОЗНАНИЕМ. Раскол на «красных» и «белых», правых и левых сам по себе, нагнетание их несовместимости само по себе – симптомы ослабления национального иммунитета, слабости национальной власти и воли, податливости общества на внешние игры.

4. О ТОМ, КАК РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ШЛА К «ГОССОЦИАЛИЗМУ»

Наш народ внутренне объединён чувством справедливости, вековой тягой к социальной правде. На разных исторических этапах развития Русской цивилизации это начало находило разное воплощение, в том числе порою и деструктивное, бунтовское. Российская империя – держава Белого Царя¹³ – была результатом многовековой деятельности народа, а потому она была пронизана чертами «красными», «социалистическими». (Но не в смысле того социализма, который проповедовал марксизм, называвший Россию главным препятствием на пути новой революции.) Естественное природное социалистическое начало явственно проявило себя в русской общине, в осифлянском монастырском хозяйстве, в кооперативных

и солидарных народных формах сотрудничества, артельном духе крестьянства. Это начало не растворяло в себе и не подменяло собой государство, но скорее постепенно пропитывало его. Особенно ярко эта тенденция проявилась в поздней Российской империи, шедшей к государственному социализму семимильными шагами. (При этом, конечно, параллельно развивался сильный конкурент царя – крупный капитал, что и составляло содержание главной политической дилеммы этого периода.)

Один из ведущих идеологов русского монархизма Иван Солоневич, ничуть не сочувствовавший социализму, в своей «Народной монархии» писал: *«Императорская Россия была страной, в которой по тем временам «обобществлённый сектор народного хозяйства» был больше, чем где бы то ни было в мире. Государственный банк контролировал все банки России и имел исключительное право эмиссии кредитных билетов. Большинство железных дорог принадлежало казне, а оставшиеся частные дороги стояли накануне «выкупа в казну»; государство владело огромными земельными пространствами, владело заводами и рудниками. Земская медицина была поставлена так, как она*

¹² При этом мы бы хотели обратить внимание на то, что собственно консервативная часть общества, которая в массе своей осознаёт чуждость России «болотной» оппозиции, разочарована не преодоленными уступками перед внешним миром – от реформы армии до вступления в ВТО, от кризиса СНГ до издержек жилищно-коммунальной дерегуляции.

¹³ Термин «Белый Царь» в отношении русских государей употреблялся по меньшей мере с XVI века, начиная с Иоанна Грозного.

и сейчас не поставлена нигде во всём мире. Земства начинали строить свою фармацевтическую промышленность — с помощью государственного кредита. Русское кооперативное движение было самым мощным в мире».

Исследователи отмечают, что в Российской империи казённые заводы вовсе не являлись коммерческими предприятиями и это подчёркивалось в официальных документах. Особую роль играли государственные заказы, которые делали все ведомства. Безусловно, стоит отметить наличие казённых монополий и акцизов, дававших около половины всего дохода империи. «Итак, одна часть промышленности находилась в собственности государства, другая часть в той или иной степени подлежала государственному регулированию. Но обе эти части оставались практически вне сферы рыночных отношений». (А.А. Новиков. «История русского предпринимательства»).

Русские рабочие были великолепно организованы — в России наблюдалась самая большая концентрация производства и рабочей силы. В 1913 году на крупных отечественных предприятиях (свыше 1 тысячи работников) трудились 39% всех рабочих (тогда как в Германии — 10%). В одном только Петербурге было сосредоточено 250 тысяч фабрично-заводских пролетариев. При этом в стране было разработано и принято совершенное рабочее законодательство, что президент США Тафт публично признал в 1912 году, говоря дословно, что ни одно демократическое государство не может похвастаться таким достижением.

В начале 1914 года правительство было намерено ввести пятилетние циклы планирования, намечающие темпы и сроки строительства железных дорог, портов и крупных ГЭС (Днепровской и Волхов-

ской). Это уже была заявка на плановую экономику, что в очередной раз роднит позднюю Российскую империю и СССР.

«Мало кто знает, — пишет современный исследователь Вадим Бондарь, — но с целью поддержания и ускорения роста отечественной хозяйственной системы, численности населения, его благосостояния и стабильности в обществе царский режим централизованным образом регулировал цены на основные товары и услуги: энергоносители (прежде всего нефть), марганец, хлеб, на железнодорожные и трамвайные билеты, почтовые и телеграфные тарифы. Домовладельцам было запрещено поднимать цены при сдаче квартир внаём. В итоге с 1894 по 1913 год русская промышленность увеличила свою производительность в четыре раза. В начале второго десятилетия прошлого века уже 63% оборудования и средств производства, используемых в промышленности, производилось внутри страны». («Невыгодные сравнения» // Однако, 23 января 2013 года).

Обращает на себя внимание одна важная страница истории: **конфликт власти и крупного капитала** во время Первой мировой войны. В 1915–1916 гг. правительство выступило против взвинчивания цен и «вакханалии наживы», резко ограничив права так называемых «военно-промышленных комитетов» (ВПК), а также установив жёсткий контроль за бюджетами Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов и других пролиберальных организаций, ориентированных на крупный капитал. Значительно выросла роль военной «госприёмки» профильной продукции, отдельные ведомства уже планировали создать собственные металлургические заводы и расширить сеть транспортного машиностроения. Характерно, что либе-

ральная оппозиция охарактеризовала эти меры как **«государственный социализм»**. (Возникает резонный вопрос: не этот ли конфликт подтолкнул российские «денежные мешки» к поддержке Февральской революции? Во всяком случае, после Февраля была создана особая комиссия, которая свернула прежнюю систему государственного регулирования.)

Надо заметить, что перед Февральской революцией царская власть начала **массштабную национализацию**, и уже первые её итоги были весьма внушительными. Так, правительство взяло под опеку знаменитый Путиловский завод, обанкротившийся вследствие финансовых махинаций его владельца. До национализации завод практически не выпускал шестидюймовых снарядов, но после он давал уже половину от всего количества снарядов. «После мобилизации оборонной промышленности к 1917 г. военное производство в России выросло в 2,3 раза, полностью удовлетворяя потребности фронта в оружии и боеприпасах, — комментирует эту и другие меры правительства историк В.Н. Галин. — Производство одних снарядов выросло в 40 раз. Снарядов наделали столько, что их хватило на всю Гражданскую войну и даже в 1941 г. Красная армия использовала шрапнели 1917 года выпуска». («Тенденции. Интервенция и гражданская война». Т. 2).

Можно с полной уверенностью утверждать, что царское правительство собиралось идти во многих отношениях тем же руслом развития, которым впоследствии пошли большевики¹⁴. Конечно, меры были бы не такими жёсткими, как в Гражданскую войну и эпоху коллективизации. Тем не менее нельзя отрицать, что проразвёрстку пытались ввести ещё в ноябре 1916 года, объясняя это военными нуждами (поставление «О развёрстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребно-

¹⁴ В качестве иллюстрации тогдашних настроений в высшем обществе можно привести настоящую государственно-социалистическую программу, с которой выступил великий князь Кирилл Владимирович, оформив её как проект тронной речи (1916). (Подробно его программа была проанализирована в исследовании В.В. Хутарева-Гарнишевского «Спасая империю. Антикризисная программа великого князя Кирилла Владимировича».) В программе Кирилла Владимировича планировалось введение государственной монополии на всю банковско-страховую деятельность с принудительным понижением процентов по внутренним займам и вкладам, а также монополии на внешнюю торговлю. Великий князь предлагал ввести всеобщую трудовую повинность населения России в возрасте от 16 до 60 лет, настаивал на установлении жесточайшего контроля за производством и распределением продуктов первой необходимости (спичек и хлеба), предлагал приравнять спекуляцию и искусственный дефицит к мародёрству, полностью национализировать железные дороги, добычу металлов, нефти, угля и хлопка, вырубку леса, производство сахара, для обеспечения монополии государства на хлебную торговлю создать казённую сеть элеваторов, складов и зернохранилищ и т.д. Можно спорить о том, с какой целью великий князь заигрывал с «красной» темой (известно, что в марте 1917 года он будет выходить на публику с красным бантом), во всяком случае, это было осознанным выражением его амбиций на власть, а не чем-то экстравагантным.

стей, связанных с обороной», подписанное министром земледелия А.А. Риттихом). Впрочем, сам Риттих настаивал на «добровольном» характере этой кампании, во избежание принудительных реквизиций — как обращения к патриотическим чувствам крестьян и землевладельцев. Идею продразвёрстки подхватило и попыталось воплотить в жизнь Временное правительство (монополия на хлеб), которое прибегало и к реквизициям. И только советское правительство, готовое к предельной жесткости, добилося, да и то не сразу, в этом деле очевидного успеха, поскольку организовало для целей продразвёрстки специальный аппарат: особую Продармию, действующую в комплексе с другими силовыми органами и комбедами.

К 1917 году самым острым из нерешённых политических вопросов оставался земельный вопрос, а самым острым из стоящих духовно-идеологических вопросов — вопрос о глубочайшем кризисе ценностей в образованных слоях общества, об упадке патриотизма, о росте презрения к России, её традициям и истории, об огромном самомнении политизированной интеллигенции, по сути, ставшей «пятой колон-

ной» в стране. По всей видимости, именно два этих вопроса, несмотря на бурное развитие страны, её демографический бум, впечатляющий рост производства, благосостояния и грамотности, определили главные предпосылки крушения самодержавия в условиях изматывающей войны и раскола в элите.

Вопросы о земле и о верности собственному народу были глубоко поставлены некоторыми из представителей русского народничества. При этом народническое движение было весьма разнообразным. К нему можно отнести и анархистов, таких, как М.А. Бакунин, и бланкистов-заговорщиков типа П.Н. Ткачёва. Были «либеральные» народники (Н.К. Михайловский), выступавшие за примирение с царём и монархией. Магистральным направлением внутри народничества было лавровское (П.Л. Лавров), связанное со стремлением служить народу и в конце XIX века во многом влившееся в земское движение. Наконец, существовало малоизученное консервативное народничество (П.П. Червинский), которое примыкало к «правому» славянофильству. В сближении народничества и самодержавной власти не было ничего невероят-

ного. Так, например, и государь Николай II был, по выражению Н.О. Лосского, своего рода «христианским народником». В то же время часть народников, особенно радикального толка, как мы уже писали выше, несомненно, использовалась врагами России в «право-левой игре». И здесь можно видеть существенную разницу между социалистическим пониманием справедливости и революционными проектами, в которых сама проповедь справедливости зачастую выступала лишь как средство к достижению иных целей — в частности, полного разрушения существующего строя любой ценой.

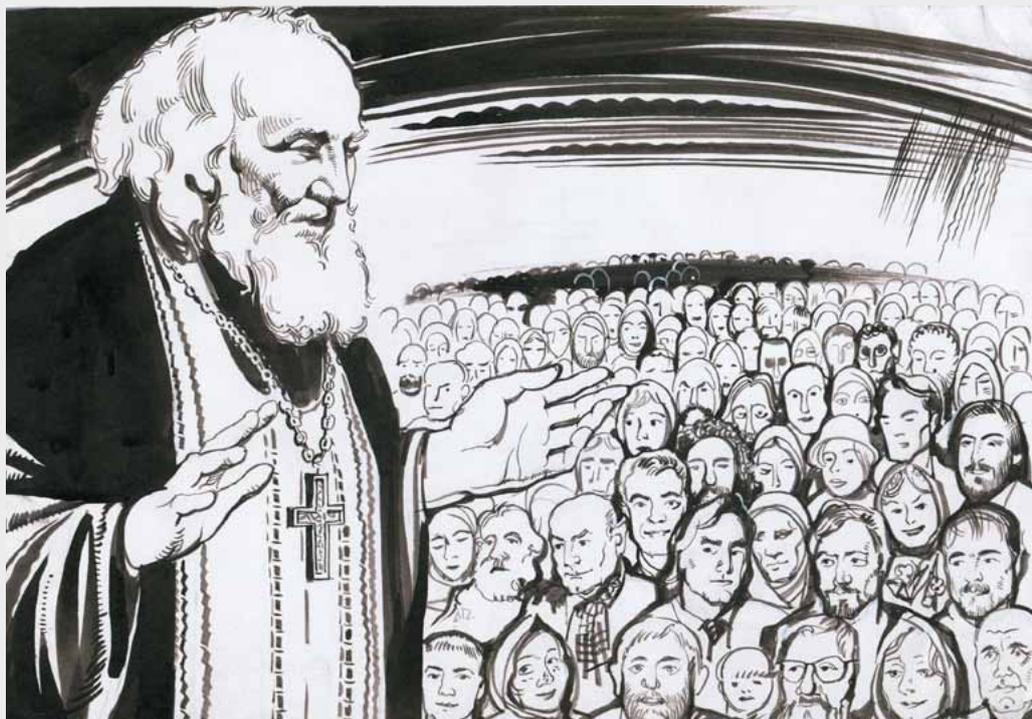
Если «хождение в народ» 1870-х годов выявило глубокое несовпадение теоретического социализма интеллигенции и того исконного «социального уклада», реальными носителями которого были крестьяне, то практика развития крестьянской кооперации в конце XIX — начале XX века показала, что «социалистическая» тенденция не была чисто интеллектуальной. Эта была эпоха необычайного развития кооперации во всех её видах, невиданный рост кооперативов, артелей и кустарных производств. Одновременно с этим шёл и рост кооперативных союзов, лидеры которых предложили свой термин для описания будущего экономического строя России — «кооператизм». Он рассматривался как альтернативный капитализму самостоятельный путь низовой народной самоорганизации, развития сети кооперативных хозяйств, охватывающей постепенно все мыслимые и немыслимые сферы рынка. Этот путь представлялся народникам-социалистам единственно правильным, дающим шанс народной артели сохраниться и обрести зрелые формы. К осени 1917 г. общее количество кооперативов в России достигло 63–64 тыс., они охватывали не менее 14 миллионов человек. Россия по размаху кооперативного движения вышла на первое место в мире. При этом важнейшим фактором для развития производственной кооперации были государственные заказы, что лишнее указывает на государственно-социалистическое русло развития, которым шла страна. Любопытно, что в годы Гражданской войны большевики использовали эту сложившуюся при царе систему — число госзаказов кустарям и артельщикам даже возросло.

Ставка на общину и артель как форму, альтернативную западному капитализму, была общей чертой не только революционных течений, но также и славянофилов, правых народников, части представителей консервативного спектра. Так, экономические программы «Союза русского народа» и «Союза Михаила-архангела» во многом были именно народно-социалистическими. В пользу «коммунизма русской поземельной общины» решительно высказывался такой «пламенный реакционер», как Константин Леонтьев. Кроме того, этот «столп реакции» весьма уважал Герцена и многое почерпнул из его трудов. Показательное совпадение — Леонтьев был весьма близок по взглядам к Льву Тихомирову, одному из ведущих теоретиков правого монархизма и бывшему крупному функционеру «Народной воли». Сам Тихомиров, перестав быть народником, тем не менее постоянно подчёркивал «заслуги социализма», к которым он относил:

1) укрепление коллективных начал в излишне индивидуализированном обществе, 2) усиление общественной поддержки, 3) справедливое и равномерное распределение средств к жизни. Вопрос о ликвидации злоупотреблений капитализма он считал «даже более чем нравственным», говоря о том, что общество просто обязано изменить существующие порядки. («Заслуги и ошибки социализма»).

Марксисты (Плеханов, Ленин) жёстко критиковали народников, утверждая необходимость капитализации России, которая якобы и создаёт базу для последующего рывка к социализму. И в этом они выступали против самого К. Маркса, который подчёркивал необязательность для других цивилизаций того пути развития, который он описал в своём очерке о возникновении капитализма в Западной Европе (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19, с. 250). Поздний Маркс прямо говорил о возможности революции в России с её неразвитым капиталистическим укладом. В письме Вере Засулич, долго время остававшемся неопубликованным, он утверждал: «Если революция произойдёт в надлежащее время, если она сосредото-

точит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над теми странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя». (Сочинения. Т. 19, с. 410)¹⁵.

Практическим воплощением идей Тихомирова и других консерваторов, искавших синтез социализма и традиционализма, стал пресловутый «полицейский социализм» полковника С.В. Зубатова — который, кстати говоря, был дружен с Тихомировым. Это была попытка выдвинуть реальную альтернативу как союзу бюрократии с капиталом, так и революционной социал-демократии. По определению Зубатова, революционные идеи, прежде всего, марксизм, суть **не идеи рабочего класса, но идеи о рабочем классе**, являющемся лишь орудием внешней по отношению к нему силы. Он предложил создать сеть легальных рабочих профсоюзов и назначать на их руководство людей верующих, преданных монархическому строю, не связанных с капиталистами. Результат сказался немедленно: во всех трудовых спорах «зубатовские организации» вставали

ли на сторону не капиталистов, а рабочих. Они вели легальную борьбу за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, брали на себя от имени и по поручению самих рабочих все переговоры с работодателями. Сам Зубатов лично отстаивал право рабочих на забастовку. При последовательном внедрении по всей России модели Зубатова рабочий класс становился не орудием революции, а опорой самодержавия. Зубатов выдвинул цель: превращение русского пролетариата в признанное государством сословие. Другим важным направлением внутри зубатовской модели было стремление повышать образование рабочих с целью постепенного формирования «народной интеллигенции» (термин, который затем, при Сталине, станет официальным!), которая по своему уровню образования не уступала бы высшим классам, но тесно была бы связана с рабочей средой и не порывала бы связей с православием. Конец зубатовскому движению был положен в 1903 году, после спровоцированного в ходе разгорающейся «право-левой» игры «кишинёвского погрома», в результате которого распалась созданная Зубатовым

¹⁵ Ленин в конечном счёте пришёл к ревизии ортодоксального марксизма, призвав совершить революцию, не дожидаясь, пока Россия достигнет «достаточного уровня развития капитализма», таким парадоксальным образом самобытное народничество проявилось и в жёстком своём критике.

Еврейская независимая рабочая партия. Идеиный монархический социализм, разрабатываемый крупнейшим полицейским и профсоюзным деятелем России, был дискредитирован. С этого момента инициативу в рабочем движении перехватывают радикалы.

В связи с только что сказанным не будет казаться шокирующим тот факт, что **многие монархисты-государственники предпочли белому движению советскую власть**. Так, согласно современным историческим исследованиям, более половины лидеров правых политических течений уже осенью 1917 года или в 1918 году увидели в большевиках силу, которая против своей воли будет вынуждена стать квазимонархической и авторитарной. Характерно, что монархисты с большим удовлетворением восприняли разгон Учредительного собрания. Среди известных монархистов этого толка были академик Никольский, бывший лидер Союза русского народа доктор Дубровин и выдающийся русский философ Лосев, с удовлетворением записавший в своём дневнике о наступающем тождестве социализма и монархизма. С другой стороны, высказывания о том, что в России возможна или монархия, или большевизм либо анархизм, но не промежуточные режимы, прозвучали из уст Льва Троцкого и Нестора Махно.

Нередкими были случаи, когда черносотенцы шли на службу к большевикам. Отчасти это объясняется тем, что после Февральской революции монархическое движение пережило упадок, вызванный, в немалой степени, репрессивными мерами «демократического» Временного правительства, запретившего все правые партии и организации. В этих условиях наиболее правыми политическими силами стали кадеты, стоявшие на позициях национал-либерализма. Уже весной 1917 года Временное правительство начало чистку армии от монархически настроенного офицерства и генералитета. В результате

впоследствии почти 80% царских офицеров стали служить советской власти. После Брестского мира командующими 83 из 100 полевых армий, формируемых большевиками, были не члены партии, а царские офицеры.

Разделение русского военного руководства, заложившее основу будущего противостояния красных и белых, произошло в середине лета 1917-го. Борьбу против Временного правительства — но также и против «спасителя русской демократии» генерала Л.Г. Корнилова (который весной 1917 года лично возглавил арест царской семьи) — вёл в это время генерал Н.М. Потапов¹⁶. Совместно с Потаповым действовали военный министр генерал-майор А.И. Верховский, главнокомандующий Северным флотом генерал от инфантерии В.Н. Клембовский, начальник штаба и командант Псковского гарнизона генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич.

Большинство военных, пошедших на службу в РККА, придерживалось монархических взглядов. Об этом откровенно сообщает в своих мемуарах и А.И. Деникин. 23 ноября 1917 года Н.М. Потапов был назначен начальником Генштаба и управляющим Военным министерством, с декабря 1917 г. — управляющим делами Наркомвоена. 4 марта 1918 г. в Республике Советов был учреждён Высший военный совет, его возглавил генерал М.Д. Бонч-Бруевич. Полковник Императорского генерального штаба П.П. Лебедев стал начальником Штаба Красной армии, полковник И.И. Вацетис — главнокомандующим Вооружёнными силами Республики Советов, полковник Генерального штаба Б.М. Шапошников — начальником Оперативного управления Полевого штаба РККА (с 1937 года — начальником Генштаба РККА, в 1941–1945 гг. — заместителем Сталина в Наркомате обороны). Генерал-лейтенант Н.Д. Парский командовал Северным фронтом, генерал-майор Н.Н. Петин — Западным, Южным и Юго-Западным фронтами, генерал-майор А.А. Самойло —

Северным и Восточным. Этот список можно продолжить. Флот вообще весь целиком находился в руках старого русского морского офицерства. Им руководили контр-адмиралы М.В. Иванов, В.М. Альфатер, А.В. Нимитц, вице-адмирал А.А. Развозов и др. Беспартийная прослойка адмиралов и капитанов существовала и была влиятельной на протяжении дальнейшей истории советского ВМФ.

В июне 1917 года министр Временного правительства меньшевик И.Г. Церетели говорил: «Через ворота большевиков войдёт генеральская контрреволюция». Однако история пошла по другому пути. Очевидно, что офицеры-монархисты не разделяли идеалов и стратегических целей большевиков. Они переходили к красным по тактическим мотивам. Вместе с тем судьба большинства монархически настроенных офицеров, военспецов, военных советников сложилась в Советской России трагично. Среди полководцев Великой Отечественной войны почти нет этой категории кадровых военных. По данным исследователя Я.Ю. Тинченко, *«основная масса русского офицерства, оставшегося или вернувшегося в СССР, была истреблена до 1931 года — в основном в ходе операции «Весна»: чистки Красной армии органами ОГПУ от бывших военспецов. Всего было арестовано более 3 тысяч человек»*. («Голгофа русского офицерства в СССР»).

5. О СТАЛИНСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ БОЛЬШЕВИЗМА

В годы Первой мировой войны Ленин и его сподвижники выступали за поражение России, выдвигая тезис о «превращении империалистической войны в войну гражданскую». Перелом наступил непосредственно после прихода большевиков к власти. Он отражён в таких документах, как обращения «Социалистическое отечество в опасности!» и «К трудящимся мусульманам России и Востока». Вопреки тезисам Маркса о том, что пролетариат

¹⁶ Николай Михайлович Потапов — в 1917 году начальник Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), бывший начальник Императорской военной разведки (генерал-квартирмейстер). Впоследствии он был одной из ключевых фигур операции «Трест», работал в ОГПУ и Генштабе Красной армии, был одним из создателей ГРУ. Его не коснулись «сталинские репрессии» — в 1936 г. получил звание комбрига РККА, в 1938 г. он ушёл в запас по возрасту и умер в почете в 1946 году. Вместе с ним будущих советских военачальников и разведчиков обучали — руководили ими? — такие царские офицеры, как П.И. Дьяконов, А.А. Якушев, А.Н. Ковалевский, А.А. Самойло и другие. (В целом же в годы Гражданской войны царская разведка разделилась примерно пополам: половина ушла к белым, другая осталась с красными.)

не имеет отечества, Лениным употребляется не только это слово, но и фактически впервые, хотя это и не декларируется, появляется положение о национальной социалистической государственности. Во втором воззвании проводится чёткое разделение между эксплуататорской западной цивилизацией и традиционной восточной культурой, культурой исламской, к которой большевики обращаются за поддержкой. Этот цивилизационный вектор был непоследовательным, Ленин балансировал на грани идеологии Коминтерна и национального (цивилизационного) прочтения марксизма.

При этом объективно историческая роль Ленина состояла в том, что он вывел Россию как страну второго эшелона капиталистического развития из навязанной ей неравной игры¹⁷ и выполнял тем самым программу консервативной реакции России на сверхмодернизацию. Страна могла пойти по пути цивилизационного включения в Запад с последующей духовной и культурной капитуляцией либо по пути превращения в аграрно-ресурсный придаток Запада с внешним сохранением культуры и имитацией политической независимости. Большевистский курс, несмотря на лозунги перерастания русской революции в мировую, объективно способствовал выводу России из этой дилеммы в направлении третьей возможности — авангардного развития и трансформации идентичности в одной «отдельно взятой» цивилизации без смешения-подчинения другим цивилизациям. Курс этот был, несомненно, осложнён перспективой мировой революции, «в топку» которой радикалы-троцкисты намеревались бросить, если понадобится, всё русское топливо. Тем не менее именно эту, национально-государственную, а не глобалистскую, возможность большевизма реализовал Сталин.

Путь Сталина к новому идейному синтезу в его отдельных чертах можно наблюдать ещё в революционные годы, когда он разработал собственную модель национальной политики, резко контрастировавшую с принятыми у большевиков взглядами. Это был план автономизации — национальные республики входят в состав

Советской России на правах автономии без права отделения, но с сохранением своего национального языка и культуры, т.е. так, как это было при царе. Иными словами, Сталин уже тогда настаивал на построении государства на основаниях, близких национальной политике Российской империи. Один из «секретов» Сталина заключался в том, что он сомневался в успехе «мировой революции» и изначально готовил предпосылки к переходу большевизма с коминтерновских на цивилизационные, в конечном счёте «русские» рельсы. В 1918 году Сталин писал: «Революционного движения на Западе нет, нет фактов, есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться». Через пять лет, в письме к Зиновьеву, он снова проявлял скепсис: «Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадёт, а коммунисты подхватят, они провалятся с треском. Это «в лучшем случае». А в худшем случае — их разобьют вдребезги и отбросят назад... По-моему, немцев надо удерживать, а не поощрять». И хотя ленинская точка зрения на конфедеративное устройство СССР победила сталинскую, тем не менее именно Сталин в 1922 году стал главным разработчиком логики союзного государства, воплощённой в первой Конституции СССР. В ней был утверждён «единый бюджет СССР», что стало решающей скрепой единства страны.

Ключевой момент, когда был обозначен разрыв Сталина с догматикой марксизма, — 1927 год, год официального заявления о необходимости построения социализма в одной отдельно взятой стране в условиях капиталистического окружения (саму эту идею он впервые высказал ещё в 1924 году). До этого основным лозунгом партии была мировая революция. В том же 1927 году идеолога «перманентной революции» Троцкого высылают в Алма-Ату.

Ещё со смерти Ленина в 1924 году Сталин фактически начинает молчаливый разворот в сторону национальную — и делает это через виртуозный ход: «ленинский призыв» в РКП (б). Именно с этого момента в низах партии укореняется крестьянский русский тип, тип рабочего от станка

и «сознательного крестьянина», который по своему воспитанию и культуре резко расходился со старыми большевиками-интеллигентами и европейскими коммунистами, откровенными носителями либертинажа, свободной половой морали, крайних идей обобществления собственности. По выражению Николая Бердяева, при Сталине произошло «собрание русского народа под знаменем коммунизма». При этом ради сохранения влияния в Коминтерне и на Западе он продолжал поддерживать «ленинские принципы» и формы.

В 1932 году выходят два закона, принятые непосредственно под руководством Сталина: закон о запрещении аборт и отмена декрета, ликвидировавшего уголовную ответственность за гомосексуализм. (Одним из первых декретов советской власти — об этом мало говорят — был декрет о запрете уголовного преследования за гомосексуализм.) «Так ли это важно?» — могут спросить скептики. С точки зрения Октябрьской революции эти вещи, может быть, были и не главными — но они были знаковыми. Партийным организациям с 1932 года вменяется в обязанность слежение за чистотой нравов. В частности, разводы среди партийцев не только не поощряются, но часто ведут к исключению из партии. Иными словами, партия берёт на себя моральную функцию, подобную Церкви.

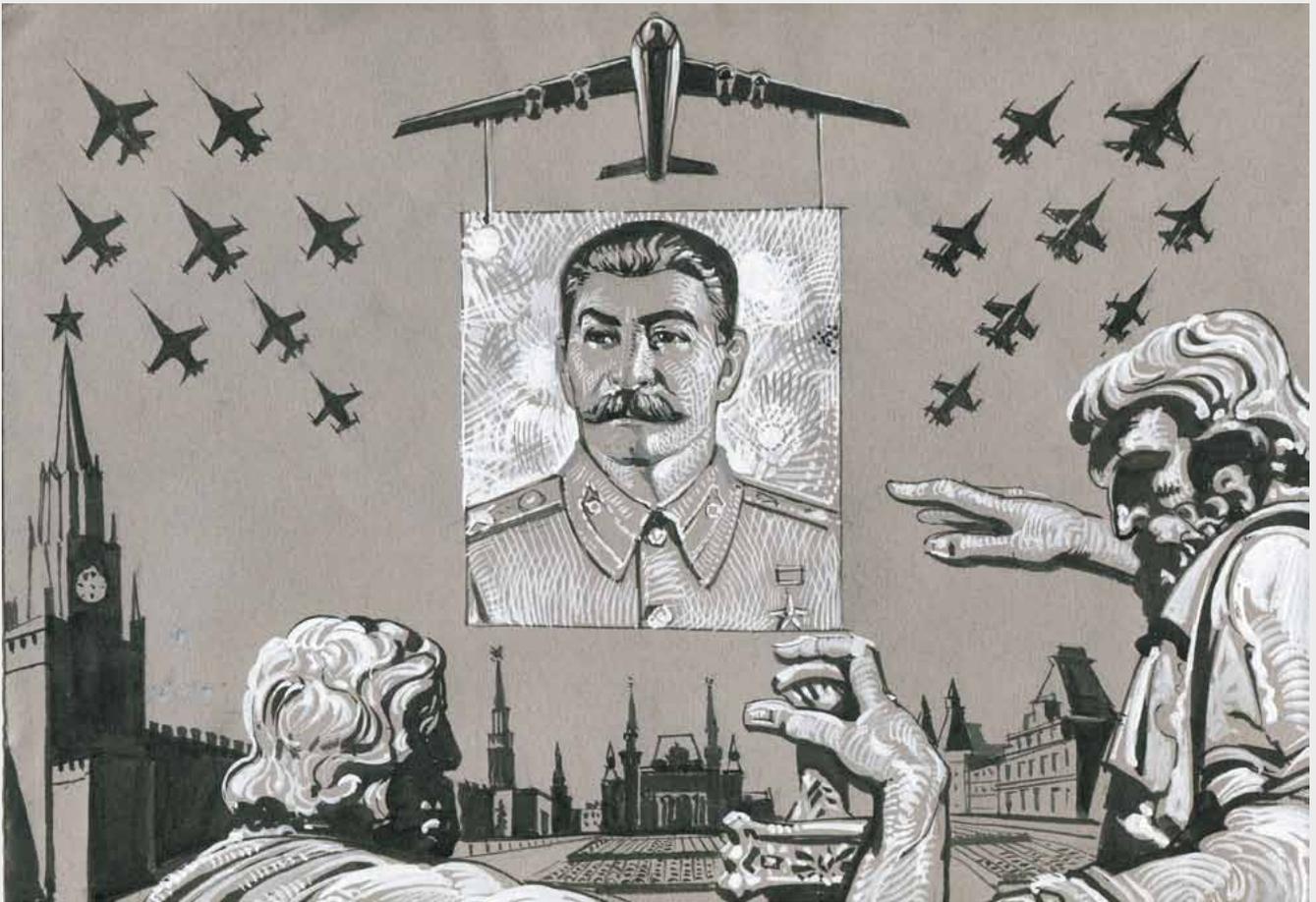
Наметим далее пунктиром эволюцию Сталина, а вместе с ним всей страны.

1936 год — официальное осуждение так называемой исторической школы Покровского, все ученики которой выдворяются с кафедр. В том же году Сталин в газете «Правда» называет большой ошибкой поэму Демьяна Бедного, в которой тот высмеивает Крещение Руси и князя Владимира¹⁸. Праздник 7 ноября, называвшийся до того Первым Днём Мировой Революции, лишается этого имени. В том же году впервые появляется термин «советский патриотизм».

1937 год — в ходе «большого террора» происходит последовательное искоренение «ленинской гвардии», а следовательно, обновление уже не низов, а верхнего слоя

¹⁷ Впервые в советской науке об этом стали писать уже в эпоху перестройки, раньше это было непозволительно — см.: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. — М., 1986.

¹⁸ Ещё в 1930 году в ответ на жалобу Д. Бедного Сталин в личном письме обвинил его в русофобии и «клевете на наш народ».

партии и госуправления. С этого момента можно сказать, что страной руководят новые люди, более молодые, ориентированные на суверенное развитие, так или иначе вскормленные уже при Сталине.

1939 год — на XVIII съезде партии подвергаются ревизии идеи об отмирании государства Энгельса–Ленина. Сталин ориентировал партию на то, что государство будет существовать всегда, правда, делал оговорку — пока существует капиталистическое окружение. Это было негласное провозглашение **национально-государственного социализма**¹⁹. В этом же году секретным решением Политбюро были отменены антицерковные указания Ленина от 1 мая 1919 года и признана нецелесообразной практика НКВД «в части арестов служителей церкви, преследования верующих».

1941 год — в знаменитой речи 7 ноября Сталин провозглашает патриотическую

ориентацию советского народа на героев русского военного прошлого.

1942 год — введение боевых наград для высшего командного состава, носящих имена великих полководцев прошлого — Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

1943 год — роспуск Коминтерна; утверждение нового гимна СССР. Красная армия становится «золотопогонной», что ещё вчера казалось невысказанным. Восстанавливается патриаршество и в массовом порядке из мест заключения и ссылки возвращают священников, открываются духовные академия и семинария, принимаются другие меры нормализации жизни Церкви.

1947 год — старт кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», антипатриотическими, антигосударственными настроениями (позднее — борьба с космополитизмом).

1952 год — на XIX съезде партии Сталин заявляет: «Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».

Итак, мы видим последовательную эволюцию от революционной «антисистемы» к русскому цивилизационному проекту, в «красных» формах, основанному на принципах прорывного развития, жестокого напряжения сил и жертвенного

¹⁹ В сталинском понимании экономическое и социальное должно было подчиняться государственно-политическому. Лидер болгарских коммунистов Георгий Димитров в своих дневниках вспоминает, что вождь СССР ставил вопрос именно так: «через социальное освобождение к национальной независимости».

служения. Речь шла о выработке нового социокультурного типа. Об этом академик В.И. Вернадский в конце 1941 года писал: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерством и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших военных должностей».

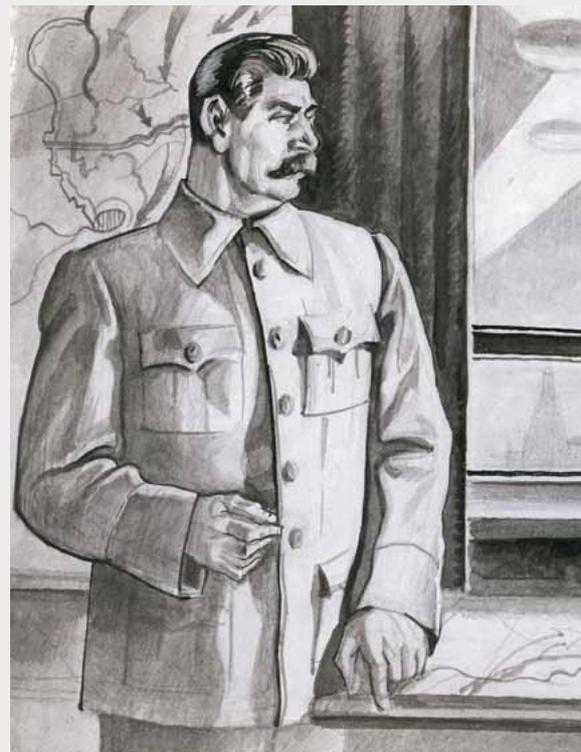
Во взаимных «красно-белых» спорах и претензиях существенным аргументом был и остаётся упрёк в агрессивном безбожии. Церковная весна, объявленная Сталиным в 1943 году, следует признать, была далеко не полноценным восстановлением религиозной свободы. Это было скорее некоторое «ослабление», которое казалось избавлением лишь на фоне эпохи чудовищного антирелигиозного террора. Однако и сама Церковь, пройдя через гонения, преобразилась. Это была уже не та Церковь 1917 года, которая благословила падение самодержавия и вместе со всеми образованными классами России проявила огромное самомнение. Теперь это была Церковь мучеников, страдальцев, молитвенников, заплативших за свою веру полную цену. И отношение их к суровой власти может быть определено как «терпение», смирение перед испытанием Божиим. Об этом можно судить по биографиям и мемуарам многих представителей Церкви, искренне искавших путей сотрудничества с советским государством, таких как митрополит Николай (Ярушевич) или митрополит Вениамин (Федченков) и др.

«*Наши Патриархи Сергей и Алексий, — писал отец Димитрий Дудко, — называли Сталина богоданным вождём. К ним присоединялись и другие, допустим, такие как крупный учёный и богослов архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), кстати, сидевший при Сталине, но это не помешало ему назвать Сталина богоданным... Сталин с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек... Не случайно в Русской православной церкви ему пропели, когда он умер, даже вечную память.*» («Из мыслей священника о Сталине»). В другой своей работе отец Димитрий дал такую формулу: при Сталине в без-

божном государстве, в безбожное время люди жили по божьим заповедям.

Отношение Сталина к православию остаётся до сих пор загадкой. Неясно, почему в 1948 году почти прекратилось открытие новых храмов. Так или иначе секретные материалы и записки постепенно становятся достоянием общества. И многих людей старого поколения способна поразить следующая цитата из Сталина: «*Реформы неизбежны, но в своё время. И это должны быть реформы органические, <...> опирающиеся на традиции при постепенном восстановлении православного самосознания. Очень скоро войны за территории сменят войны «холодные» — за ресурсы и энергию. Нужно быть готовыми к этому*»²⁰.

Сегодня для многих становится всё яснее, что «красная эра» не была бездуховной, безбожной, глубинно атеистической эрой. Воинствующие безбожники и разрушители храмов — тяжёлая страница нашей истории, но ею не исчерпывается вопрос о духовной жизни в этот период. Советский народ подтвердил свою потрясающую мистическую духовность во время войны, подтвердил её Победой 1945 года, которая имела огромный религиозный смысл. Сегодня Русская Православная Церковь готова праздновать Победу 1945 года как религиозный праздник, торжество, испуленное 30-миллионными жертвами. Этот сонм погибших является священной искупительной жертвой, поскольку война велась не столько за геополитическое пространство или за идеологию. Это была страшная схватка, глубинно-религиозная, космогоническая — война, в которой столкнулись две метафизические, онтологические силы. Именно поэтому она потребовала от нашей Родины таких гигантских жертв. В результате нашей Победы человечество было освобождено от таинственной, созревавшей веками мистической тёмной силы, которая олицетворена Гитлером и национал-социализмом. Гитлер, если смотреть на него в религиозном пространстве смыслов, был, несомненно, не просто завоевателем, но фигурой из апокалиптического ряда. С этой точки зрения если бы жертвы Россией не были принесены, их некому было бы принести, и челове-

чество устремилось бы к своему концу. По мысли того же священника Димитрия Дудко, герои, погибшие на полях Великой Отечественной войны, в том числе и входившие в сталинский «красный пантеон» Талалихин, Гастелло, Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, 28 гвардейцев-панфиловцев, генерал Карбышев, — православные мученики, которые если и были не крещёными, крестились кровью на полях сражений. Это были люди, положившие живот свой за други своя, за Родину свою.

Начавшаяся со времён «хрущевской оттепели» вестернизация жизни в конечном счёте привела к распаду СССР в 1991 году, при этом вестернизация сознания коснулась и Церкви, и верующих, в особенности из среды интеллигенции, для которых религиозная вера всё более отождествлялась с политической оппозицией и либеральными устремлениями (хотя меньшая, более консервативная часть была скорее склонна к механической — без учета какой-либо органики — реставрации дореволюционного прошлого, что, впрочем, тоже использовалось Западом в холодной войне). После 1991 года Церковь «обрела свободу», но эта свобода

²⁰ Личная секретная служба И.В. Сталина. Сборник документов/Сост. Вахания В.В. М., 2004. С. 416.

6. О РЕВОЛЮЦИИ СТЯЖАТЕЛЕЙ

На XX съезде партии Хрущёв начал открытую кампанию «десталинизации». В мировоззренческом и социальном плане она имела катастрофические последствия. Хрущёв объявил об отказе от самых главных идеалов и ценностей уже сложившегося советского строя, а взамен выдвинул программу построения «потребительского коммунизма». Всем было известно, что такой «коммунизм» уже построен — «общество потребления», витриной которого в мире были США²¹.

И вот героическому советскому народу, народу-мученику и народу-победителю, Хрущёв ставит цель: догнать Америку по потреблению «хлебов земных». Это было открытое оскорбление людям «эпохи Сталина» и сигнал мобилизации потребителям. Наконец-то власть идёт на альянс с ними!

С точки зрения поколения героев, война всех соединила. Но к середине 60-х годов эти люди столкнулись со сплочённым и влиятельным «малым народом», который отрицал всё советское жизнеустройство, и особенно тех, кто его строил, тянул лямку, горел на работе и шёл на фронт добровольцем. Номенклатура нового поколения не только не соответствовала стандартам «эпохи Сталина», она их тайно ненавидела и боялась, особенно боялась новых репрессий.

Лакмусовой бумажкой переориентации политики руководства страны на «потребительский коммунизм» стало изменение советской эстетики, перемены в стиле: архитектура, ориентированная на «маленького человека», неприязнительный вкус в массовом искусстве, доминирование на плакатах образов советских обывателей. Показательно, что мещанско-потребительские мотивы сочетались у Хрущёва с некоторым возвращением к революционно-троцкистской ортодоксии. И во многом он проявил себя именно как «контрреформатор». Упования на скорейшее пришествие коммунизма, возрождение уравниловки, отказ от русского патриотизма, безоглядная поддержка разных «прогрессивных движений» по всему миру, в том числе атеизма и неопозитивизма

в духе Бертрانا Рассела, упор на революционный интернационализм, возобновление антирелигиозной кампании, борьба с приусадебными участками — всё это проявления «левой реакции». Пресловутый волюнтаризм Хрущёва — не что иное, как признак левачества.

В то же время дух либерализации, «оттепели» и заземления советского проекта не встретил серьёзного сопротивления. В массе своей люди из народа верно чувствовали деградацию системы и **тихо поругивали** Хрущёва как негодного наследника Сталина. Но была и другая сторона медали.

Во-первых, хрущёвская идеология была лукаво упакована во внешне безупречную романтическую оболочку — утверждений о скором достижении превосходства над Западом, демонстративной бескомпромиссности, величия советской армии и оружия, новых побед науки, покорения космоса и целины и т.д. В адрес упакованной таким образом риторики упрёк в заземлении в принципе не мог быть оглашен. Весь ужас хрущёвской подмены был именно в её ползучем характере и в растущем разрыве двойных стандартов. К тому же Хрущёв апеллировал к гуманизму, отходу от жестокости 30-х годов.

Во-вторых, в широких массах населения накопилась определённая усталость от сталинского проекта с его сверхусилиями и сверхжертвами. Идеология «лишь бы не было войны», идеология потребления и «гуляш-коммунизма» отчасти отвечала чаяниям вчерашних сталинских ударников, ветеранов фронта и тыла. Психологическое перерождение в сторону потребительства коснулось не только элиты, но и широких масс. И в этом их трудно упрекнуть: переселение из коммуналки или барака в стандартную, как ячейка улья, но теплую хрущёвку с телевизором казалось прорывом в «нормальную», полноценную жизнь. Так же и возможность уехать в город из деревни, разоряемой хрущёвской реформой, казалась для молодежи 60-х годов спасением. И если воспользоваться выражением академика Вернадского, цитированного нами выше,

была лишь углублением провозглашённого большевиками «отделения от государства», точнее, буквальным исполнением этого тезиса (в короткий период 1943–1956 гг. вновь возникло какое-то подобие «симфонии», а затем, после т.н. «хрущёвских гонений», Церковь попала под жёсткий пресс партийно-политического руководства).

Необходимо подчеркнуть: СССР многое сохранил из дореволюционного наследия и старой России. В немалой степени благодаря Сталину, преодолевшему революционную вакханалию, классическая культура царской России стала фундаментом русской советской культуры. Если учитывать, что XX век стал веком массовой культуры, культуры толпы, кинематографа и радио, то в СССР были даны и закреплены высокие образцы этой культуры, нацеливающие не на существование «жвачного животного» в человеческом обличье, не на деградацию или остановку в развитии, но на внутренний рост человека, его стремление подняться вровень с высшими достижениями науки и искусства. И в целом ряде направлений СССР давал такие результаты, выковывал соответствующий человеческий «материал».

²¹ Смысл этого мессианского проекта среднего класса внимательно изучали в России, начиная с Пушкина. Гоголь сказал, приводя по памяти слова Пушкина: «Что такое Соединённые Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит».

народ вновь начал перерождаться — только в обратном направлении²².

Как всё это соотносится с идеалами «красной» и «белой» традиций? Несомненно, речь идёт об энтропийных процессах, о развитии внутри государства тех сил, которые вновь на волне очередной Смуты и в ходе новой «право-левой» игры изобразят «красное» или «белое» отрицание. В данном случае удобно было, отрицая советский уклад, надеть на себя одежды «белые», тем более что это ни к чему не обязывало.

Антисоветская «элита», оттеснившая «борцов, созидателей и тружеников», конечно же, не была ни «белой» ни «красной» в том смысле, какой мы вкладываем в эти понятия. Она сделала ставку на консолидацию и активизацию именно того культурно-исторического типа, который был подавлен и ушёл в тень в «эпоху Сталина», — **бесцветного стяжателя**²³. Хоть в России, хоть на Западе — это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Этому типу одинаково противны наука и религия, красные и белые, аристократизм и народность. Противно любое активное действие, движимое идеалами и сопряжённое с риском. В политическом плане ему соответствовал тип хамелеона и приспособленца, способного перекраситься под любую конъюнктуру.

Идеология потребителя капля за каплей опорочила упорный труд, и особенно творчество, которое «плохо оплачивалось», осмеяла тягу к знаниям и развитию, навязала людям, на волне «антисталинизма», иждивенческое (рентное) отношение к обществу и государству. В этом и заключается его антисоциальная сила — любое

её действие становится средством обесценивания всего того, что служит источником знания, красоты, справедливости.

В итоге советская «элита» к концу семидесятых приходит к выводу о необходимости для себя конвертации власти в собственность. Уже в этот момент партийный истеблишмент группируется в конкурирующие за ресурсы региональные кланы; часть крупных хозяйственников мечтает вывести свои предприятия на мировую арену, превратив в транснациональные корпорации; в сфере распределения партийная ответственность замещается вертикалью нелегальных («откатных») услуг и квазирынком должностей, приближённых к дефицитным ресурсам и товарам. Всё это стало возможным не в последнюю очередь благодаря потоку не заработанных трудом, а даровых долларов, открывшемуся после строительства новых нефтепроводов на Запад. Эти деньги, получаемые советскими элитами, стали их развращать.

Из тех социальных групп, которые имели возможность выезжать за границу и получать там доходы, в десятки раз превышавшие зарплаты внутри страны, постепенно формировались гвардейцы будущей перестройки. Началось сращивание криминала, «серого» сегмента советской экономики (так называемых «цеховиков»), вновь нарождающейся прослойки стяжателей-спекулянтов с партхозноменклатурой. Главным двигателем перестройки становилась коррумпированная номенклатура, которую тяготил подпольный характер её доходной деятельности, — перерожденцы внутри советской системы мечтали лега-

лизовать себя, и они в значительной мере уже были морально готовы к капитуляции перед привлекавшим их Западом.

Если бы руководство страны сумело до роковой развилки трансформироваться и выдвинуть идеологию державной памяти и патриотизма, как этого добивалась «красная партия», многое сложилось бы иначе. Однако эта возможность была нивелирована извне намеренной подменой понятий — по той же модели, которая применялась Британской империей в начале XX века и в Российской, и в Османской империях. Эта модель, концептуализированная экс-послом СССР в Канаде Яковлевым, сводилась на административном уровне к **расчленению партии на правый и левый фрагменты**, а на уровне общества — к столкновению между собой заведомо неприемлимых отрядов «нео-западной» и «нео-почвеннической» интеллигенции, при всей взаимной враждебности сходящихся, под разными предложениями, в призыве к расчленению единой страны. Первому из отрядов было «делегировано» лоббирование отмены 6-й статьи Конституции, второму — подготовка самоопределения РСФСР в отношении СССР. При этом внутри партийного руководства роль олицетворения правых и левых была присвоена, с одной стороны, Лигачеву, с другой — Ельцину, хотя и тот и другой, в сущности, играли по чётко прописанному яковлевскому сценарию.

На этой стадии интеллектуальное диссидентство вышло на сцену в роли участника принятия решений, причём пошло дальше истеблишмента: т.н. «закон о власти», подготовленный «гуманистом» Андреем Сахаровым, на практике выпол-

²² Были в этом перерождении и черты, прямо указывавшие на подрывной характер происходившей трансформации — это касалось не только опустынивания деревень, но и демографии коренных народов России. Именно при Хрущёве начался невиданный демографический геноцид, выраженный в массовых абортах (при Сталине запрещённых), переходе к модели семьи с одним ребёнком, утверждению массового невроза на почве обывательского тезиса: «зачем плодить нищету?» Бытовой эгоизм и потребительство в советских условиях означало не что иное, как подрыв жизненных сил русского и других коренных народов России, разрушение его вековых ориентиров, проверенных историей, а вовсе не заботу о его процветании. В результате к концу советского периода обнаружился большой дисбаланс между «многодетными» азиатскими и «малодетными» европейскими регионами СССР.

²³ При этом необходимо признать: вечного антропологического типа. Изжить его нельзя, да и не нужно. Однако миссия здорового государства и высокой культуры как раз состоит в том, чтобы поддержать аристократические по своему духу социальные типы: изобретателя, творца, искателя, пророка, — не дать агрессивной среде «приобретателей», «накопителей», прагматиков и циников уничтожить тонкую прослойку людей, призванных к подлинной свободе. Иначе произойдёт страшное: смысл освобождения сведётся к общедоступности, к «общему месту», к безликой эмансипации, и в нём не останется места для созидательных и исцеляющих сил в народе. Борьба «изобретателей» и «приобретателей» с обеих сторон бывает жестока. Но есть что-то и пострашнее крови и насилия — утрата смысла жизни, идиотизм дурной бесконечности, подмена каких-либо целей развития и достижения человеческой и высшей справедливости целями закрепления и увековечивания паразитического мироустройства, гарантии его максимальной комфортности и безболезненности. В здоровом обществе потребитель имеет право на существование, но он по сути своей не имеет призвания ни к социальному успеху, ни к чести и славе, которые всегда связаны с самопожертвованием, с самоотвержением. Соответственно, общество, которое культивирует в качестве социального ориентира потребителей, стяжателей и обывателей, — стоит на грани энтропии и саморазрушения.

нял функцию бомбы, заложенной не только под СССР, но и под Российскую Федерацию. Издержки такой «цепной реакции» создавали неприемлемые риски в том числе и для Запада (в особенности риск утраты контроля над ядерным потенциалом), и хаотический распад не состоялся: «модель Яковлева» осталась в силе.

«Неозападническое» крыло активной общественности, наделённое ролью «тарана» трансформаций, на уровне агитации получило самоназвание левых сил, в то время как патриоты-государственники вместе с квазипатриотами-этнократами были упакованы в лагерь правых — что было удобно для дополнительной дискредитации КПСС как целого и для закладки оргструктур многопартийности. Практически сразу же после распада СССР **полюсы сменились**: доминирующие в окружении Бориса Ельцина неозападники приняли самоназвание «правых сил», а всех своих оппонентов занесли в «красно-коричневые». Второе противостояние 1993 года содержало в себе не меньший потенциал распада, чем «закон о власти», но на этот раз «инстинкт самосохранения» сработал изнутри, в чём сыграли роль и личные амбиции Ельцина: «сбрасывание фигур со стола» с сотнями жертв в центре столицы было сопровождено законодательным расширением президентских полномочий. Трагедия 1993 года на длительный срок закрепила колониальную зависимость России на условиях неолиберального экономического управления («вашингтонского консенсуса»).

В итоге по завершении «право-левой игры» с переменной знаков в нашем обществе образовалось три крупных идеологических фрагмента. Это, во-первых, носители «красной», советской идеологии, оставшиеся после разгрома СССР и КПСС, крупный массив, ибо «красную веру» по-прежнему исповедует большое количество наших сограждан. Это, во-вторых, «белый» фрагмент — ревнители прежних имперских форм, прежде всего Российской империи XVIII–XIX веков и, как правило, Русской Православной Церкви. Эти люди представляют могущественную историческую стихию, длившуюся на Руси 300 с лишним лет романовской империи, но уходящую своими корнями в Московское царство Рюриковичей. И, в-третьих, это либеральный фрагмент, связанный, как мы уже писали, с нигилистическим эксцессом, желанием разрушить построенное государственниками на предыдущих этапах становления России, «расчистить» место для так называемого «нормального» потребительского мироустройства. По своей величине это небольшой, но чрезвычайно энергичный, едкий, динамичный фрагмент, имеющий своих представителей во всех сферах нашей государственной, общественной, культурной жизни, а также поддержку со стороны глобального либерального проекта. Этот фрагмент был вправе праздновать победу и над Российской империей в 1917 году (правда, недолго), и над Советским Союзом 74 года спустя. Три этих фрагмента живут

причудливой жизнью: они то взаимодействуют друг с другом, образуя странные экзотические союзы, то сражаются между собой не на жизнь, а на смерть.

После 1991 года образовался достаточно сложный, но вполне жизнеспособный симбиоз, альянс «красных» и «белых», которые вместе противостояли победившему либерализму. Созданный в 1992 году «Фронт национального спасения» объединял и коммунистов, и монархистов, и «белых» националистов — и нашел поддержку со стороны народа. В Верховном Совете под руководством Руслана Хасбулатова «Фронт» приобрёл блистательных сторонников, которые преобразили всю деятельность национального парламента и выступили в 1993 году против узурпации власти Ельциным, вышли на баррикады «чёрного октября» и были сметены залпами танков Кантемировской дивизии. Либералы нарекли этот синтез «красно-коричневым» («коричневой» белую составляющую они называли потому, что вся подлинно «белая», дофевралистская Россия казалась им чем-то угрожающим, напоминала фашизм). Но и после 1993 года этот союз людей существовал и продолжал набирать силу до конца 90-х годов.

Путин, придя к власти, увёл из этого альянса часть его «белой» составляющей, провозгласив возрождение российской государственности. Тем самым в федеральных структурах власти была создана весьма экзотическая комбинация «белых» православных государственников и либералов, вначале с подавляющим преобладанием последних. Государственники, которые опираются на значительно более широкую поддержку общества, чем апологеты рыночных реформ, постепенно вытесняли либералов из коридоров власти, и те объявили войну «побелевшему» путинскому Кремлю. То, что мы видим сейчас, — это нарастающая атака либералов на устои русского традиционного сознания, на Православную церковь и на институты нашего государства.

И вновь в силу вступает свойство хамелеонов. Либералы всё чаще выступают под лозунгами, позаимствованными у «красных»: это требования социальной справедливости, искоренения коррупции и преступности, возложения ответственности за несоблюдение этих требований на действующую вертикаль власти. И какая-то часть левого, «красного», «со-

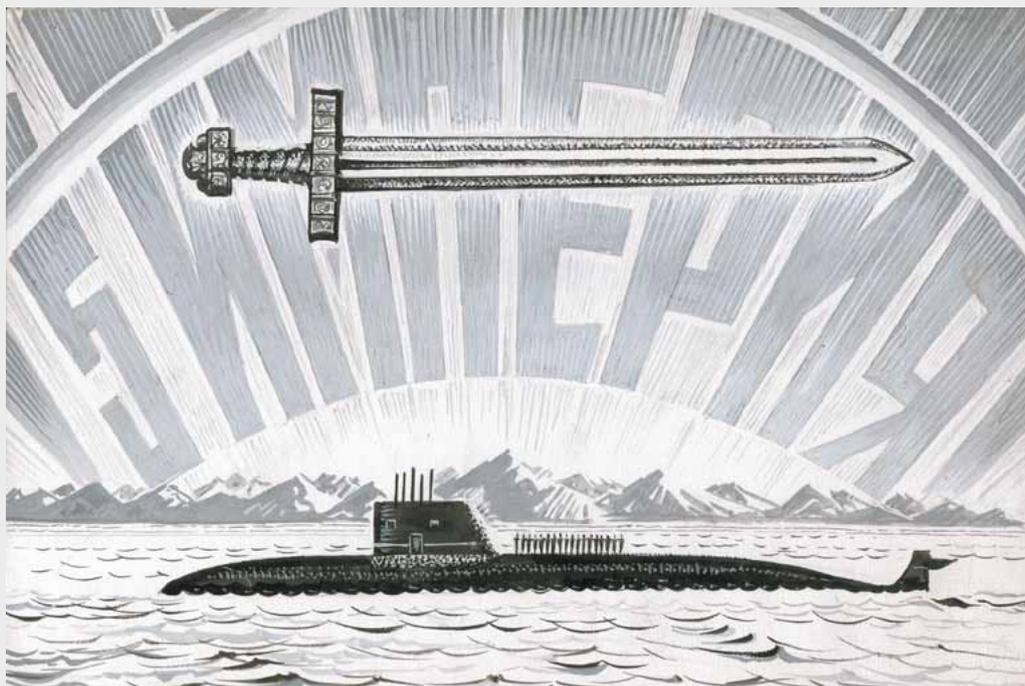

ветского» фрагмента российского общества вдруг вновь готова идти за либералами. Образуется очередной суррогатный правый, на этот раз лево-либеральный, «розово-голубой» альянс, перед лицом которого российские государственники, в первую очередь «белые», оказались в меньшинстве и, по сути, в глухой обороне. Большая часть Болотной площади была заполнена людьми под красными флагами.

При этом другая отрасль политических хамелеонов, либералы, оставшиеся во власти и контролирующие средства массовой информации, продолжают диффамировать наследие советской эпохи, включая великую Победу 1945 года, и уничтожать созданную в эту эпоху инфраструктуру отечественной экономики. И некоторые «белые» государственники исподволь поддерживают такую пропагандистскую линию — делая это из-за недалекого и явно устаревшего желания уязвить «советских патриотов». Негативную роль здесь играют и либерально настроенные представители духовенства. Притом что подавляющее большинство православных верующих, клира и монашествующих стоит на «белых» имперских, а некоторая часть уже и на синтетических, «красно-белых» позициях.

Весь абсурд сегодняшнего исторического момента связан только с одним — у России нет ясного понимания пути своего развития. Государство в растерянности, оно не ожидало ударов в спину со стороны выращенного им за 20 лет слоя стяжателей-потребителей. При этом в государственной системе не хватает людей, которые могли бы что-то противопоставить этой генерации хамелеонов и циников. Государственность сама поражена ими, и внутри нашего чиновничества и депутатского корпуса сидит своя внутренняя «Болотная», которая лишь на время затихла.

Если оставить всё так, как оно идёт, пустить дело на самотёк, если советские патриоты и патриоты-традиционалисты сегодня не предложат другую платформу развития, — потребители и стяжатели распродадут Россию окончательно, растратят её ресурсы, доведут её экономический и оборонный каркас до необратимой деградации. И нашим детям и внукам уже невозможно будет вернуть её. Это означает, что мы рискуем не выполнить свой долг и перед предками, которые во многих

поколениях создавали Россию, и перед потомками, которые имеют право на свою Россию, на то, чтобы строить и развивать свою традицию, а не чужие «общечеловеческие» ценности.

7. МИФ ПЯТОЙ ИМПЕРИИ КАК ПЛАТФОРМА СТРОИТЕЛЬСТВА ТРАДИЦИИ

В настоящее время власть и общество объективно находятся перед лицом угроз, сильно напоминающих наше далёкое и не очень далёкое прошлое. Вновь на повестке дня формирование причудливых альянсов, которые будут работать на десоверенизацию и дальнейшее расчленение исторической России. В этих альянсах могут сойтись воедино нацисты с этническими сепаратистами, либералы с представителями левого протеста, всевозможные меньшинства со сторонниками диктатуры, «дремучие» ортодоксы с отъявленными обновленцами. И все они будут преисполнены ненавистью к существующему режиму и ко всем символам социального мира и гармонии.

Все эти риски будут актуальными до тех пор, пока страна не преодолеет последствия третьей Смуты, такие как: распад имперских территорий и единой экономики, распущенной в угоду навязанным нам принципам «вашингтонского консенсуса»; отсутствие социальной справедливости,

которая систематически попирается и игнорируется исходя из лицемерных догм монетаризма и ультралиберального подхода; чудовищное социальное расслоение; бегство капитала из недоинвестированной и изношенной экономики; моральное разложение общества, упадок традиционного сознания, образования, культуры; предпочтение олигархических интересов и мотивов компрадорской элиты требованиям национальной безопасности.

Первостепенная проблема нации состоит в преодолении отчуждения между властью и обществом, чего невозможно достичь частными апелляциями к популярным элементам русско-имперской и советской реальности (празднование тысячелетия государственности, 400-летия восшествия Романовых или восстановления норм ГТО). Необходима национальная доктрина, в которой иерархия приоритетов, относящихся к разным сферам и отраслям, впитала бы в себя опыт всех этапов истории государства. **Россия едина и неделима не только в пространстве, но и во времени.** И в этом свете «красно-белое» единство есть дело не спора о прошлом, но дело об очертаниях Русского будущего, которое не может не вобрать в себя все эпохи нашего прошлого. Противники синтеза оплёвывают не прошлое — они очерняют и тормозят приближение будущей России.

Сегодня Пятая империя — это миф о будущем. Однако он видится нам не как утопия, но как живой синтез различных исторических начал, в том числе и синтез ценных достижений и верных принципов, найденных внутри «белой» и «красной» традиций нашей государственности. Наше стремление к примирению — это не только тактический вопрос достижения консенсуса. Это ещё и концептуальный вопрос — нужно найти объективно сильнейшие свойства нашей традиции, **скрестить сильные «белые гены» с сильными «красными генами»**, чтобы вывести на их основе новую идеологию и философию, которая станет питать дух новой генерации государственных. Для них Пятая империя из мифа воплотится в реальность, а Московская Русь, Петербургская империя и Советский Союз, отдаваясь в исторический туман, превратятся в продуктивные исторические мифы, вдохновляющие собрания легенд, источники национальной гордости и благоговейного удивления пред собственными предками.

Из **Московской Руси** Пятая империя впитает сочетание сильной автократии и мощного земского самоуправления. Созданная тогда система земских изб, земских старост, Земских соборов, а в городах — «чёрных сотен» во многом предвосхитила систему советов, возникшую в XX веке. В годину Смуты именно на основе органов местного самоуправления были созданы городские и уездные советы, которые составили Совет всей земли. Под его руководством русское народное ополчение изгнало оккупантов и возродило законную государственность. (Как видим, «советская власть» своими корнями уходит ещё в Древнюю Русь.)²⁴ Другим важным принципом Московского царства, который будет унаследован Русью XXI века, был принцип симфонии духовной и светской власти. В новых условиях он будет реализован в законодательстве и разработке национальных стратегий как гармония светских политических принципов с принципами духовными и нравственными, укоренёнными в национальной и религиозной традиции²⁵.

Из **Петербургского периода** Пятая империя возьмёт идущую ещё от Петра Великого ставку на казённую промышленность, которая рассматривалась как мотор прогрессивных преобразований. В этом смысле Красная империя, проводя форсированную индустриализацию, взяла на вооружение технологии Белой империи — но только уже в сверхмобилизационном, партийно-диктаторском формате. Будут восприняты также и многие мудрые законодательные решения, которые как в кладезе содержатся в Своде законов Российской империи. (В частности, Пятая империя вернёт принцип государственно-территориальной целостности и не будет заигрывать с привнесёнными и провокационными идеями о самоопределении наций.) В России XVIII–XIX вв. продолжало существовать общинное сознание Московской Руси, из которого, собственно говоря, и «выросло» сильнейшее артельно-кооперативное движение. Русь продолжила себя в Российской империи — несмотря на разнообразные западнические наслонения. Вне всякого сомнения, общинность вкупе с государственно-социалистической мобилизацией должны быть на новом уровне возрождены и в Пятой империи.

Советский Союз (Красная империя), взятый в пору своего сталинского расцвета и в его более поздних плодах, может многое дать Пятой империи, в том числе:

- формулировку как прав и свобод, так и обязанностей гражданина в Основном законе нации (к этому близка философия «правообязанностей» в терминологии русского правоведа евразийца Алексева);
- сохранение и защиту национального достояния как результата всеобщего труда, в том числе завоеваний в справедливой (освободительной) войне;
- военную службу как общественный долг;
- создание новой физической стоимости как основы экономического развития;
- непосредственную связь гражданских обязанностей, профессионального долга с задачами размещения и совершенствования производительных сил;

— образцовую способность к консолидации сил на прорывных инновационных направлениях, которые сначала выделяются в особые сектора государственного проектирования, а затем превращаются в локомотивы технологического развития всей страны;

— освоение природных ресурсов и преобразование природной среды в интересах человека, расширение разумной среды (ноосферы) в глубь Земли и за пределы Земли;

— создание и пополнение общественных фондов потребления, обеспечивающих гарантии всеобщих прав на образование, труд, жилище, охрану здоровья, отдых, пенсии, уход за немощными;

— систему массовой информации и пропаганды, от которой требуется не только информационный, но и преобразующий ментально-культурный результат.

Итак, формулу грядущего государственнического синтеза можно определить примерно так: **1)** сильная власть главы государства в сочетании с низовым, земским самоуправлением по образу Московской Руси, симфония власти духовной и политической, гармония веры и разума + **2)** идея строгого преемства власти, территориальной целостности и государственно-социалистическая мобилизация Российской империи + **3)** проектность, основанная на концептуально осмысленном стремлении людей к социальной справедливости, реализованная в СССР.

Однако будут в Пятой империи и черты, которые не вытекают напрямую из прошлого, а должны стать творчеством сегодняшнего и завтрашнего дня. К таким чертам будут относиться:

- Политика с высоким самосознанием миссии России как государства мировой державы, гармонизатора мировых отношений, снимающего претензии тех или иных исторических субъектов на глобальное господство. Нельзя сказать, что это новость, но нельзя и сказать, что Россия как государство исторически ясно формулировала эту свою миссию. Первые проблески

²⁴ В середине XX века так называемые «младороссы», с позиций пережитого эмиграцией и одновременно исходя из советского опыта, выдвинули формулу «Царь и Советы», до сих пор остающуюся недопонятой и самой глубокой по степени политико-исторического синтеза.

²⁵ Многие фундаментальные вещи основываются не на критическом осмыслении, не на научной мысли, а на вере, которая передаётся потомкам от предшественников. Симфония духовного и политического отразит в себе гармонию веры и разума, к которой будет устремлена Пятая империя.

осознания этого мы видим еще у Рюриковичей, которые видели себя защитниками не только православия, но и ислама, и буддизма на вверенной им земле (миссия Белого царя). Иван Грозный отвечал иезуитам: «Государства всей вселенной не хотим». Это означало, что, сохраняя определённое обособление, Русское царство препятствовало всемирному объединению. Затем идею миродержавия осознали и некоторые из Романовых, и целая традиция консервативной мысли XIX века. В советский период миродержавие было реализовано как строительство альтернативного глобального проекта, заставившего Запад изменить русло собственного развития и пойти на смягчение капитализма в сторону большей справедливости и социальной солидарности своих обществ.

- Пятая империя будет свободно и суверенно решать все вопросы международного права, о вхождении в международные организации, об изменении их уставов и правил игры, установленных без России. Верховенство иностранных судов над Россией или её гражданами не будет признаваться. Пятая империя будет независимой от международных преступных кланов, торгующих оружием, наркотиками, людьми и т.п. У нашей власти не будет соблазнов вступать в полюбовный договор с этими паразитическими сетями, а потому такая преступность будет пресекаться не на уровне борьбы со следствиями, а в её корне, в самих источниках её существования.
- Навязанная России буржуазно-демократическая формула «разделения властей» неизбежно уйдёт в прошлое как противоречащая духу национальной традиции. В России традиционно разделяется управление, но не власть. Советская политико-правовая доктрина, отрицая «теорию разделения властей», в этом смысле — при всём своём материализме — была глубже и ближе к тысячелетней традиции, чем сегодняшняя постсоветская рецепция. Это несколько не отрицает необходимости широкого народного самоуправления на местах, которое может иметь самые

разные формы и именованья — советы, земства, сходы, казацкий круг, курултай и т.д. В Пятой империи должен быть реализован приоритет прав большинства, отзывчивость власти на потребность к хорошо подготовленным (с квалифицированной кампанией в СМИ и всенародным обсуждением) референдумам по важным для всей страны вопросам.

- Народность Пятой империи вберёт в себя всё ценное из старой имперской народности, а также из народничества, которое при этом будет очищено от всех элементов привнесённой в него Лондоном «право-левой» игры. Народность будущего будет ближе по духу к *народной монархии* Ивана Солоневича или к пониманию народа как *Русского леса* Леонида Леонова. Это означает, в частности, что коренные народы России будут всячески поощряться к деторождению и созданию крепких семей. Западные сказки о неизбежности в развитой цивилизованной среде так называемого «демографического перехода» Пятая империя опровергнет.
- В Пятой империи будет возвращена почётная и всеобъемлющая миссия религиозной традиции, которая воплотит себя в формате имперской гармонии культур. Пятая империя избежит ошибок синодального периода, когда православие превратилось в государственное ведомство. Однако даже сегодня большинство нашего народа, включая неверующих, идентифицирует себя с русской православной культурой и с уважением относится к православным верующим. Русская Православная Церковь как важнейший культурообразующий национальный институт может получить особый статус в государстве (вроде корпорации публичного права) — это может быть сделано путём референдума во избежание спекуляций враждебных православию меньшинств.
- Евразийское братство станет новым наполнением идей об интеграции бывших братских народов. У этой политики есть убедительные причины и в экономической, и в военно-стра-

тегической сферах. Евразийское новое «братство народов» не может быть ограничено исторически условными границами СССР после 1945 года, точно так же как Евразийский союз не может являться копией Советского Союза, только с другой идеологией. Нельзя исключать вхождения в Евразийский союз в качестве полноправных членов некоторых других стран Восточной Европы и Юго-Западной Азии, даже если некоторые из них будут одновременно членами других макрорегиональных объединений. При этом цивилизационный ареал Пятой империи объективно определяется русским геополитическим ядром, народы этого союза должны осознать необходимость изучения русского языка как ведущего языка научного и культурного сотрудничества и общения, а также необходимость в большинстве случаев принятия (или возвращения) кириллических алфавитов.

- Общественный строй Пятой империи будет сочетать в себе мощные принципы социализма, солидаризма, кооперации с госкапитализмом и рыночным сектором, который, однако, будет ограничен пределами, положенными планомерной экономической политикой. Иными словами, это будет многоукладная, но регулируемая государством экономика.
- Пятая империя делает ставку на науку и инновационное развитие, она будет дарить своим детям возможность развивать разум и волю, овладевать всеми знаниями, какими они пожелают. От советского проекта Пятая империя возьмёт многое, в частности, акцент на активную и продуктивную деятельность, производство новых ценностей, а не на комфорт и отдых. Главным вектором инновационного роста станет раскрытие новых возможностей самого человека, достижение им высших способностей и состояний. Техносфера не должна заслонить задачу преобразования людей, подобно тому как костыли и гипс не должны мешать человеку, сломавшему ногу, восстановить способность к самостоятельному свободному хождению.

- Человек Пятой империи должен быть здоров и долголетен, но не ради самого здоровья и долголетия, а ради того, чтобы добыть у жизни максимум времени для творчества, изучения мира, самопознания и богопознания, радостного труда, передачи добытого ценного опыта детям и ученикам. Новую империю предстоит сложить не из множества индивидуальных интересов и appetитов, а из множества личных призваний и служений. Избыток трудовых ресурсов, если он вдруг возникнет, должен «сбрасываться» не через увеличение паразитических социальных слоёв, безработных или мало работающих, но через соз-

дание новых отраслей производства, в том числе ремёсел и техник, требующих высокого мастерства и перенаправляющих созидательную энергию от штамповки изделий массового производства к созданию шедевров. Пятая империя будет империей мастерства и искусства, которые будут не просто украшать быт, насыщать его «вещами», а преображать его, наполнять одухотворёнными образами и произведениями.

Опасности и риски нашего времени, угроза возвращения и усугубления Смуты требуют «нового издания» «красно-белого» альянса — как силы, не зацикленной на текущей

конъюнктуре, не отягощённой синдромом социальной зависти и потребительским эгоизмом постиндустриального периода; как силы, способной указывать власти на её ошибки и вовлекать в себя потенциальное инакомыслие. В контурах этого альянса нам видится то здоровое ядро народа, которое внутренне уже достаточно созрело для примирения в себе враждовавших идейных течений прошлого. Непримиимые, крайние, неуспокоившиеся борцы с собственным прошлым в это ядро не входят, и в строительстве будущей России им будет труднее обрести своё место.

Именно та общественная сила и тот стратегический субъект, который прочертит ясный путь преодоления «красно-белого» разрыва, преодолеет этот разрыв внутри себя, сошьёт в единую ткань вчерашние полюсы конфронтации, сможет предъявить народу последовательно цивилизационную программу нормализации национальной жизни, её деколонизации, восстановления суверенитета. Именно такой союз наследников «красной» и «белой» традиций, поколение наследников, примиряющих в себе своих отцов и дедов, опираясь на бесценный опыт нашего прошлого, способен не просто обличать разрушителей и противников нашей страны, но и показать, **чем мы от них отличаемся по сути.**

Мы отличаемся в самих идеалах смысла жизни, и это, как нам видится, уже показала история. **Наш смысл жизни** — в выковывании человеческой души в новых поколениях, в сохранении и развитии человечности в людях, в привнесении законов «жизни по-Божески» в социальные, культурные, международные отношения, в сохранении и отстаивании социальных и духовных идеалов, то есть в **очеловечивании природы и истории.**

Их смысл жизни — в стабильном росте потребления и самих потребностей, в диктатуре эгоистических индивидов, в культе праздности и комфорта, достигаемых на основе неравноправной «конкуренции», в подмене и переворачивании духовных ценностей, в раскрепощении всевозможных, в том числе извращённых, страстей и пороков, то есть, в конечном счёте, в **расчеловечивании культуры.**

История не закончилась, борьба цивилизаций продолжается.

Соколы одолели ужей

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

Воспоминания организатора примирения «красных» и «белых» из 2050 года: письма юному другу

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Ты интересуешься, Юра, как нам тогда удалось покончить с конфликтом «красные-белые» в самый разгар глобального кризиса? Как нам снова удалось стянуть эту страшную рану русского общества?

Попробую сделать это в самой краткой форме.

Взяв судьбу поруганной и разграбленной, отброшенной назад страны, мы, мой друг, прекрасно сознавали, что невозможно двигаться вперёд, творя чудо новой индустриализации и преображения народа, приговорённого к смерти, не воссоединив распавшегося социума. Мы понимали, что русский народ после 1991 года прекратил своё существование как факт истории, почти безнадежно расколовшись на разные «острова». Никакое новое социально-экономическое чудо не могло случиться без «сшивки» разодранного русского сознания. Без примирения «красной» и «белой» частей общества покончить с расколом мы не могли. Надо было прекратить делящуюся почти век гражданскую войну.

Но мы понимали и иное: такую операцию можно совершить лишь на фоне реально-успешного развития Сверхновой России. В противном случае перекормленные пиаром, пропагандой и политтехнологиями люди восприняли бы всё как очередную кампанию. Пустую и поверхностную. Только действительные успехи, пробуждая национальную гордость и возвращая русским уверенность, могли стать «подложкой» той грандиозной операции «мир между «красными» и «белыми», что задумали тогда мы с товарищами.

Задача выдалась архитрудной. Хотя уж давно не осталось в живых даже самых юных участников Гражданской, страсти продолжали бушевать. Страшная рана «красно-белого» противостояния и в старом СССР не затянулась до конца. Да её и не очень стремились зарубцевать. А с конца 1980-х племя новых разрушителей и мародёров, нацелившихся на расчленение и разграбление Союза, в течение доброй четверти века не только открывало кровавый чудовищный разрез, но и всё время растравливало его. Так, чтобы оправдать свои неописуемые злодеяния, чтобы отвлечь от них внимание, стравливали русских между собой и продолжали войну почти столетней — к тому времени — давности.

Ты скажешь, Юра, что в Соединённых Штатах также не исчезли следы их гражданской

Мы решили так: пусть нам послужат альтернативная история и великая сила искусства. Умение самих русских создавать миры — силой своей фантазии.

междоусобицы? Это правда. Только у американцев их первая гражданская война 1861–1865 годов и отстояла по времени дальше, чем наша, и по жестокости намного уступала нашей братоубийственной бойне 1918–1922 годов.

Так что задача перед нами стояла, как говаривал «красный» классик, архитрудная.

Но мы думали. Мы не забывали об этом, поднимая в небо новые аэрокосмолёты и строя свои футурополисы, спуская на воду экранопланы и примерно карая коррупционеров. И всё-таки нашли решение.

Что лежало на поверхности? Постройка грандиозного монумента павшим в Гражданской войне. Примерно в том же духе, что в своё время воздвиг в Испании генералиссимус Франко. Издание множества умных и красочных книг о необходимости примирения. Съёмка таких же документальных фильмов и роликов для Всемирной паутины. Всё это было хорошо, всё это мы тоже воплотили. Но всё-таки это было поверхностным, недостаточным, не затрагивало самых глубин векового конфликта. Слишком мало было того в реальной истории, что могло бы помочь закрыть топор войны на веки вечные.

И тогда мы придумали иное: пусть нам послужат альтернативная история и великая сила искусства. Умение самих русских создавать миры — силой своей фантазии.

Ход нам подсказали сразу несколько явлений в тогдашней русской жизни.

Во-первых, начавшийся с 2005 года настоящий бум альтернативно-исторической фантастики. Десятки русских писателей выдавали в свет множество книг, где современные люди, «попаданцы» в иные эпохи, на все лады переигрывали Великую Отечественную, Русско-японскую, а то и Балканскую войну 1877–1878 годов. Некоторые предотвращали катастрофу 1917 года, а иные и вовсе уходили в дальние века — вплоть до правления Ивана Грозного. Возникла целая литература по переделке истории, по производству альтернативных миров.

Во-вторых, успешный ход подсказали нам режиссёры Урсуляк и Бекмамбетов с их прекрасными фильмами, историческими апокрифами. Один изобразил мистическую Одессу

У нас был страшный враг, устроивший братоубийственную войну. И тот же враг затем вскормил Гитлера, спроектировав и начав страшную Вторую мировую. И тот же самый дьявол сработал затем на катастрофу 1991 года. Нужно было перевести стрелки на этого страшного, запредельно сатанинского врага.

1946 года, где легенда-Жуков провёл операцию по очищению города от преступности, а потом — и превратил Одессу в ловушку для бандеровцев. Второй создал ленту о мифическом Линкольне — охотнике на вампиров.

Мы прекрасно знали, что всё это — красивые мифы. Ты же видел, Юра, «Ликвидацию», ставшую классикой — такой же, как «Семнадцать мгновений весны» или «Белое солнце пустыни». Ведь на самом-то деле было подобное не в Одессе, а во Львове. И не Жуков и некая «армейская разведка», а энкавэдэшник Рясной и сотрудники внутренних дел устраивали отстрел бандитов, выступая вооружёнными живцами. И точно так же Линкольн никогда не был истребителем вурдалаков, и для битвы при Гёттисберге не пришлось лить тысячи серебряных пуль, и вампиры никогда не правили Конфедерацией, используя негров как «кормовую базу». Однако сила и красота сих мифов оказались настолько велики, что миллионы людей в них поверили. Мифы, овладевшие сознанием, стали новой реальностью.

Наконец, третий ход подсказал ряд историков и писателей. Они показали, что был более страшный враг, устроивший братоубийственную войну. И тот же враг затем вскормил Гитлера, спроектировав и начав страшную Вторую мировую. И тот же самый дьявол сработал затем на катастрофу 1991 года.

Нужно было перевести стрелки на этого страшного, запредельно сатанинского врага. А заодно, Юрий, умело использовать страсть к тайнам и всякой конспирологии, что так пышно расцвела с 1990-х годов.

Оставалось только воплотить замысел в жизнь...

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Памятуя то, что важнейшим из всех видов искусств является кинематограф, мы создали поистине тайное общество из историков, «альтернативщиков», близких к нам по духу

режиссёров и сценаристов. Безжалостно отсеяли конъюнктурщиков и лизоблюдов. Нам нужны были фанатики-единомышленники.

Первым нашим проектом стала картина «Тайна подпоручика Говорова». Ты же знаешь этого сталинского маршала, который до декабря 1919 года служил в белой армии Колчака. А в коммунистическую партию Леонид Говоров был принят лишь весной 1942 года.

Бекмамбетову удалось создать шедевр — о мистическом маршале. Зритель увидел, как белый подпоручик Говоров во время весеннего наступления Колчака в 1919 году не только громит своей батареей красных в боях под Уфой, Златоустом, Челябинском и на Тоболе. Нет — он загадочным образом начинает проваливаться в будущее и в параллельные миры. Причём там, в неведомых измерениях, он проживает дни, месяцы и даже годы, а в 1919 году отсутствует лишь какие-то доли мгновения.

Проваливаясь в параллельную реальность, молодой подпоручик оказывается в мире, где революционеры 1917 года — и кадеты с масонами, и эсеры, и большевики с меньшевиками — безжалостно казнены и брошены в застенки. Где в Российской империи воцаряется военная диктатура под знаком, сильно напоминающем древнерусскую свастику-коловрат. В этом мире русские не переживают двух революций и кровавой Смуты, а берут черноморские проливы и половину Турции в придачу, выходят к Персидскому заливу и вместе с союзниками по Антанте принимают капитуляцию немцев.

Вот только после этого в России разражается страшный кризис государственных долгов вкупе с экономической депрессией. Вернувшиеся с фронта крестьяне поднимают бунты: им нужна земля. Горят помещичьи усадьбы и хутора кулаков. Начинается казачий сепаратизм. Ну а потом страна вместе с Западом впадает в ужасную Великую депрессию 1929–1938 годов.

Потрясённый подпоручик, перенесённый в тело генерала-квартирмейстера Генштаба, узнаёт страшную правду. О том, как западная закулиса изначально планировала взорвать Россию революцией в 1917 году. Как тратила деньги на Керенского, Ленина, Троцкого, финских сепаратистов и польских радикалов. Как хотела не допустить русских к Босфору и Дарданеллам. Как планировала делить империю на колонии и протектораты.

Но действие разворачивается дальше: и вот мы глазами Говорова — странника по парал-

лельным мирам, видим, как Запад, недовольный слишком большим усилением Российской империи, демонизирует её. А потом развязывает свой вариант Второй мировой. Когда все — против русских. Когда немцев делают боевым тараном, обещая им приращение земель за счёт русских территорий, когда против нас начинают воевать и Англия, и Франция, и США с Японией. И даже Турция. Разыгрывая что-то вроде аналога всемирной Крымской войны. На русских бросают танки, тяжёлые многомоторные бомбардировщики, аэропланы с отравляющими газами, моторизованные дивизии. В руины обращаются русские города, гибнут миллионы, ещё больше — уничтожаются в концентрационных лагерях.

Тут сценаристы фильма, вдохновлённые беседами с несравненным Андреем Фурсовым, превзошли сами себя.

Потрясённый, проживший целую жизнь в параллельном мире Говоров вновь возвращается неведомой силой в колчаковскую армию реального 1919 года. И уже иными глазами глядит и на происходящее, и на красных.

Но далее следуют новые перенесения нашего героя в разные миры. Он успеваешь побывать в реальности, где Деникин летом 1919-го взял Москву и власть большевиков пала. Но там страна оказалась разделённой на западные колонии и полуколонии. Её недра за огромные долги оказались в руках иностранных корпораций. А казаки создали на юге независимые государства — на Дону и Кубани. В дополнение к самостийной Украине и к государству атамана Семёнова на Дальнем Востоке. Огромную часть Белоруссии с Украиной присоединила к себе Польша. Финны захватили всю Карелию. Англия колонизирует Русский север. Говоров, в этом новом мире оказавшийся на территории независимого Войска донского, оказывается гражданином второго сорта: русским, но так называемым «иногородним», не казаком. (Ведь в реальности граждане казачьих государств действительно делились на сорта.)

Однако в этой разделённой и закабалённой стране продолжается национально-освободительная борьба. В партизанских отрядах оказываются вчерашние враги — и красные, и белые. В один из таких отрядов попадает и подпоручик Говоров...

В следующем провале герой находит себя в нашей реальной истории, в страшном лете 1942 года. Видит то, что делают гитлеровцы со страной, переживает ужас танковой атаки немцев, бомбёжки пикирующих «штурк», ста-

новится свидетелем того, как немцы сжигают деревню со всеми её жителями.

В итоге Говоров, побывав в разных мирах и увидев альтернативы, снова попадает в реальный 1919 год и переходит на сторону красных. У которых и становится сталинским маршалом, героем боёв за Ленинград и Прибалтику...

Мы сделали это большим сериалом с огромным бюджетом в несколько десятков миллиардов рублей. Фильм имел оглушительный успех, он вышел на экраны не только земель бывшего СССР. Дублированный на хорошем английском, немецком и французском, он через торренты разошёлся по всей планете. Внешне — просто хорошее кино, а по сути — гигантская операция в мире идей и смыслов, операция по изменению сознания русских. По прекращению векового, изнуряющего нацию внутреннего раскола.

Мы ведь не лыком шиты, Юра, мы теперь каждую ленту превращали в развивающееся предприятие. Фильм продолжили компьютерные игры, красочные плакаты-постеры, многочисленные ток-шоу и военно-исторические игры. Центр «Знаниевый реактор» Сергея Переслегина выпустил атласы возможных реальностей, начертил карты возможных войн и операций прошлого, сценарии развития альтернативной истории. На тему альтернатив истории начала XX столетия стали выходить увлекательные документально-фантастические, неигровые ленты. Тут во всю ширь развернулся талант режиссёра-документалиста Романа Газенко.

Нарастившая наметившийся успех в битве за умы, мы объявили конкурс на лучший проект монумента национальному примирению и памяти павших в Гражданской войне. Коллектив историков во главе с Александром Широкоградом издал интереснейшую книгу о беспримерных подвигах красных и белых в Гражданской войне. Книга подводила читателя к своей заключительной части: о том, что русские могли бы покорить весь мир с такими чудо-богатырями, если бы их истинный враг не расколол их на враждебные лагеря и не стравил бы друг с другом. Если бы генерал Слащов и комбриг Котовский оказались не по разные стороны линии фронта.

А дальше наше «тайное общество» — в параллель всему этому — выбросило в инфосферу интереснейшие книги и документальные киноленты о том, как западные финансовые и масонские круги организовывали и разжигали революции в России, как подстрекали

русских друг против друга. Как они наживались на поражении русских в Первой мировой и на Гражданской войне, буквально высасывая из России золото и сырьё. Как они строили планы раскройки России на свои колонии в результате Гражданской войны. Как они всё время предавали белые армии и сеяли раздор между их вождями, продавливая дальнейшее расчленение России. Мы рассказали о том, как этот союз англосаксонских и еврейских банкиров в дальнейшем, когда красные сломали их план и всё-таки смогли объединить распавшуюся державу в 1922-м, дальше стали вскармливать Гитлера и вооружать Германию.

Тут на славу поработал Институт скрытой истории, что мы создали под Николая Старикова, коему мы простили его раболепие перед властью имущими в недавнем прошлом. Мы поставили его талант на службу делу национального воссоединения.

ных маргиналов. Его заменяла святая ненависть к тем, кто выступил истинным Сатаной и разжигателем русской Смуты. Бесплодные и опустошительные споры между красными и белыми заменялись другим вопросом: так кто же тогда стал над нами и столкнул нас лбами? И не пора ли обратиться вот на этого, самого коварного и страшного противника? Не пора ли разбираться с ним, прекратив совершенно бесполезные распри по десталинизации, десоветизации и так далее?

Наши известные враги на Западе совсем не ожидали того, что мы сможем осуществить такое. Крыть им было нечем. Но это было только началом нашей грандиозной психоисторической операции...

Подкрепили его Сергеем Кремлевым, Андреем Фурсовым и другими историками-конспирологами. И в итоге мы стали смещать ненависть русских с красных да белых на истинных виновников страшной трагедии нашего народа в XX веке. Запад выл от возмущения — но ничего сделать не мог. Особенно когда мы объявили о начале открытого исторического трибунала над теми, кто финансировал Гитлера в 1920-е годы и вёл его к власти. А ведь это были англичане и американцы. Мы буквально взорвали мир, когда в итоге предъявили Западу счёт за организацию и Смуты в России, и Второй мировой войны. Тем более что материалы процесса с помощью Интернета и грамотного перевода расползлись по всему миру, подхваченные историками-ревизионистами всех стран и народов. Конфликт «красные-белые» неумолимо вытеснялся прочь из сознания нашего народа, становился уделом открывен-

Мы всегда знали, что русские по натуре — игроки с историей. А потому на все сто решили использовать оную особенность национального характера.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Следующей нашей крупной удачей в нашей психоисторической операции, Юра, стал киношедевр Урсуляка «Аэлита». Поистине настоящий блокбастер.

Сознаюсь теперь, что сама идея принадлежит автору этих строк. Я называл её «использованием наследия мёртвых гигантов». К каковым мы с полным правом причисляли Алексея Толстого и его великую фантастику 1920-х годов. К тому времени молодёжь уже практически ничего не знала ни об «Аэлите», ни о «Гиперболоиде инженера Гарина»,

да и старшее поколение успело подзабыть эти непревзойдённые романы. Но мы и их решили сделать оружием в великой битве и за воссоединение расколотовой нации, и за окончание гражданской «красно-белой» войны, и за будущее нашего народа.

Мы только предложили дополнить их сюжеты и изменить финалы. Но, думаю, после того, что режиссер Протазанов в 1924 году сделал с «Аэлитой» в своей немой экранизации, Алексей Толстой, если мы когда-нибудь встретимся с ним на небесах, меня и поймет, и извинит. Нас вдохновлял пример «Звёздных войн» 1977–1983 годов, где американцы ради вящего эффекта — психического воздействия на западного обывателя — пренебрегли элементарными законами физики, логикой и здравым смыслом. Точно так же и мы решили принести в жертву физику и отчасти даже ре-

альную историю, лишь бы примирить красных с белыми и достичь катарсиса общества. Сдобвив всё это и спецэффектами, и батальными сценами, и обнажёнными женскими прелестями. Ибо если ты вознамерился изменить историю, то будь идеалистом по своей великой цели, но — циником при её достижении.

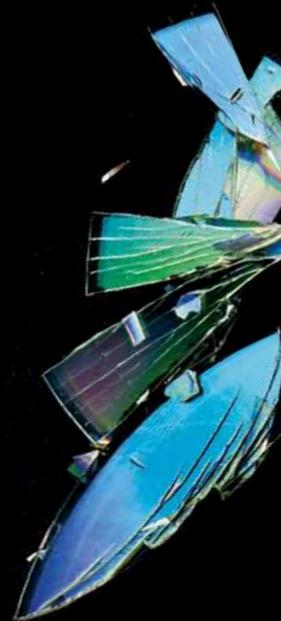
Режиссёр Урсюляк прекрасно справился с задачей, создав грандиозную многосерийную эпопею «Аэлита». Как мы усовершенствовали сюжет? Мы сделали инженера Лося, строителя корабля для перелёта из Петрограда 1923 года на Марс, бывшим белогвардейцем Семёновым, который тоже сначала проваливается во времени в будущее. И затем, потрясённый грядущим и вернувшись обратно, меняет фамилию, уходит к большевикам и строит свой фантастический аппарат для марсианской миссии. Да, вместе с демобилизованным

красноармейцем, непоседой-пассионарием Гусевым, участником неудачного конного похода Красной армии на Индию. Фигуру Гусева мы оставили такой же, какой её изобразил сам граф Алексей Толстой.

А что же Семенов — Лось? Мы сделали так, что во время боёв с красными 1918 года он провалился в будущее. В 1946 год. В вариант истории, где Советский Союз, выдержав тяжелейшую войну с гитлеровской Германией, не смог начать свой атомный проект. И затем он падает жертвой агрессии США. Они по плану «Дропшот» уничтожают несколько десятков русских городов атомными бомбардировками. А потом начинают ужасную воздушную войну, после которой СССР разваливается на несколько «независимых государств». Озверевшие националисты в них, выкрикивая антикоммунистические лозунги, начинают вырезать и изгонять русских.

Увидев такое будущее, Семёнов уходит к красным. Изменяет фамилию и вспоминает своё инженерно-изобретательское прошлое. Он с помощью молодой советской власти строит своё межпланетное «яйцо» и летит с Гусевым на Марс. Там они встречают высокоразвитую цивилизацию. Но Лось в нашем кино — не мятувшийся интеллигент, как в романе Толстого, а человек, который пытается вывезти с Марса на Землю высокие технологии Марса-Тумы. И технологию беспроводной передачи энергии, и секрет машин, стреляющих шаровыми молниями, и тайну использования энергии

Запад выль от возмущения — но ничего сделать не мог. Особенно когда мы объявили о начале открытого исторического трибунала над теми, кто финансировал Гитлера в 1920-е годы и вёл его к власти. А ведь это были англичане и американцы. Мы буквально взорвали мир, когда в итоге предъявили Западу счёт за организацию и Смуты в России, и Второй мировой войны. Тем более что материалы процесса с помощью Интернета и грамотного перевода расползлись по всему миру, подхваченные историками-ревизионистами всех стран и народов. Конфликт «красные-белые» неумолимо вытеснялся прочь из сознания нашего народа, становился уделом откровенных маргиналов.

Заключительный эпизод фильма, когда Сталин в июле 1941-го направляет в рейд на Берлин флотилию высотных ТБ-7 с атомными бомбами, особенно удался. В одной из машин на вражескую столицу летит постаревший Лось, теперь — генерал-полковник и генеральный конструктор советской супербомбы. Сбрасывая страшное оружие на столицу Рейха, Лось осеняет себя крестным знаменем...

распадающегося атома. Да, Гусев успевает учинить восстание марсианских рабочих, обречённое на поражение, но Лось успевает спасти и его, и влюблённую в него Аэлилу, дочь Тускуба-диктатора. Они вместе улетают на Землю, унося волшебные цилиндрики с формулами и чертежами. В полёте обратно Лось открывает раненому Гусеву свою тайну. И они клянутся изменить историю.

Заключительный эпизод фильма, когда Сталин в июле 1941-го направляет в рейд на Берлин флотилию высотных ТБ-7 с атомными бомбами, особенно удался. В одной из машин на вражескую столицу летит постаревший Лось, теперь — генерал-полковник и генеральный конструктор советской супербомбы. Сбрасывая страшное оружие на столицу Рейха, Лось осеняет себя крестным знаменем...

Юра, успех фильма тогда превзошёл все ожидания. Он стал вторым нашим психохисторическим прорывом после «Тайны подпоручика Говорова».

Со средствами на грандиозные кинопроекты у нашей власти проблем не было. Ты не представляешь, как легко изыскиваются ресурсы и деньги, если ты не ворует, а думаешь о будущем страны. Когда ты отсекаешь глупые и непроизводительные «проекты», задуманные как зарывание миллиардов в землю ради воровства начальства. Мы просто отказались от проведения чемпионата мира по футболу 2018 года, сэкономив на этом сотни миллиардов народных рублей. Мы расследовали позорище Сочинской олимпиады, покарвав тех, кто на нём нажился, и отобрав у них всё, что мы смогли найти. Да и самая минимальная рационализация экономики давала нашей власти впечатляющие плоды.

Тебе прекрасно знаком легендарный Константин Бабкин, тот самый Верховный комис-

сар по аграрному мегапроекту и основатель Партии дела? Его благородные бронзовые профили теперь украшают площади многих городов. Бабкин, слава богу, и сейчас полон сил. Ведь только его инициатива по строительству семи тысяч новейших роторных комбайнов для Черноземного пояса позволила сжать сроки уборки зерновых в этих регионах до каких-то десяти дней. Это настолько уменьшило потери зерна, что мы стали на тех же площадях и при тех же посевах получать на 20 миллионов тонн зерна в год больше. А что такое двадцать миллионов тонн хлеба тогда? Как минимум 150 миллиардов рублей выручки каждый год, так сказать, сверх плана. При разовых затратах на комбайны в 4,2 миллиарда рублей.

Имея таких управленцев, мы могли не бояться за нехватку средств. Тем более что затраты на один фильм-эпопею — это всего пара-тройка миллиардов, не более.

Ещё не завершилась работа над «Аэлитой», а мы уже делали новую экранизацию «Гиперболоида инженера Гарина». К основным героям романа — нищанцу-изобретателю Гарину, миллиардеру Роллингу, демонической красавице Зое Монроз и чекисту Шельге — мы добавили ещё одного героя. Белогвардейского офицера Волшина. Ну да, того самого командира дирижабля, что в романе атакует американскую эскадру газовыми бомбами. По книге он, ярый антисоветчик, служит Гарину — и гибнет со всем экипажем, когда его дирижабль сбивают американские гидропланы.

Но в нашем кино Волшин остаётся жив. Взрыв выбрасывает его в иную реальность. И он оказывается в «нашем» сорок первом, становится свидетелем того, как красные бойцы бросаются под танки с гранатами, стремясь остановить натиск немцев на Москву. На его глазах погибает политрук Клочков. Волшин видит ополченцев сорок первого, узнаёт среди одного из них своего бывшего товарища по юнкерскому училищу. Попадает в немецкий плен, видит там гитлеровского прихвостня из бывших белогвардейцев. На его глазах немцы устраивают кровавые расправы с партизанами. Волшин прозревает.

Так же внезапно переброшенный обратно, на Золотой остров Петра Гарина, Волшин знает, что делать. Он ищет встречи с чекистом Шельгой. Ибо теперь его цель — завладеть аппаратом Гарина, который поражает цели и прогрызает земную кору тепловым лучом.

Ибо он не знает, чем кончилось дело там, в срок первом, он думает, что немцы возьмут Москву. Вместе с Шельгой Волшин — в своей реальности — помогает поднять восстание и завладеть гиперболоидом. Так, чтобы не было больше ни Гитлера, ни торжествующего и коварного Запада. Чтобы мы обладали оружием неотразимой силы, способным поражать любого врага на огромном расстоянии. Снова белогвардеец в союзе с красным спасают мир от страшных испытаний.

Смешав здесь детектив, технотриллер, альтернативную историю, здоровую эротику и спецэффекты, мы опять получили решительную победу в психоисторической войне.

Теперь фильмы на тему альтернативной истории стали снимать массой, мощно изменяя весь общественный дискурс в нужную нам сторону. Продюсеры из «самого талантливого» народа почуяли и новый спрос, и возможность выслужиться. Тему «красно-белого» примирения они отлично просекли. Теперь все кинулись экранизировать самые яркие и интересные произведения из области альтернативной истории. Появились полнометражные мультфильмы по той же теме.

В одном из них белогвардейцы, победив «красных», во имя спасения страны вынуждены проводить в жизнь и план ГОЭЛРО, и индустриализацию, и даже коллективизацию — хотя и под другим названием. Белые, поднимая Россию из разрухи, вынуждены создавать экономику с сильным плановым началом, организуя подобие компартии и комсомола. И вообще их практика — смесь Сталина с Рузвельтом и Муссолини. Они так же, как и красные в нашей истории, давят украинских националистов и охотятся с аэропланов за бандами басмачей. И даже Лавр Корнилов торжественно хоронится в Белом мавзолее на Красной площади...

Взошла звезда писателя Романа Злотникова. Экранизированным оказался роман Андрея Валентинова 1994 года «Волонтёры Челкея». В нём красный и белый, столкнувшись с такой страшной нелюдью, что пришла пожить в России и русскими, забыли прежнюю вражду и стали сражаться с запредельным врагом плечом к плечу. Теперь мы включили в процесс сплочения нации даже тёмную мистику, столь увлекающую многих наших соотечественников.

Я был спокоен. Теперь процесс шёл мощно, в самоподдерживающемся режиме. Тема «красно-белого» примирения стала, как тогда было модно выражаться, мейнстримом. Но-

вый кинематограф, вся эта наша психоисторическая операция хорошо ложилась на всё, что происходило в стране. А наша власть жестоко карала воров и отбирала награбленное, вкладывала миллиарды в развитие России, превращала её в гигантскую строительную площадку, принимала первые пятилетние планы движения вперёд. Русским снова стало интересно жить, работать и сражаться, любить и заводить детей. Поднялись первые наши города будущего: Футурославль, Царь-Город, Сталинск и Авророполис.

Мы же двигались всё дальше и дальше. Перспективы захватывали дух. Хотя, если честно, мы просто воплощали то, о чём давно говорили в нашей «точке силы», в древнем Изборске, где заседал наш клуб. Впрочем, ещё одно место на Земле придавало мне и силы, и вдохновение. Одесса, солнечный город моей юности. Но это уж — моё глубоко личное ...

ПИСЬМО ЧЕТВЁРТОЕ

Ты знаешь, Юра, что в гигантской операции по изменению сознания целого народа и ликвидации векового «красно-белого» раскола мы опирались на концепцию психоистории, придуманной гениальным Азимовым в его «Основаниях». Не зря этот цикл книг мы сделали обязательным чтением в наших политических школах и кадетских корпусах.

Ты понимаешь, что, борясь за примирение «красных» и «белых», мы на самом деле целили гораздо выше. Нам нужно было не только прекратить междоусобие, но и создать сияющий, притягательный образ будущего, причём не только для русских. Альтернативу

Новый кинематограф, вся эта наша психоисторическая операция хорошо ложилась на всё, что происходило в стране. А наша власть жестоко карала воров и отбирала награбленное, вкладывала миллиарды в развитие России, превращала её в гигантскую строительную площадку, принимала первые пятилетние планы движения вперёд. Русским снова стало интересно жить, работать и сражаться, любить и заводить детей. Поднялись первые наши города будущего: Футурославль, Царь-Город, Сталинск и Авророполис.

и гниению западного постмодерна, и душно-му мракобесию фундаментального ислама, и муравьиному беспросветью китайщины. То, что многие из нас, организаторов, изначально **были не «красными» и не «белыми», а адептами Третьего пути**, только способствовало общему успеху.

Итак, мы достигли того, что русские теперь не тонули в бесполезных спорах и стычках между «красными» и «белыми», а видели и разоблачали того врага, что смог стать над нами — и нами манипулировать. Уже почти без нашего участия развивалась мощная криптоистория. Теперь людей занимали захватывающие исследования того, как и откуда шли деньги на русские революции и Смуты. Как создавались глобальные кризисы. Как появлялись и работали тайные и закрытые структуры глобальной закулисы. Сотни миллионов просмотров в Сети собрала наша документальная киноэпопея «Тайная история», дублированная на многих языках. В ней рассказывалось о постыдных тайнах создания Федерального резерва, о сообществах глобальных мародёров, об их чудовищных преступлениях — хоть в ходе мировых кризисов-войн, хоть при разрушении СССР. Мы показали миру трагедию и русских, и Югославии, открыли подноготную чудовищного нашего геноцида, начатого в 1991 году. Показали, как власть алчных и циничных жрецов золотого тельца сваливает всё человечество во мрак нового варварства.

Эти фильмы, транслируемые не маленькими бедными группами маргиналов, а уже целым государством мирового значения, ядерной, космической и новоиндустриальной державой, возымели глобальный эффект. Россия на глазах становилась центром притяжения всех нелиберальных, национально и традиционно ориентированных сил всей планеты. К нам потянулись все, кому претило новое варварство, кто соединял в себе национальное

и социальное. Русские вновь превратились в мировой моральный авторитет.

Мы экранизировали романы о возможном крахе Запада — слишком сложные для Голливуда «Анафем» Нила Стивенсона и «Флэшбэк» Дэна Симмонса, залучив этих писателей в искренние друзья сверхновой России. Мы сняли отличную антиутопию по сценарию Павла Санаева — о том, как на русской земле воплотилась мечта либерализма. В виде нового кастово-рабовладельческого строя. И эти ленты тоже стали залпами русской психоисторической победы. Мы перехватили инициативу у Голливуда.

Мы же вовремя ввели в сей прорыв свои психоисторические «танки». Чтобы полностью изжить «красно-белый» конфликт, требовалось предложить то, что могло бы объединить всех. То есть — образ великого Будущего. Прежде всего для русских, так пострадавших за минувшие 120 лет. Мы выстрелили в реальность гаммой художественных и документально-футурологических фильмов, целыми legionами книг и игр о нашем Образе Грядущего. С солнечными футурополисами, радостными обитателями нового мира, со смехом многочисленных детей, с радостью творчества, с полётами во Вселенную, с созданием новой расы людей-полубогов.

Глобальная паутина стала средой для эпидемического распространения заманчивых русских идей, привлекательного Русского чуда по всему свету. Олег Матвейчев возглавил публикацию философских работ по конструированию нового будущего, издавая их на многих языках. Новые и полные сил объединения художников, режиссёров и дизайнеров создали энергичный, напористый стиль. Ярчайшие, разящие прямо в душу образы. Под натиском всего этого падали и фундаменталистская архаика, и шизофреничная западная «маскультура», зашедшая в тупик аномии и толерастии. Русские дарили всему миру мечту и веру в силу разума, в мощь светлого созидания. Теперь не маленькие разрозненные группки мечтателей, не оригиналы-одиночки вроде создателя фильма «Дух времени» Жака Фреско, а целая имперская держава, Русский союз, транслировал в мир свою картину грядущего, свободного от ига золотого тельца, от архаики и регресса, от бессмысленной крови и энтропии.

То, что изображалось в таких лентах, картинах и книгах, Юрий, шаг за шагом обретало плоть на русской земле. Как смелые исторические экспериментаторы, мы первыми в мире создавали новую цивилизацию. С технологиями новых укладов, с новым общественным

Русские дарили всему миру мечту и веру в силу разума, в мощь светлого созидания. Теперь не маленькие разрозненные группки мечтателей, не оригиналы-одиночки вроде создателя фильма «Дух времени» Жака Фреско, а целая имперская держава, Русский союз, транслировал в мир свою картину грядущего, свободного от ига золотого тельца, от архаики и регресса, от бессмысленной крови и энтропии.

строим — строим справедливости, истинного народовластия. Строим, где люди восходили вверх, к Богу, а не опускались вниз — на четвереньки, к скотству, жестокости и упрощению. Многие из нас стали энтузиастами движения «Россия-2045», приверженцами победы над физической смертью и возобновления космической экспансии.

Это и стало нашей исторической победой. Начав борьбу за примирение «красных» и «белых», мы вышли на куда более высокий уровень. Ибо в мире всё связано со всем. Нельзя сплотить нацию и прекратить древнее междоусобие, не подняв страну в реальности и не начав марш в достойное будущее. Не приступив к историческому творчеству.

Так что, дорогой мой Юра, свою миссию мы, рождённые и вскормленные ещё в СССР, уже выполнили. То, что казалось вначале практически безнадежным делом, обернулось грандиозным психоисторическим успехом, нашей национальной победой. Мы задали смысл всем нашим усилиям в политике, экономике, науке, культуре, дипломатии и социальной сфере. **Дух восторжествовал над материей. Соколы одолели ужей.**

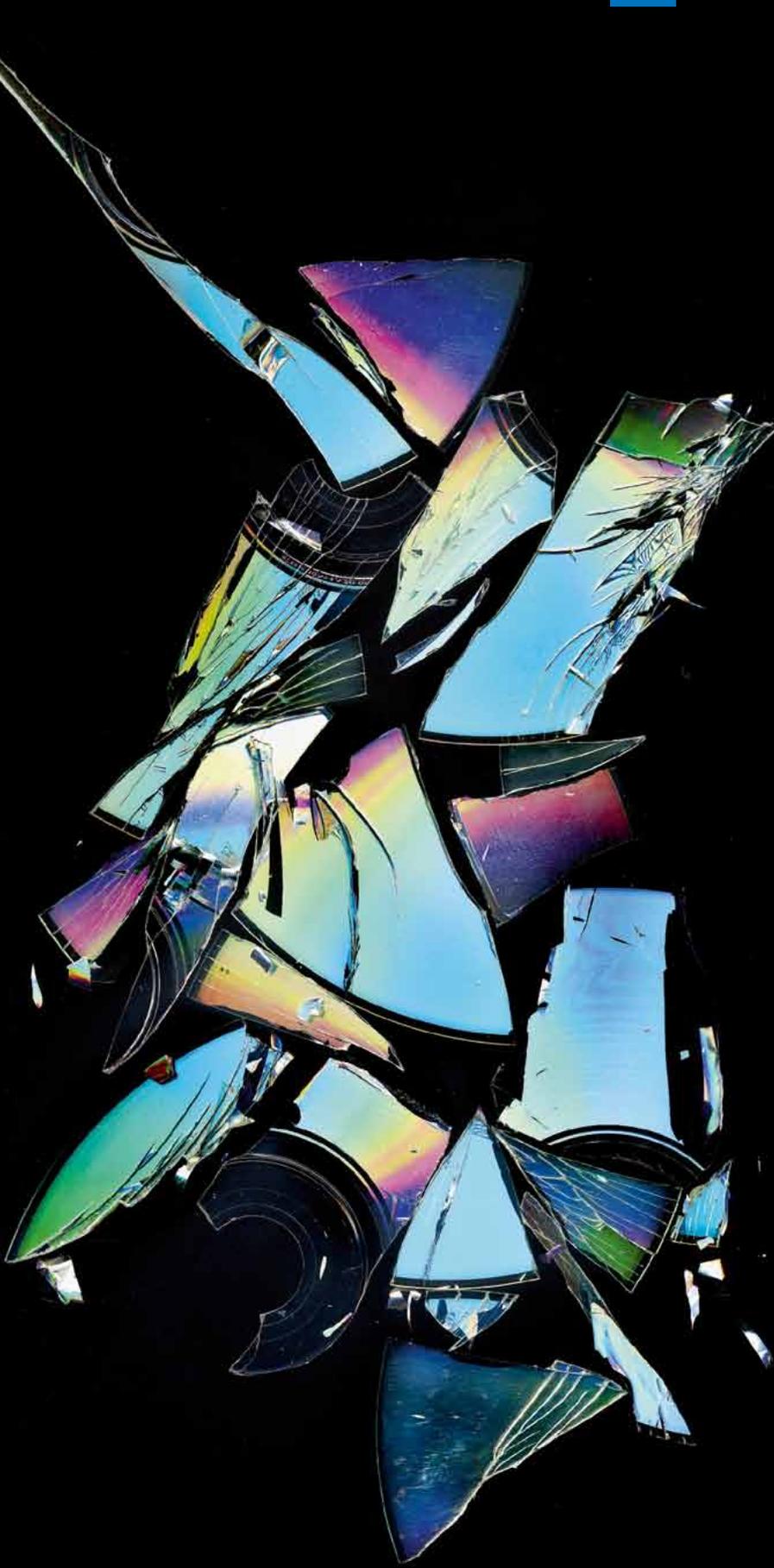
Теперь я уже глубокий старик, с гордостью смотрящий на дело рук своих. Скоро мне предстоит лечь под ножи и лазеры наших роботов-хирургов, дабы пересадить мозг в искусственное тело и обратиться в киборга. Тогда моя жизнь продлится еще как минимум на полтора века: таковы ресурсы жизни нашего мозга. Пришла пора воплотить мою детскую мечту. Когда-то, под вечерним южным небом СССР 1976 года, я мечтал увидеть и красноватые пески Марса, и луны Юпитера. Тогда летучие мыши творили свой ломаный, зигзагообразный полёт над крышей нашего дома в Ашхабаде. А я тогда только прочитал в журнале «Искатель» «Марсианскую одиссею» Стэнли Вейнбаума и потом жадно высматривал в небе красноватый огонёк загадочной, манящей каждого русского планеты.

Имея в запасе ещё полтора века жизни, я посещу и Марс, и спутники газового гиганта, Юра. На стапелях в Комсомольске-на-Амуре уже достраивается мой экспедиционный корабль «Русский сокол». Тот самый, с ядерной двигательной установкой.

Знаешь, что изображено у него на бортах?

На левом — красная звезда и золотые буквы: «СССР».

На правом — двуглавый орёл и чёрно-жёлто-белая лента...

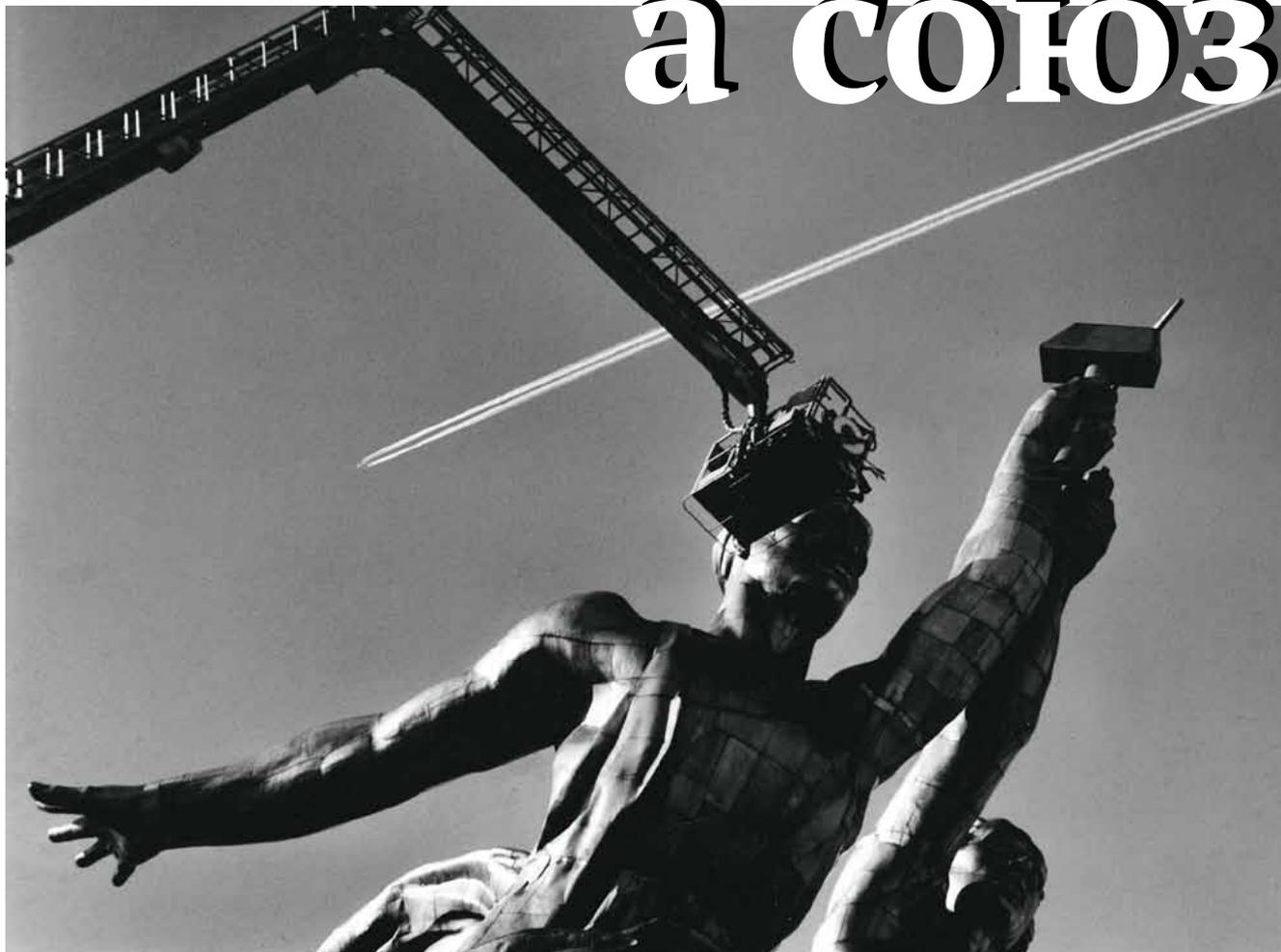

/ Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ /

Иллюстрации: Сергей БОРИСОВ

Не синтез, а СОЮЗ

Представленный и публикуемый в данном номере доклад Изборскому клубу о примирении «красных» и «белых» ясно демонстрирует, что углубление в исторические факты и их субъективная интерпретация мешают выработать единую оценку прошлого для двух долгое время конфликтовавших идеологически разных начал. Что еще важнее — споры о прошлом всегда лишь мешают движению в будущее. Поэтому, по мнению автора данной статьи, такого рода доклады и подобная постановка вопроса не будут способствовать реальному примирению подлинно «красных»

с подлинно «белыми» (консервативными, традиционалистскими силами).

Между тем заключение мира между носителями ценностей и традиций досоветского и советского периодов необходимо в силу того, что этого требует сегодняшнее состояние страны. После пережитой катастрофы конца 1980-х — 1990-х гг. Россия так и не преодолела полностью её последствий. Её промышленность разрушена, территориальная целостность не восстановлена, её производство по существу не вышло на уровень предкризисных лет, её наука, образование и культура по-прежнему разрушаются, общество во многом расколото, обороноспо-

собность не соответствует характеру внешних угроз и военному потенциалу стран-конкурентов.

Во всех этих сферах осуществляется деструктивное влияние сохраняющих свои возможности вестернизированных фундаменталистски рыночных групп, отстаивающих курс на экономическую интеграцию на подчинённых ролях в хозяйственную систему стран-конкурентов и отказ от принципов национального суверенитета.

Чтобы решать проблемы страны и обеспечить её развитие и восстановление адекватной роли и значения в мире, необходимо решать две зада-

чи: отказаться от рыночных подходов к экономике как давно устаревших и бесперспективных, и второе — обеспечить соблюдение принципов национального суверенитета страны.

Это необходимо для развития России, поддерживается большинством её населения, разделяется большинством носителей как ценностей советского общества, так и традиций дореволюционной России. Спор между «красными» и «белыми» по вопросам прошлого создаёт раскол в настоящем и позволяет осуществлять доминирование в политике тем, кто видит страну полуколониальной периферией её геополитических конкурентов.

Между «красными» и «белыми» вряд ли возможен идеологический и ценностный синтез, но между ними необходим и возможен стратегический политический союз. Основа этого союза — перенос центра внимания со споров о причинах расхождений в прошлом на цели настоящего и будущего. Помириться в оценках об истории в ближайшее время не удастся.

Есть вопросы, по которым уже сегодня существует высокая степень согласия между двумя названными сторонами — и её нужно зафиксировать в том или ином документе (Меморандуме согласия). Причем пойти по пути выработки его на основе единогласия, исключая из предлагаемого проекта всё, что будет вызывать принципиальное неприятие того или иного из участников подписания, — и подписать и огласить этот документ от имени всех членов клуба в течение предельно сжатого срока.

В то же время принятие Меморандума должно стать не окончанием, а началом, открытием процесса примирения. И предполагает его продолжение в двух направлениях. Первое — его открытость для подписания теми, кто будет готов присоединиться к нему в последующем. Второе — составление и подписание последующих протоколов к Меморандуму по вопросам, по которым согласие потребует времени. Возможно, по одним удастся договориться через

полгода, по другим — через пять лет, по третьим — через пятьдесят.

Согласие о политическом союзе сегодня нужно сделать не одномоментным, а создать механизм и включить процесс выработки согласия в стране.

МЕМОРАНДУМ СОГЛАСИЯ (Изборский пакт)

Рабочий проект

Вопрос примирения «красных» и «белых» — это сегодня вопрос единства тех, кто полагает, что Россия должна быть суверенной, а власть в ней — дееспособной и сильной, способной ответить всем тем, кто пытается подчинить Россию диктату международных структур, лишит суверенности и превратить её экономику в колониальный придаток экономического империализма иных держав.

Должна быть в России монархия или советская республика — при всей коренной важности этого вопроса, он должен решаться в России и волей граждан России.

И кто бы ни правил Россией — императоры или рабочие лидеры, — у России должны быть армия, авиация и флот, способные защитить ту форму власти, которую выберет Россия, защитить интересы России и принудить к корректности и миролюбию любую страну, которая позволит себе игнорировать волю России.

Экономическое устройство современной России для обеспечения её восстановления и развития требует умения и возможности ставить долговременные цели, осуществлять стратегическое планирование, реализовывать технологический прорыв и реконструкцию производства. То есть требует перехода от краткосрочных мотиваций стимулов, какими являются рыночные стимулы и мотивы, — к средне- и долгосрочным. Это означает, что Россия экономически не может развиваться, не отказавшись

Фото: Василий ПРОХАНОВ

**Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
доктор политических наук,
профессор, действительный член
Академии политических наук.**

от рыночной организации и не создав систему проектной экономики и стратегического планирования.

Политическая модель, способная обеспечить развитие страны, предполагает необходимость действовать не в рамках формальных норм и правил, а обеспечивать гибкое эффективное решение нестандартных задач в постоянно меняющемся мире. Иными словами, это способность отвечать на вызовы адекватными, в том числе нестандартными способами.

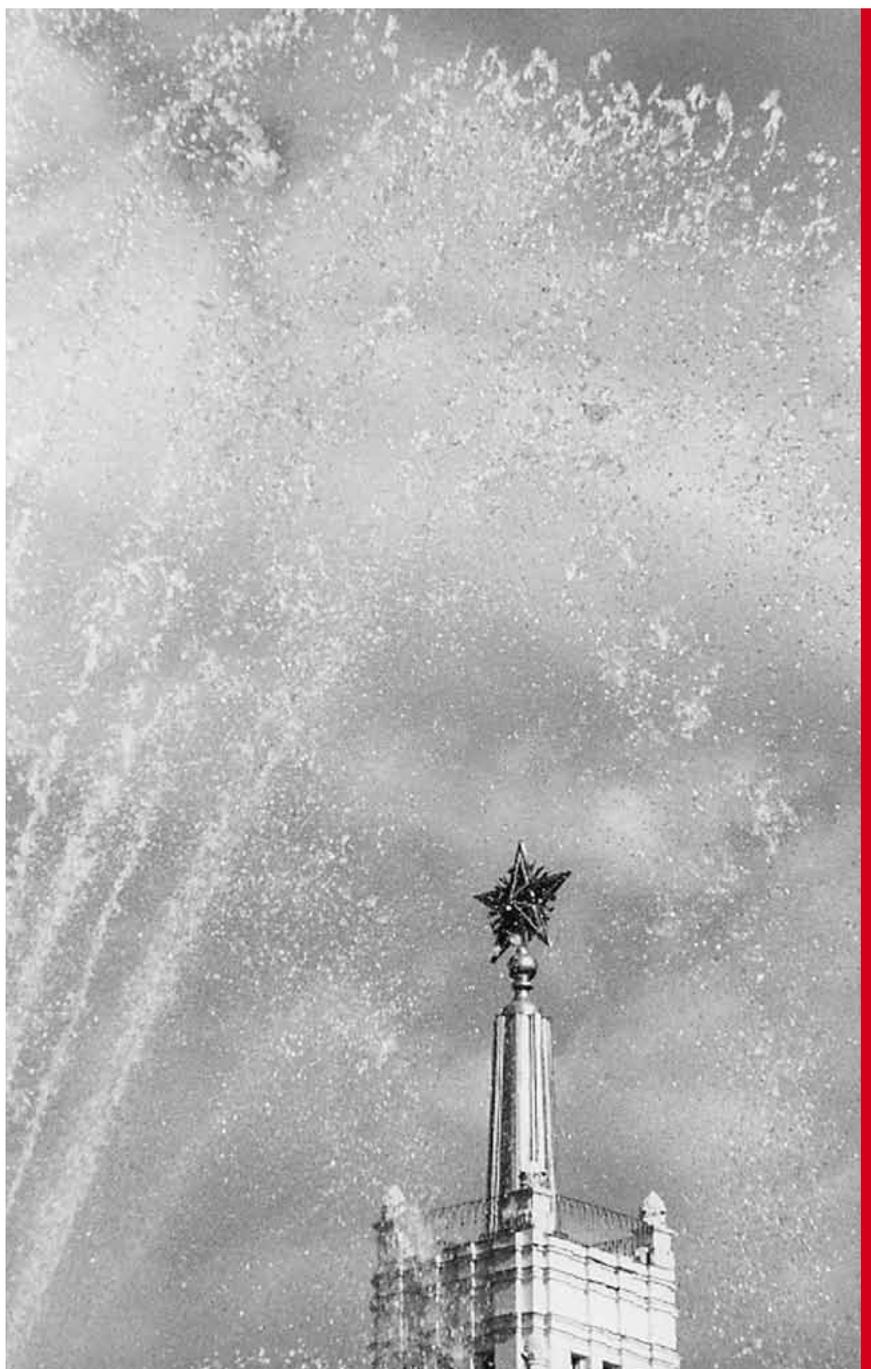
Это должна быть своего рода система профессионального самоуправления, компетентная демократия, то есть власть большинства, опирающегося на профессионализм и компетенцию, — в известном смысле диктатура профессионализма и компетентности.

Как мир, так и современная Россия исчерпывают предыдущие парадигмы развития и требуют поиска альтернативных вариантов развития.

Нельзя детерминировать себя прошлым.

Детерминировать себя нужно будущим.

Потому что детерминировать себя прошлым — значит жить в прошлом.

Современный мир сталкивается как минимум с тремя уровнями кризиса:

- мир подходит к границам развития рыночной экономики. Рождённые конкуренцией монополии в течение последнего столетия существовали за счёт расширения ареала своей деятельности. Сегодня они распространили его на весь мир — и тем самым уничтожают породившие их основы;
- политическое оформление современного мира было результатом

установления нового баланса сил, сложившегося в итоге Второй мировой войны. С разрушением СССР этот баланс нарушен. Подобное изменение всегда ведёт к переделу мира. Оно началось. Либо баланс будет восстановлен — либо мир ждёт мировая военная катастрофа;

— истощает себя модель развития общества потребления. Стоит вопрос о переходе к обществу познания и творчества и подчинения его целям общественного производ-

ства, возвращения потреблению роли средства общественного развития, а не его цели.

Сегодня из инструмента обеспечения прогресса потребление превратилось в инструмент деградации. В мире запущен механизм социального и исторического регресса. Нужно откровенно признать — приближается мировая война. Остановить её могла бы прогрессистская революция в одной или нескольких ведущих странах мира — на что сегодня почти нет шансов. Единственная преграда на её пути — сохраняющийся у России советский термоядерный арсенал. Но в рамках инерционного сценария США в течение примерно десяти лет создадут возможность его нейтрализации — и тогда мировая война станет неизбежной. Возможность её избежать — в готовности России к войне на новом технологическом уровне.

Мир в тупике. Ренессанс России — его последний шанс на спасение от катастрофы. Понимание этого требует единства тех, кто с этим согласен, в первую очередь вокруг **общих целей и задач**:

1. Отказ от рыночной идеологии и организации производства как исторически устаревших и обрекающих Россию на отставание от ведущих мировых экономик.

2. Признание значимости сильного государства, выражающего интересы трудовых групп населения и несущего социальную ответственность перед обществом.

3. Необходимость перехода к мобилизационному развитию и осуществление в России стратегии производственно-технологического прорыва к новому, наукоёмкому типу производства.

4. Восстановление территориальной целостности страны.

5. Приоритет принципа национального суверенитета над международными нормами и решениями любых международных органов.

6. Возвращение России международно признанных зон ответственности, оговорённых на Потсдамской конференции 1945 года.

Реально значимым для такого союза является не слияние и идеологический синтез, который малодостижим и ведёт к сталкиванию и противопоставлению позиций, — а политический союз, при котором каждая из сторон не отказывается от своих принципов, ценностей и символов, но объединяется вокруг общих политических целей в противостоянии угрозам стране и её противникам.

Своего рода **«Союз горы» против «Болота»**.

Сама технология и организация примирения принимается в основном в следующих принципиальных контурах:

- уважение взглядов сторон и мотивов действия искренних представителей каждого из лагерей во время её протекания;
- перенос споров об их исторической правоте из политико-публицистической сферы в историко-академическую;
- отказ от рассмотрения как досоветского, так и советского периода в качестве некоей «чёрной дыры истории»;
- создание, что в значительной степени было сделано уже в советский период, общего героико-мифологического пантеона;
- принятие в качестве общего правила уважительности в дискуссиях представителей обеих традиций;
- взаимный отказ от нагнетания уничижительности и ненависти в отношениях сторон;
- принятие равноправного использования двойного наименования географических, транспортных и культурных объектов, имеющих имена досоветского и советского периодов;
- признание равноправия идеологических традиций.

Перед Россией сегодня стоят следующие задачи:

- вернуть утраченное в результате катастрофического развития последнего пятнадцатилетия XX века;
- стать лучшими в мире — создать лучшее производство, лучшее искусство, лучшие социальные отношения,

лучшую науку, лучшее образование, лучшую медицину; утвердить в качестве ментальной задачи — быть лучшими во всех сферах жизни;

- осуществить возмездие в отношении тех сил и групп в мире, которые несут вину за постигшую Россию и мир катастрофу.

Россия должна вернуть себе отторгнутые у неё после 1990 года территории, восстановить Ялтинско-Потсдамский баланс, в том числе определённые тогда зоны своей ответственности в мире, получить от мирового сообщества компенсацию за потери, понесённые ею по вине внешних сил в последние 25 лет.

Россию заманили в ловушку. Но в ловушку попал и весь мир, спасённый ею некогда от цивилизационной катастрофы в 1945 году. Если Россия вырвется из этой ловушки — она вырвет из ловушки весь мир.

Стратегическими целями России в современном мире сегодня являются:

- остановить регресс;
- овладеть рычагами социального управления общественными процессами;
- запустить механизмы исторического прогресса.

И в результате этого — принять вызов, создав новый мир, основными характерными чертами которого будут:

- создание производства избытка, являющегося основой не культивирования потребления, а средством обеспечения удовлетворения стремления к познанию, творчеству и совершенствованию мира;

- создание общества профессионального самоуправления, обеспечивающего разнообразие, совместное существование групп с разными интересами, увлечениями и пристрастиями, совместно существующими в едином социальном пространстве и взаимно обогащающими друг друга;

- создание условий для свободного развития каждого человека, обеспечение потребности каждого человека в творческой, созидательной деятельности в обществе, в котором ничто для человека не сможет принести большей радости, чем свободно избранный им творческий труд.

Формат этого общества — общество разнообразия, обеспечивающее свою энергетику и своё саморазвитие за счёт взаимообогащения проявлений этого разнообразия, существующих в социальном единстве.

Принципом этого развития становится принцип «корни и крона», единство ощущения всех этапов российской истории — от Изборска в его значимости образа древней русской истории до Обнинска как символа успехов советского периода и достигнутого СССР научно-технического превосходства и лидерства.

ПОЯСНЕНИЕ К ПРОЕКТУ МЕМОРАНДУМА СОГЛАСИЯ

Если гражданская война, по факту, в своём сегодняшнем, в частности социокультурном, виде идёт, то **возникает вопрос: можно ли её закончить?** Во всяком случае, закончить если не в вопросе о тех или иных социально-политических требованиях — поскольку здесь линии размежевания

Есть вопросы, по которым уже сегодня существует высокая степень согласия между двумя названными сторонами — и её нужно зафиксировать в том или ином документе (Меморандуме согласия). Причем пойти по пути выработки его на основе единогласия, исключая из предлагаемого проекта всё, что будет вызывать принципиальное неприятие того или иного из участников подписания.

Необходимо уйти от взаимного проклинания и обличения — к попытке взаимного осознания логики каждой из противостоящих сторон. То есть прекратить политическую борьбу на уничтожение по этому поводу, сделать разногласия по нему вопросом исторической дискуссии, а не политической борьбы.

пролегают несколько иначе, **но в вопросе противостояния образов.**

Есть вопрос о собственности, и есть вопрос о форме правления, демократии и авторитаризме. Этот вопрос всё равно придётся решать. Сегодня эти вопросы не приобретают остроты форм радикального противостояния, хотя сами по себе они никуда не делись и не денутся.

Как их будет решать история в будущем — эволюционно или революционно — покажет время.

Но есть вопрос о противостоянии образов, оценки сторон, сражавшихся в гражданской войне, есть вопрос спора об оценке советского периода и советского революционного пантеона. Наверное, прийти к полному тождеству позиций здесь тоже не удастся. Но само по себе **продолжение дискуссии — это не обязательно продолжение гражданской войны.**

Необходимо уйти от взаимного проклинания и обличения к попытке взаимного осознания логики каждой из противостоящих сторон. То есть прекратить политическую борьбу на уничтожение по этому поводу, сделать разногласия по нему вопросом исторической дискуссии, а не политической борьбы. Те, кто ведёт эту борьбу сегодня, в основном ведут её, в отличие от реальных участников гражданской войны, не по реальным и актуальным социально-экономическим и политическим вопросам — а **по вопросам сведения исторических счётов, исторической мести.** И пока они ведут её по этому поводу, они оказываются в значительной степени жертвами, куклами тех, кто использует их уже в своих реальных экономических и политических интересах.

А значит, пока она идёт даже на социокультурном уровне, она выводит из реальной политической борьбы реальные проблемы реального противостояния.

Причём нужно сказать, что **одна сторона, «красная», уже в советское время была близка к её окончанию.** По тем или иным параметрам она заканчивалась с каждым годом. Жёсткость оценок смягчалась, в фильмах всё чаще показывали «белую» сторону не как «монстров зла» — а как людей, скорее совершивших ошибку, нежели преступление, образ их шаг за шагом приобретал человеческие черты, вызывающие уважение. Тех или иных деятелей белого движения допускали в страну, эмигрировавших и симпатизировавших белым деятелей культуры трактовали как переживших трагедию крупных писателей и учёных и т. д.

Война вновь началась с кризисом конца 80-х годов, с разворачиванием волн ненависти к советскому устройству, которые формировались и направлялись определёнными фракциями как раз поздней советской элиты. Им ненависть к советскому началу и большевикам нужна была лишь как оформление и обоснование их стремления конвертировать свою власть в собственность.

Эту холодную гражданскую войну можно продолжать — а можно заканчивать. Если продолжать, встает вопрос о её целях. Кто-то видит их в полной и окончательной десоветизации. Кто-то, скорее всего, просто в состоянии противостояния — в процессе, а не в результате.

Строго говоря, в каждой очередной схватке «белые» в целом скорее проигрывают, чем выигрывают. Если

симпатии к «красным», как собственно «красным», а не «советскому традиционализму», не слишком велики, то симпатии к «белым» — существенно много меньше. Это иллюстрируется и показывается в конечном счёте на примере всех социологических данных, детальный разбор которых провести не сложно, — но в данном случае он оставляется в стороне.

Завершение войны можно видеть и как капитуляцию противника, и если красные не капитулировали тогда, равно как и в 90-е годы, то они не капитулируют и сегодня. **«Красное» укоренено,** оно во многом самодостаточно, оно всегда будет обладать огромной силой притяжения и, даже проиграв политически, — что ещё не решено, — оно так или иначе сохранится в самодостаточном социокультурном виде. Да и чем больше его будут ругать и ненавидеть — тем больше у него будет появляться сторонников. По многим причинам. В частности, потому, что сила и победы всегда привлекательны. И «красное» продемонстрировало слишком много силы и слишком много побед, — а если и проиграло, то тогда, когда уже не вполне было «красным».

Нельзя детерминировать себя прошлым. Идентифицировать себя прошлым — можно. А детерминировать — нельзя. То есть нельзя подчинять себя тому, что было когда-то. **Детерминировать себя нужно будущим.** Потому что детерминировать себя прошлым — значит жить в прошлом.

Все попытки переиграть историю и заново выиграть то, что было проиграно в прошлом, заканчивались либо поражением контрреволюционеров, либо их компромиссом с революционерами. То есть соглашением о согласии и историческом мире.

Но что **значит — закончить гражданскую войну мирным соглашением, согласием?** Это среди прочего означает взаимно отказаться от мести за прошлое. Отказаться от преследований и осуждений. Отказаться от попыток даже на информационном уровне разжигать противостояние

и создавать нетерпимую обстановку друг для друга. Признать за каждым из пошедших на согласие право на свою ничем не стеснённую деятельность и на открытое изложение своих взглядов, но без попыток разжигать нетерпимость к враждебной стороне.

Так, если в России официально празднуется и является выходным днём такая дата, как Рождество, в ней должен официально праздноваться и рассматриваться как государственный праздник и выходной день — День революции 7 ноября.

В этом отношении, возможно, было бы правомерно признание в РФ, как историческом преемнике СССР, особого государственного статуса государственного флага СССР, с официальным использованием наравне с флагом РФ. Подобная форма должна быть найдена и для уравнивания нынешнего герба РФ с гербом СССР.

Можно встретиться с вопросом о том, почему именно коммунисты претендуют на особое уважение своих чувств и своей символики, хотя, как может показаться, сами особой терпимостью по отношению к своим противникам не обладали. Во-первых, коммунисты могли себе это позволить, поскольку являлись безусловными и однозначными победителями в Гражданской войне, — и, разгромив противоположную сторону, имели реальную возможность диктовать ей свои условия. **Сегодня нет однозначного реванша «белых» над «красными»**, сегодня нет ситуации, когда исторический победитель имел бы возможность диктовать свою волю побеждённому.

Во-вторых, «красные» на деле были не так уж нетерпимы. Реально они сохраняли (на разных этапах в разной степени) значительную часть социокультурного и большую часть культурного наследия. Они проклинали царских генералов — и многих из них провозглашали национальными героями. Большую часть науки и искусства дореволюционной России они и культивировали и сохраняли. А наиболее значимых персонажей

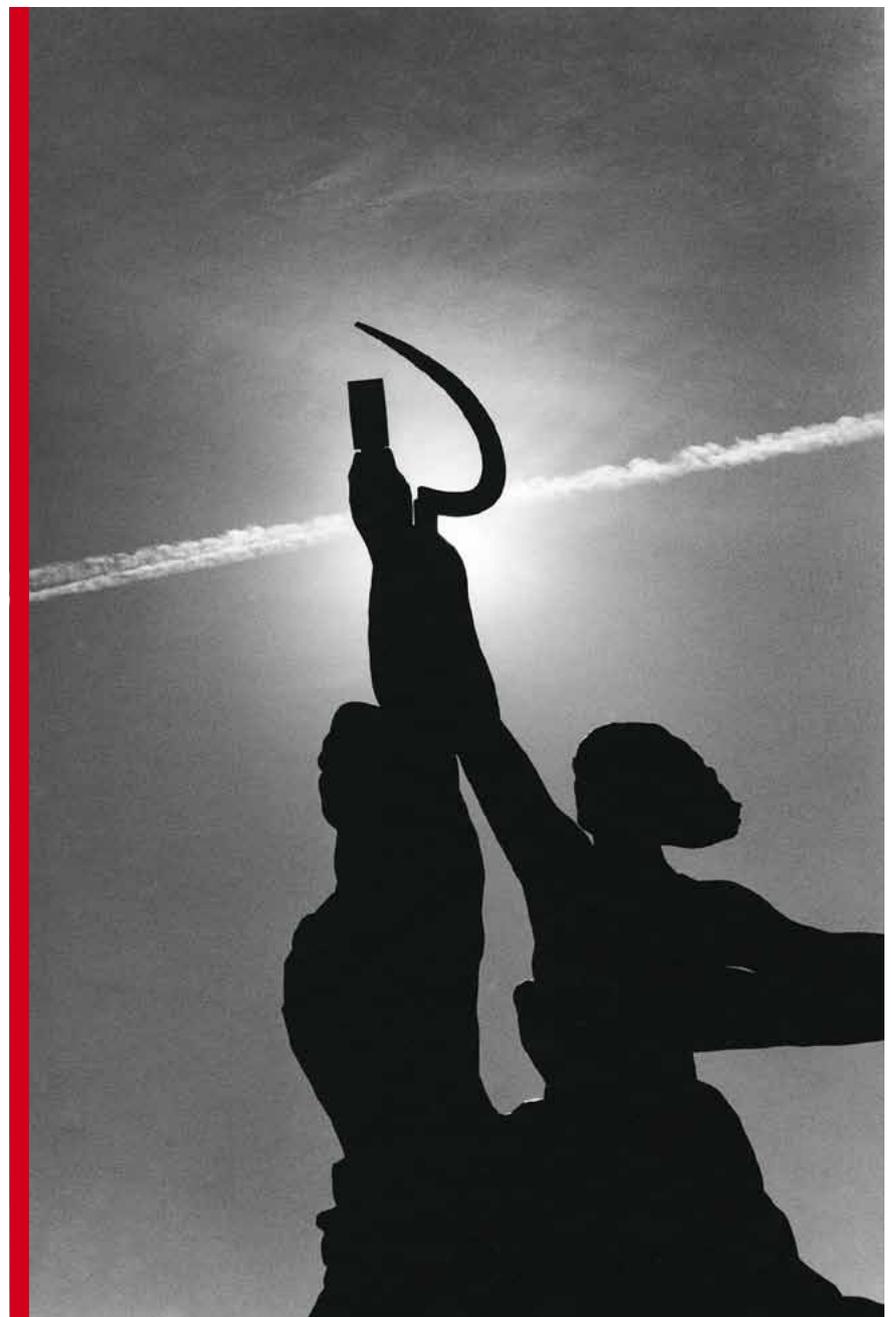
истории старой России, включая царей, — возвели в ранг общеисторического достояния. И уж, во всяком случае, не пытались выбросить из могил либо перезахоронить на местных кладбищах русских царей и императоров.

В-третьих, в конце концов играет роль и то, что они сделали в позитивном плане для страны. Отрицать объём и значимость созданного ими можно только в приступе особой исторической ненависти и иступлённого ослепления. То, что они сделали, даёт

им и периоду их господства право на признание их и его особой значимости и соответствующее отношение.

Десоветизация идёт четверть века. И позиции десоветизаторов и десталинизаторов — куда слабее, чем были в 1991 году. Еще пять–десять лет десоветизации — **и десоветизаторов будут показывать в кунсткамере или в цирке.**

В любом случае — это вопрос выбора: продолжать гражданскую войну в социокультурной сфере или заканчивать?

Русская правда:

преодоление Смуты

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ, Константин ЧЕРЕМНЫХ /

ОБ УПРАЗДНЕНИИ ПРАЗДНИКОВ

С 2005 года мы отмечаем день 4 ноября, дату свержения 400 лет назад колониального режима «семибоярщины», за которым последовало восстановление легитимной власти русских царей.

В то же время для значительного числа сограждан 7 ноября, день взятия власти в Петрограде большевиками, остаётся историческим символом, от которого они не хотят отказываться. И через пять лет это символическое событие ждёт вековой юбилей.

Два этих праздника в угоду политической конъюнктуре выдаются мейнстримными СМИ за полюсы конфронтации, за признаки раскола общества. Для кого-то из «партии власти» новый праздник (хотя он не новый — это «Казанская», всегда отмечавшаяся православным народом) действительно стал поводом глумливо намекнуть на замену и упразднение «главного советского праздника». А вместе с ним — на замену одной части расколотого сознания — «красного» патриотизма — другой его частью: антисоветизмом. Между тем нет никакой связи между антисоветизмом и победой над Смутой. Совсем наоборот — **отрицание целого периода истории и есть признак Смуты.**

«Красный» патриотизм же — сложное явление. И если рассматривать 7 ноября как символ всего советского строя, вместе с победами и прорывами космического масштаба, — то, конечно же, 4 ноября его никак не исключает, а, напротив, включает в себя. Ведь 4 ноября, прежде всего, — праздник восстановления национального суверенитета. Значит, когда мы были суверенны и сильны духом, мы ходили под «Казанской». Даже если при этом проводили парады и демонстрации в честь 7 ноября.

Попытки вырвать из нашей истории те или иные периоды как скверные, проклятые — похожи на поведение психопатической личности. Психопат не может ужиться со своим внутренним опытом, отказывается от травмы, полученной в детстве, либо от ошибок юности, либо от недавнего прошлого, которое «вытесняется». Вместе с травмами он выбрасывает, выталкивает целые эпохи собственного «я» с их нереализованным счастьем.

По Достоевскому, прекрасные, святые воспоминания спасительны для человеческой души, ткнут ткань личности. Подлинно свободная личность не может строить свою жизнь на отказе от предшествующих ступеней развития себя и своего рода. Строки истории не смываются и не вымарываются даже и тогда, когда речь идёт о страшных трагедиях, в том числе потому, что и о беде надо помнить,

знать её в лицо. Но в нашей истории есть такие течения самоотрицания, которые рано или поздно оформлялись не просто в общественные движения нигилистов, а в целые «исторические антимирры», угрожавшие самому существованию России. Эпохи, когда это происходило, мы и называем «Смутными временами».

О них нужно знать по возможности всё и помнить всегда.

«МАЛЫЙ НАРОД» И ЕГО ЦАРЬКИ

Разгадка раны «раскола» среди патриотов, которую берегут наши противники, не в том, что «красное» в 1991–1993 годах поменяли на «белое». Разгадка в том, что третья Смута, начатая при Горбачёве, еще не исчерпала себя. Она продолжает вспыхивать в финансово-экономических дебатах, в межклановых дрызгах, во взаимных наскоках электронных медиа.

Поскольку власть свой окончательный выбор в пользу тысячелетней России и национального большинства так и не сделала, Смута тлеет внутри режима и грозит масштабным саботажем, который может вылиться в подрывные акции, бунты и грабежи.

Дежурные критики власти увидели новые шансы на возрождение Смуты 90-х в белоленточном протесте. Главная проблема «новой оппозиции» — неспособность найти зацепки, которыми она могла бы вовлечь в своё русло патриотов-государственников, разуверившихся в возможности смены либерального курса. Заход с двух флангов: леворадикального и этнонационалистического — даёт слабый результат. Оппозиция, по существу, воспринимается как подготовка нового витка гайдари-чубайсовского разложения страны. Во что бы ни рядились оппозиционеры, в левое или в национальное, — анархический нигилизм и русофобский душок показываются наружу.

Те же самые критики власти — и одновременно Церкви — увидели новую манифестацию Смуты и в «деконструкционистской» контркультуре, с её непристойной антиэстетикой, демонстративно оскорбительной антиэтикой, выбором для акций символических мест исторических трагедий (размыванием памяти). Кумиры деконструкционистов — Малевич, предлагавший похоронить все памятники национальной культуры; американский акционист Хегарти, «отказавшийся от данного Богом пола»; египетская феминистка Асма Махфуз, подстрекавшая мусульман к самосожжению.

Есть ли всему этому определение? Огюстен Кашен определял «людей, которым отвратительны все корни на-

ции — вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к обычаям своей провинции, своего сословия, гильдии», как **малый народ** среди большого народа, или как **антинарод**. Лев Гумилёв использовал термин «**антисистема**», который в нашем случае можно определить как особую нигилистическую субкультуру, отрицающую реальный народ, реальную традицию во имя абстрактных целей. Антисистемы хотят начать историю сызнова, с нуля, презирая всё, что было до них.

Во все три Смутных времени на Руси мы видим, как разворачивались на пространствах нашей родины, увлекая в свои ряды множество наивных последователей, антисистемные армии. Их действие было похоже на действие паразита, который медленно «переваривает» хозяина изнутри.

Последнее Смутное время, начавшись в 80-е годы с горбачёвско-яковлевской «оттепели», сразу же дало антисистеме богатую пищу. В эпоху шизогонии власти, в разгар Смуты, при Ельцине, антисистема расцвела. Реализовалась давняя мечта всех самозванцев и русофобов — им удалось институционализировать Смуту, превратить её в псевдосударство «малого народа», паразитирующее на большом народе и старом, советском наследии. Однако цикл жизни Смутного времени ограничен — и поэтому столь болезненно реагируют они на путинскую политическую модель 2012 года, в которой появляется всё больше признаков конца их, казалось бы, уже одолевшей страну антисистемы.

Недавние выборы в Координационный совет оппозиции, несмотря на интенсивную агитацию за создание «бездерного» руководящего органа, завершаются избранием «среди себя» самой узнаваемой фигуры, то есть очередного некоронованного «царя малого народа». Ни левым, ни правым внутри «большого народа» не близок рецепт излечения российских корпораций путём насыщения их советов директоров иностранцами. А иных инициатив, кроме вполне перестроечного «сбрасывания балласта Кавказа», этот «царь» не предлагает. Что поделаться: **каков народец, таков и его царь**. Прошли лучшие времена антисистемы, когда кумир масс Борис Николаевич в образе

ВАЖНАЯ ЗАДАЧА ДЛЯ ИЗБОРСКОГО КЛУБА

Перед Изборским клубом объективно стоит сложнейшая задача сшивания разорванных частей народа. Для этого, как видится нам, нужно сделать следующее:

1. Аналитически глубоко описать механизмы русских Смут с учётом как внутренних кризисных процессов, так и активности внешних сил.
2. Сформулировать критерии для распознавания агентов Смут во всех их разновидностях.
3. Предложить ключевые принципы политики предотвращения Смут.
4. Написать эскиз национального «пантеона», в который должны войти исторические фигуры, образцы патриотизма и жертвенности, приемлемые для большинства патриотов-государственников.
5. Разработать проект «постановления о смыслах», излагающий идейные основы примирения государственных разных оттенков и направлений.
6. Продумать акт национального единения, в центре которого мог бы быть значимый символ. Пример такого символа, о чём неоднократно говорил А.А. Проханов, — предложение А.В. Недоступа о создании скульптурной группы, представляющей собой двух участников братоубийственной войны (красного и белого), преклонивших колени перед примиряющей их матерью.

Только договорившись между собой, государственники разных оттенков станут мощной политической силой. Чтобы пойти на примирение, надо научиться слушать друг друга и видеть перед собой высокую цель, более высокую, чем «приватизированные истины». Иначе не достичь истинной — объективной — соборности.

Этот путь — единственный. Именно таким путём выживают и восстанавливаются после потрясений великие цивилизации. А если они хранят свою мудрость — то могут и превентивно пресекать Смуты. Как это произошло в Китае, где коллективный разум высшего партаппарата

На большой высоте метафизической России раскол на «красных» и «белых» оказывается фикцией. Одну из важнейших своих задач Изборский клуб видит в том, чтобы дать формулу преодоления идеологических распрей между патриотами. Только примирившись между собой, государственники разных оттенков станут мощной политической силой.

«гонимого» политика очаровывал огромные аудитории интеллигенции, рабочих, служащих.

Гламурно-богемные «лидеры» с лицами отщепенцев неубедительны ни для кого, кроме совсем зелёной и беспочвенной молодёжи и паразитических прослоек мегаполисов. Хотя некоторые считают, что это ещё не агония антисистемы, что даже такие неубедительные раки могут стать на безрыбье хищной политической рыбой и в случае обвала перехватить падающую власть.

позволил избавиться от своего Горбачёва — Чжао Цзыяна и этим спас нацию.

ТИПАЖИ СМУТЫ

Обратной стороной такого примирения, так же как и построения галереи героев, должно быть и символическое размежевание с антигероями Смутных времен — предателями своего народа и их внешними покровителями.

Эти образы должны быть узнаваемы, их дух должен быть внятен не только историкам, но и всем пытливым русским людям. Эти персонажи должны быть отделены от тех идеологов, которые они вбрасывали в народ с манипулятивными целями, от тех лозунгов и фраз, которыми они стравливали русских людей.

Имеет смысл остановиться на нескольких типажах этих антигероев.

1. Внешние заказчики

В первую Смуту XVII века их роль выполняли орден иезуитов и ряд институтов Ватикана, рассчитывавших на обращение русских в католицизм. Речь Посполитая стала инструментом этих планов, а после выхода Швеции из-под её контроля обе стороны стремились посадить на московский престол своих ставленников.

Во вторую Смуту начала XX века крупные банковские семейства Запада вступали в антироссийские союзы сначала с Японией, затем с Британией и «странами оси», отчасти финансируя военные расходы, а параллельно — радикальную российскую «пятую колонну». В центре этой интриги с 1905 г. до самой Гражданской войны находился крупный финансист Якоб Шифф, которому принадлежит афоризм: «Россия — враг всего человечества». Итогом так называемой «первой революции» стала реформа 17 октября, бунт был постепенно погашен. И тогда в 1912 году усилиями Круглого стола и того же семейства Шиффов–Левов–Варбургов создаётся более масштабный революционный фонд в офисе American International Corporation (Бродвей, 120). Интересы этого фонда были напрямую связаны и с интересами Дж.П. Моргана, главного выгодоприобретателя Первой мировой войны, заработавшего

миллиарды на военных поставках в Российскую империю. Таким образом, банковские кланы Бродвея, 120, одной рукой доили царский бюджет, развивая на эти средства американскую промышленность, а другой рукой финансировали ниспровергателей царского режима (кадетов, эсеров, большевиков — партийность для них не играла большой роли, хотя более охотно спонсировали левых).

Были в революции, конечно, и «английские деньги» (в частности, привезённые в январе 1917-го лордом Мильнером), и финансы Германии и Австро-Венгрии. Но основным инвестором разрушения оставался интернациональный банкирский круг, мир которого был очень тесен. Поэтому неудивительно, что Керенский прекратил расследование по поводу «немецких денег» Ленина: ведь ниточки вели туда же, откуда финансировали и Февральскую революцию.

В третью Смуту мы видим ещё более сложную и изощрённую сеть заказчиков-выгодоприобретателей, в центре которой вновь стояли спецслужбы США и Великобритании. События этих 25 лет Смуты ещё ждут своих дотошных

историков. В сеть заказчиков органично входили отдельные магнаты, как, например, Джордж Сорос, сначала поддерживавший диссидентов, а затем приручавший через свои спецфонды неприкаянных учёных.

Громадные капиталы, уведённые из постсоветского пространства на Запад, возвращались малой толикой для поддержки антисистемных структур — под лозунгами насаждения толерантности и демократичности. Изгнание ключевых грантодающих структур этого рода из России началось только в 2012 году.

2. Кураторы (представители заказчика)

Важнейшие миссии на территории страны-жертвы осуществляются под непосредственным руководством представителей заказчика, иностранных консультантов, экспертов и т. п. Такие представители были приставлены к самозванцам первой Смуты. В их число входили польские советники, «переходящая жена» Лжедмитриев Марина Мнишек, державшая «революционную кассу», гетманы, реально распоряжавшиеся военными ресурса-

ми. Изменников-бояр обольщали посулами — землями, конфискованными у проигравшей стороны.

Во вторую Смуту кураторы активно осуществляли «скупку элит», как напрямую (например, через русские отделения National City Bank), так и конспиративно (через американскую миссию Красного Креста во главе с золотопромышленником Уильямом Б. Томпсоном). Важную роль кураторов при организации февральского переворота играли английский и французский послы и представители разведки «союзников» по Антанте.

В третью Смуту, которую часто считают **второй, и более удачной, попыткой Февральской революции**, система скупки элит была поставлена уже на индустриальную основу. Е. Гайдар назвал этот процесс «обменом номенклатурной власти на собственность». Де-факто кураторы реализовали беспрецедентный сценарий, при котором старая номенклатура в своём большинстве не становилась «бывшими людьми», а пересела на новых криминально-капиталистических коньков, предав своё советское прошлое. Предательство оплачивалось уже не только из нью-йоркских банков, но и за счёт средств, украденных в самой России. В 90-е годы XX века «реформы» осуществлялись под бдительным оком таких кураторов-консультантов, как Джеффри Сакс, который напрямую вмешивался в политические расклады и гипнотизировал обитателей Кремля, или как «гарвардские мальчишки» А. Шлейфер и Дж. Хэй, помогавшие Чубайсу в приватизации и при этом сами наживавшиеся на ней.

3. Продюсеры-организаторы

Важную партитуру второй Смуты разыграла зловещая семья Свердловых — три брата, каждый из которых взял на себя свою часть миссии. Яков Свердлов стал ключевой фигурой — «смотрящим» от лица заказчиков прямо в большевистском

свой банк на Бродвее, 120, контролируя ключевые звенья финансирования большевиков. В январе 1918 года он возвращается в Россию и становится наркомом путей сообщения.

В третью Смуту роль ключевого продюсера перемен играл прибывший из «канадского холода» А. Яковлев, приложивший руку и к конфликту в Закавказье, и к расколу КПСС, и к медиадуэлям правоверных большевиков с радикальными либералами. Другие продюсеры вышли из шинели фон Хайека (как П. Авен) или Поля Вейриха (как Г. Бурбулис). Нанесённый так называемыми «реформаторами» ущерб России, её экономическому и демографическому потенциалу вполне сопоставим с потерями и жертвами, понесёнными в первых Смутах, а в чём-то значительно превосходит их.

4. Идеологи

За рубежом накануне Смут всегда формировалась целая пропагандистская мифология о России как государственно-монстре и народе-чудовище. Эту пропаганду про «московитов» развивали и поляки в XVI веке, и заказчики второй Смуты, и целый аппарат «советологов», изучавших СССР и вырабатывавших рекомендации по демонтажу «империи зла». В 1910-х гг. ключевым стратегом-экспертом был полковник Э.М. Хаус, советник президента Вильсона, который как будто «реинкарнировался» спустя 70 лет в З. Бжезинском.

Однако Смута была бы невозможна, если бы её идеология не находила опоры внутри страны. В первую Смуту группа противников Годунова стала естественной почвой для слухов и легенд о спасённом царевиче. Тогда этой спички было достаточно, чтобы воспламенить страну. Во вторую Смуту средой идеологической подготовки стали левые и либеральные партии, каждая из которых готовила

Смутное время — простор для мошенников и авантюристов, готовых предложить свои услуги и свой интеллект как заказчикам (если к ним есть доступ), так и самозванцам. Во вторую Смуту мы видим целую плеяду подобных политических гешефтмахеров. Самый яркий персонаж — Александр Парвус. Борис Березовский спустя 80 лет стал его бледной тенью.

Кремле (по новейшим данным историков, до 1917 года он не состоял в РСДРП, его как будто неожиданно «назначили» извне, и он сделал молниеносную карьеру, в кратчайшие сроки поднявшись на уровень конкурента самого Ленина). Он был, как известно, главным инициатором «красного террора» и расказачивания, а также организатором убийства царской семьи (и для отвода глаз — руководителем «комиссии» по расследованию факта цареубийства). Свою комиссию по этому вопросу создали и белые в армии Колчака, причём куратором этого дела выступал старший брат Якова Зиновий Пешков (Свердлов), будущий французский генерал. Наконец, Вениамин Свердлов ещё в 1912 году уехал в США и основал под покровительством Шиффа

свой вариант революции. В третью Смуту на первом плане были диссиденты, из которых на острие событий оказался А. Сахаров. Однако были и идеологи не политического, а поначалу рафинированно-интеллектуального свойства. Например, рыночники, выпестованные в знаменитом учреждении ВНИИСИ — Гайдар, Авен, Березовский, Дубов. Или создатели «теории административных рынков» — от Найшуля, обосновавшего тотальную приватизацию и придумавшего ваучер, до технологов передела собственности, где были свои централисты (Чубайс, Кох) и регионалисты (Каганский, Кордонский).

Идеи этих теоретиков в ключевой момент Смуты — в начале 90-х годов — захватили монополию над ума-

ми ельцинской верхушки, несмотря на то, что в стране работали масштабные экономические умы, знавшие и китайский опыт, и творчески переосмысливавшие опыт советский. В итоге вместо предпринимательского класса Россия получила компанию из привилегированных экс-комсомольцев и амнистированных расхитителей. Изучать и описывать чудовищную экономику Смуты предстоит следующим поколениям.

5. Проектировщики-аферисты

Смутное время — простор для мошенников и авантюристов, готовых предложить свои услуги и свой интеллект как заказчикам (если к ним есть доступ), так и самозванцам. Во вторую Смуту мы видим целую плеяду подобных политических гешефтмахеров. Самый яркий персонаж — А. Парвус, уникальный своим участием в геополитической деструкции одновременно России, Германии и Турции (при том что он получал средства на свою революционную деятельность от Берлина и Стамбула). Парвус адресовал германскому МИДу знаменитый «План русской революции» (1915), из которого можно процитировать несколько строк:

«Стачки то здесь, то там, голодные бунты, нарастающая политическая агитация — всё это введёт в заблуждение царское правительство. Если оно прибегнет к репрессиям, это вызовет растущее негодование, если оно будет проявлять терпимость, то это будет воспринято как признак слабости, что приведёт к возрастанию революционного движения. <...> Если тем временем русская армия потерпит

В стране со свергнутым монархом самозванец — это ставленник «антисистемы», которого она двигает на место власти. И он тоже обязательно харизматичен. Во вторую Смуту это лидеры Временного правительства, затем вожди партий и армий в Гражданской войне. В 90-е годы такой фигурой стал Ельцин, плод консенсуса внешних сил с внутренними компрадорами. Ельцин был виртуозным самозванцем, сумевшим оседлать чаяния значительной массы народа в 1989–1990 гг. и чрезвычайно ловко маневрировавшим все бурные 90-е годы, осаживая других претендентов на самозванческий трон (Руцкого, Хасбулатова, Лебедея).

7. Окружение самозванцев — олигархат

В первую Смуту после свержения Василия Шуйского в Москве утвердилась семибоярщина, которая какое-то время колебалась между самозванцем и идеей приглашения на царство иностранного монарха и затем склонилась ко второму решению. Ярким образчиком ренегатского боярства стал М.Г. Салтыков (по прозвищу Кривой) — уникальная фигура по своей способности к смене хозяев и чутью на новых лидеров Смуты. Он умудрился вовремя предать и Годунова, и обоих Лжедмитриев, убедил главу семибоярщины Мстиславского сделать ставку на королевича Владислава, издевался над святым патриархом Гермогеном, когда тот отказался поддерживать замыслы бояр-изменников. Во время польской оккупации Москвы Салтыков стал правой рукой гетманов Жолкевского и Гонсевского, подстрекая их избить всё способное к со-

Сегодня нам необходим взгляд с высоты птичьего полёта или с дистанции нового поколения, для которого «красные» и «белые» ипостаси разделённых смыслов стали уже легендарными. Силы старших слишком часто тратятся на ожесточённые споры, унаследовавшие родовую память невольных участников братоубийства. Раны Гражданской войны, душевную боль исполнителей и жертв последующих чисток и террора продолжают намеренно тревожить телеведущие с улыбками вивисекторов.

крупное поражение, то движение против режима может принять небывалые размеры».

Борис Березовский стал спустя 80 лет бледной тенью Парвуса, но рассчитывал на сопоставимую прибыль от расчленения страны, о котором также писал прямым текстом. И точно так же, успев насладиться влиянием, дирижируя политическими процессами, оказался в итоге не у дел.

6. Самозванцы-харизматики

Ключевая и в то же время инструментальная фигура Смуты — самозванец. В монархической по духу стране самозванец мог апеллировать лишь к легенде о «спасённом царевиче». Надо сказать, что тогда на эти роли выдвигались фигуры чрезвычайно харизматичные, с неуёмной энергией и даром убеждения.

противлению московское население. В итоге он скрылся со своей семьёй в Польше.

Во вторую Смуту аналогичную семибоярщине роль сыграло Временное правительство, которое также было нацелено на расчленение России (чего А. Керенский не скрывал и в эмиграции). Большинство министров и функционеров Временного правительства, как и членов исполкома Петровета, принадлежали к масонской ложе «Великий Восток Народов России» (ее генсеком был Керенский). Для них принципиально важным было выполнять поручения своих зарубежных братьев («война до победного конца»), а также добиться образования на месте империи целого ряда разрозненных государств. Частично эта их миссия была исполнена (в отношении Польши и Финляндии), тогда как стоящие следующими по масонскому списку

в очереди на суверенитет Украина и Закавказье остались ждать «до следующего раза» — то есть до следующей Смуты.

В третью Смуту с лёгкой руки журналистов подобное же олигархическое правительство прозвали «семибанкирщиной». Впервые в истории Смута центр, заказывающий саму Смуту, начал смещаться из-за рубежа внутрь России — фактически сформировался внутренний штаб по ликвидации «предприятия Россия». Семибанкирщина стала возможной после операции с «залогами аукционами», которая породила группу миллиардеров, способных финансировать решение любых политических задач. Власть этой группы в третью Смуту была очень продолжительной.

Важное отличие третьей Смуты от второй состояло в том, что в ней уже на первом этапе, к 1991–1992 годам, произошло освобождение России от «геополитического балласта» союзников и окраин. Такое стало возможным благодаря конфедеративному устройству страны, навязанному большевикам агентами левого масонства и Коминтерном. Мины будущих Смут закладываются задолго до их применения.

«КРАСНАЯ» И «БЕЛАЯ» ТРАДИЦИИ РОССИИ

Сегодня нам необходим взгляд с высоты птичьего полёта или с дистанции нового поколения, для которого «красные» и «белые» ипостаси разделённых смыслов стали уже легендарными. Силы старших слишком часто тратятся на ожесточённые споры, унаследовавшие родовую память невольных участников братоубийства. Раны Гражданской войны, душевную боль исполнителей и жертв последующих чисток и террора продолжают намеренно тревожить телеведущие с улыбками вивисекторов.

Если старшим не под силу справиться с застарелым гневом, это под силу по-настоящему любящим их детям: пусть они станут третейскими судьями, которые объявят спор честных государственников устаревшим. Уже Сталин гениально предвосхитил тот синтез, который сполна может быть осуществлён только в XXI веке. Этот синтез состоит в том, чтобы обновить и очистить «белую» державную традицию, а с другой стороны — исправить и окрестить «красную» державную традицию, приблизить её к историческим истокам своей страны.

Одна и та же сила, транснациональная группа воротил, дважды за сто лет разрушила нашу державу, используя для этого и «красных», и «белых», и энергию держав —

конкурентов России. Но сама эта сила без цвета и не различает цвета. Для неё партийные споры не имеют значения, главное, чтобы «просвещённые» люди и «патриоты» своих идей воевали и дрались друг с другом и по итогам войн приводили к ней на заклание тучного быка.

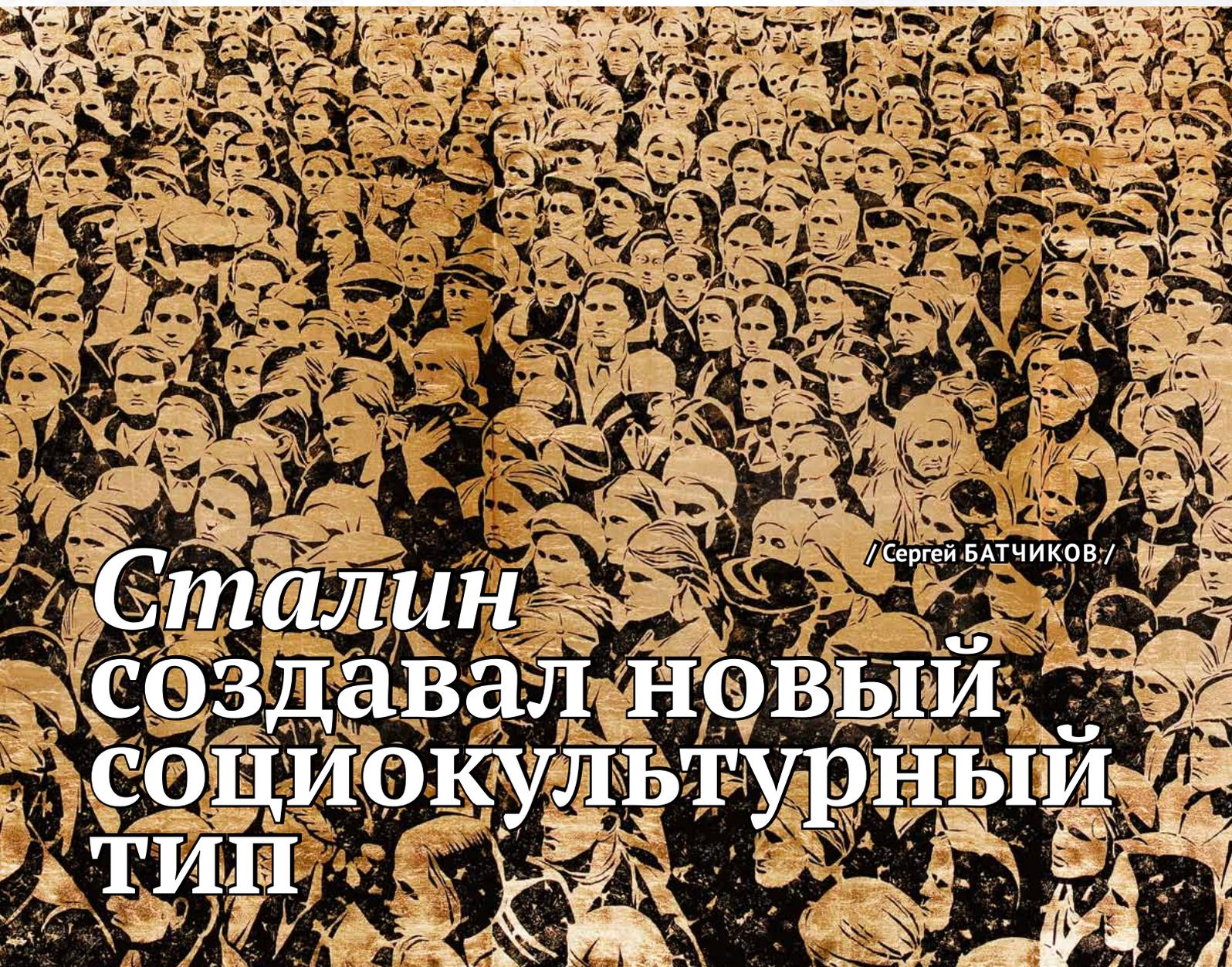
Витии «белой» Смуты (масоны-«февралисты» и их наследники — «демократы» 90-х годов) несли в массы либеральный космополитизм, трибуны «красной» Смуты — радикальный интернационализм. Россия же понималась ими как топливо, предназначенное в топку глобализации. Хотя и заворачивали они это своё представление в разные словеса.

Два крыла антисистемы пересекались и перекрещивались, иногда играя в две руки, как напёрсточник. Русский народ, несмотря ни на что, изживал Смуту, огромными жертвами преодолевая её последствия, растворяя её яд. Он делал своё дело — на месте «красной» Смуты строил свою традицию, традицию народной справедливости, труда и созидания, окрашенную в кумачовый цвет. И на месте «белой» Смуты мы, изживая её, вновь построим «белую» традицию — не «февральскую», не «бело-

гвардейскую», не «перестроечную», а традицию «белого царства», наших великих государей, собирателей земель, создавших империю и выпестовавших самый жизнестойкий народ на земле. Для нас обе традиции — «красная» и «белая» — наше достояние. И Смуты — как бы они сами ни перекрашивались — к этим традициям не причастны, они им по существу противоположны. Они отличаются от выстраданной народом традиции так же, как болезнь отличается от выздоровления. Вирусы старых Смут дремлют в истории, действуют как якобы-«красное» общество политкаторжан, а затем якобы-«белое» общество «Мемориал» и иже с ними — цепь ненависти тянется в будущее и не прекращается, одна ненависть порождает другую.

«Красным» и «белым» государственникам предстоит побрататься над Смутой, сварить два исторических конструкта в прочный нераздельный каркас. И не маскировать при этом сварные швы. В 1612 году земцы и казаки простили друг другу взаимные жертвы. Простить брату брата завещал и государь Николай II.

И сейчас, как в те Смутные времена, противоречия полезны только общему врагу — внешнему и внутреннему. 400-летие освобождения Москвы Вторым ополчением, действовавшим «вместе заодно», — достойный совет, который дают нам наши предки, достойный повод, чтобы сказать: это наша общая земля, это наша Правда.

/Сергей БАТЧИКОВ./

Сталин создавал новый социокультурный тип

Иллюстрация: Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ

Пятого марта исполнилось 60 лет со дня смерти Сталина, выдающегося руководителя, работавшего на великое будущее государства и сумевшего раздвинуть на пути созидания пределы возможного. «Сталин вернётся» — это метафизическое ощущение сегодня буквально разлито в воздухе, прежде всего, как желание преобразования страны и нового русского чуда. Чем очевидней

беспомощность нынешней власти, тем сильнее интерес людей к великому прошлому.

В 1988 г., в разгар горбачёвской перестройки, социологические опросы показывали, что менее одного процента опрошенных полагало, что через 20–30 лет о Сталине будут вспоминать как о крупной фигуре советской эпохи. Спустя двадцать лет, в 2008 г., когда по инициативе телеканала «Россия» был осуществлен проект «Имя

Россия. Исторический выбор 2008», оказалось, что Сталин почти сразу же вышел в лидеры народного голосования и оставался на первом месте до тех пор, пока организаторы не подкорректировали результаты.

Почему миллионы людей, в том числе молодых и, казалось бы, неплохо устроившихся в новой России, проголосовали в ходе интернет-референдума за Сталина? Почему одновременно никак

не иссякнет поток желающих «нанести горы мусора на его могилу»? **Призрак Сталина** сегодня незримо присутствует среди нас. Одни его зовут, другие проклинают, третьи трясутся от страха. К нему обращаются, чтобы определиться в нынешнем хаосе. Сталин стал активным участником противостояния и важным измерением в жизни большинства населения России, центром одной из систем координат.

Это нельзя объяснить ни групповыми интересами дня сегодняшнего, ни расхождением оценок конкретных решений Сталина 30–40-х годов прошлого века. Дело — **в метафизике Сталина**, в общих установках в отношении бытия нашего народа на всемирном уровне.

Время и потрясения последних десятилетий стряхнули с этих установок и шелуху конъюнктурных мелочей, и горечь трагических столкновений на перекрёстках исторических выборов. Осталась метафизика — «разговор с Богом» о том, куда мы шли со Сталиным во главе, как намеревались жить в своей «отдельно взятой стране», с человечеством, с потомками, в чём ошиблись и что сохранили. Именно этот разговор и разделил нас. Перестройка вскрыла наши уже зажившие раны, сломала наши кости, уже было срошенные. Стои миллионов живых людей и вызвал Призрак Сталина из могилы. А ветер истории развеял с неё горы мусора, нанесённые сванидзе и познерами, которые подрядились замазать тот главный исторический выбор, который «создал» Сталина и сплотил тех, кто этот выбор прочувствовал. Он заключается в том, что в пределе, в последней точке бифуркации всё равно окажется, что есть два вектора — или к Сталину, или к Гитлеру. Личности, гимны и знамёна могут меняться, но суть выбора та же. Это видно на любом примере. Чехи хотели свободы от радаров советской ПВО? Получайте в свои садики американские ракеты. Уморили Милошевича — получайте косовских наркоторговцев в колледжи своих детей. Отказались мы,

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Сергей БАТЧИКОВ, экономист, предприниматель, действительный член Международной академии корпоративного управления.

пусть и пассивно, сохранить Советский Союз (пошли по пути к Гитлеру) — и вместо улыбки Гагарина над Россией взойшла ухмылка Абрамовича. Не терпелось пересест на иномарки — остались без тракторов. Обрадовались возможности не тянуть лямку на заводе и дома — перестали рождаться дети.

Во время Смут, вроде той, что мы переживаем сейчас в России, все мы начинаем задаваться вопросом: чем определяется жизнеспособность страны и народа? Почему вдруг гибнут цветущие культуры, распадаются государства, великие империи с грозной армией оказываются бессильны перед ордами варваров? Буквально на глазах одного поколения у нас произошло крушение России в форме двух великих мировых импе-

Сказать, как марксисты, что братья убивали друг друга «из-за несоответствия производственных отношений производительным силам», — насмешка над здравым смыслом. Верить, что русских людей соблазнила дюжина жидомасонов, ещё глупее. Сказать, как какой-нибудь Сванидзе, что крестьяне и рабочие позавидовали хозяевам — достойно мышления крысы.

рий — сначала как Российской империи в 1917 году, а затем как Советского Союза всего через 70 лет.

Привычные объяснения и марксизма, и либерализма абсолютно несостоятельны. За что брат стрелял в брата, а отец в сына в Гражданскую войну? Сказать, как марксисты, что братья убивали друг друга «из-за несоответствия производственных отношений производительным силам», — насмешка над здравым смыслом. Верить, что русских людей соблазнила дюжина жидомасонов, ещё глупее. Сказать, как какой-нибудь Сванидзе, что крестьяне и рабочие позавидовали хозяевам — достойно мышления крысы. Тем не менее подобного рода объяснения российская интеллигенция пережёвывает вот уже тридцать лет.

Иной взгляд дает постмодернист и антисталинист Жижек Славой, который пишет, что «сталинизм начался как народный взрыв, направленный на эмансипацию и равенство».

Именно к этому взрыву и Сталину как символу этого взрыва и ненависть. Почему же покатило из этого пламени «красное колесо»? Врождённый садизм «пролетариев», антигуманность большевизма как идеологии, маниакальная мания величия вождей — всё это пошлые штампы «знатоков». Первая

причина в том, что вообще довели дело до взрыва — перегрели общество.

Вторая причина — сложность и быстрое развитие России как цивилизации. Она стала ареной столкновения нескольких метафизических проектов, нескольких представлений о Граде Божьем. Жижек пишет о народном взрыве, но на самом деле произошла серия взрывов.

Буржуазно-либеральный взрыв Февраля — это аналог Великой французской революции в России. Разница в том, что во Франции эта революция смогла огнём и мечом обескровить крестьянскую «Вандею», а в России нашла коса на камень. Во Франции революция выбросила свой взрыв вовне, и её красное колесо прокатилось по Европе, Египту, Малой Азии и докатилось до Москвы, где и завязло. А у нас взрывы пошли друг на друга, и с ними по стране прошли и махновщина, и всяческие «самостийники».

В каждом из этих взрывов была духовная страсть. Все их Сергей Есенин представлял как *цветы* народной души: «*Цветы сражались друг с другом, / И красный цвет был всех бойчей*». Конечно, сейчас не до Есенина, в России рулят его антиподы. Но подумаем, неужели «русские мальчики» из хороших семей шли в белую гвардию убивать и умирать за то, чтобы сопливые отпрыски «черкизонов»

устраивали позорные оргии на швейцарских автострадах? Ведь это подлое царство мамоны, которое устроили в России, оскорбляет память белых едва ли не сильнее, чем красных.

Да, «красные» без Сталина шаг за шагом утратили «упругую мощность» и потерпели поражение в незнакомой войне. А те, кто правит бал в России сегодня и ведёт свою родословную от Соньки Золотой ручки, тшчатся представить себя потомками белой гвардии — и от такого позора шевелятся в могилах белые кости.

Вот и получается, что «или Сталин — или Гитлер с глобальной Сонькой Золотой ручкой». Думается, если бы мы могли видеть потустороннее, увидели бы великий поход теней белых ветеранов, переходящих после нынешней «реформы» в Красную армию.

Маховик русской революции, энергия которого достигла кульминации в 30–40-е годы, раскручивался долго. Ленин сказал, что зеркало этого зреющего взрыва — Лев Толстой. Но у Толстого он разглядел лишь один источник этой энергии — социальную организацию, которая генерировала особый культурный тип. Это были русский общинный крестьянин и его брат-рабочий, вчерашний крестьянин. Взрывной потенциал общины понимал и Столыпин, который пытался (но уже слишком поздно) эту энергию погасить.

Ленин сделал упор на новую социальную организацию — союз рабочих и крестьян под руководством «партии нового типа». Эта доктрина позволила разрешить тяжелейшие проблемы — и захвата власти, и во-

енного коммунизма, и НЭПа. И всё же в ней Ленин упустил ту сторону, которую Толстой скрыл за недомолвками «непротивления злу насилием». Источником силы, который и оживлял потенциал социальной организации, была нарастающая духовная страсть рабочих и крестьян, а точнее, всего народа.

Она уже была предьявлена и в странном движении землепроходцев и казаков, в Разине и Пугачёве, в монахах и сектантах, бродягах и анархистах, в Пушкине и Менделееве. Это был разгон огромного духовного реактора, который в начале XX века втянул в резонанс всю страну. Хорошего объяснения этому явлению мы пока не имеем, а целая армия кропателей сегодня пытается отвлечь от него внимание молодёжи.

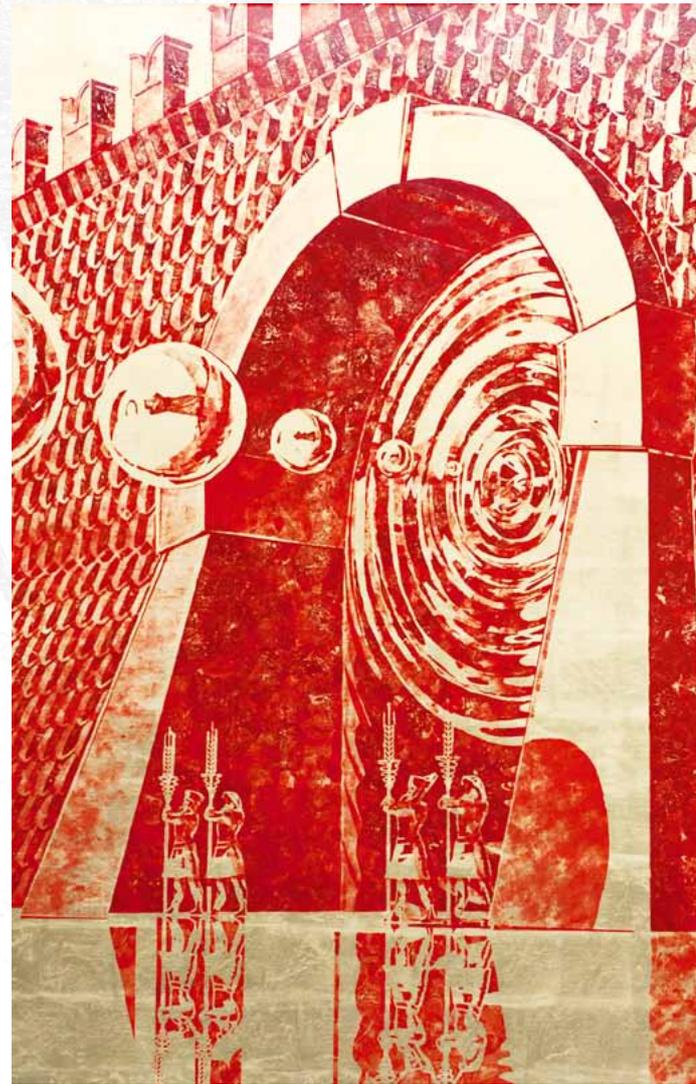
Этот резонанс хотели тогда разрушить и монархисты, и либералы, и ортодоксальные марксисты, и черносотенцы, но все они оказались сами втянуты в этот водоворот, силу которого можно прочувствовать, перечитав русскую поэзию Серебряного века.

Взрыв духовной энергии — это соединение идеалов и интересов, «неба и земли». Совмещение иррациональной природы человека и его потребности в свободе с рациональной социальной организацией — сложное дело, здесь и возникают братоубийственные конфликты. Маховик революции раскрутили не большевики, но на них как на победителей легла обязанность усмирить революцию, а это труднее, чем её начать. Есенин писал: *«Хлестнула дерзко за предел/Нас отравившая свобода»*. Значит, *«страну в бушующем разливе/должны заковывать в бетон»*.

Как же соединить несоединимое? Идти с проповедью любви и ожидать морального самосовершенствования? Люди отвергали эти проповеди, они могли поверить только Общему делу вселенского масштаба. Царство справедливости на земле — вот уровень запросов. И Сталин заслужил невероятную по своей силе любовь тех миллионов потому, что нащупал формулу совмещения «земли и неба». Он выстраивал такой образ будущего, который начал спланировать основную массу народа, и перевёл стрелку с пути революции на созидание без потери импульса.

Ленин обладал необычайной способностью рационализировать идеальное. В его логике образ будущего царства социальной справедливости поддавался расчёту. Это позволяло держать идущий вразнос социальный реактор под относительным контролем. Но после 1922 г. советское государство стало арендой нарастающего конфликта течений большевизма с очень разными идеальными целями, из которых вырастали принципиально разные доктрины. «Перманентная революция» с выходом на глобальный уровень — это одно, а «строительство социализма в одной стране» — совсем другое.

Тут еще много непонятного, но ясно, что Сталин мыслил в иной логике, нежели Ленин или Троцкий. Разбуженную энергию миллионов было нельзя канализировать в торговлю бараниной и мастерскую «кустаря без мотора». Даже масштаба ГОЭЛРО было недостаточно. Требовалось «общее дело» — индустриализация России, массовый научный прорыв и Великая Победа, изменив-

шая мир. То есть общее дело космического размера, как это и предсказывали русские космисты. Такая энергия требовала не эволюционных приращений, а скачкообразного перехода на новый уровень. Только так могли соединиться свобода и справедливость, без этого взрыв энергии разнёс бы страну. Сейчас мы этого не чувствуем, а тогда это было очевидно.

Сталину удалось направить разбуженную энергию миллионов на созидание. Его можно назвать конструктором или инженером будущего, поскольку он всегда ставил далёкие цели и потом подчинял все текущие решения

масштабным стратегическим задачам. Достаточно вспомнить, как была осуществлена программа форсированного создания мощного отечественного авиастроения и авиации, ставшая предметом пристального изучения во многих странах.

Решение о развитии авиации было принято сразу после Гражданской войны, которая позволила оценить её значение как для обороны, так и в мирных целях. В 1923 г. было учреждено Общество друзей воздушного флота (ОДВФ) и акционерное общество «Добролёт» (для развития гражданской авиации). ОДВФ стало первой общественной организацией в СССР (не считая политических и профессиональных). Уже в 1924 г. состоялась торжественная передача XIII съезду партии эскадрильи «Ленин» из 19 самолётов, построенной на средства общества. Помимо сбора средств на развитие авиации на ОДВФ была возложена аги-

тация и пропаганда авиации, помощь в подготовке кадров, развитие планеризма и авиамодельного спорта, содействие промышленности и научным исследованиям. В 1923 г. начал издаваться журнал «Самолёт», тема авиации заняла заметное место в поэзии, кино, театре. Через год общество насчитывало уже миллион членов, повсеместно были организованы «авиауголки» с библиотечкой книг об авиации, плакатами, моделями самолётов, чтением лекций и показом фильмов. Самым популярным мероприятием стали агитполёты, во время которых граждане могли бесплатно полетать на самолётах. В городах прилёта самолётов ожидали многотысячные толпы. Во многих деревнях России крестьяне увидели самолёт раньше, чем паровоз или пароход. Лётчиков называли «воздушными рыцарями», авиации приписывался огромный духовный потенциал как средству преодоления ба-

рьеров между людьми. Один из первых советских лётчиков И. А. Валентей писал в книге «Стальные птицы»: «Можно предполагать, что авиация в будущем произведёт огромное влияние на духовный склад человечества и целый переворот в социальной жизни... Завоевание воздуха открывает нам новую эпоху в истории культуры. И, что самое важное, оно, скорее всего, укрепит в сознании человека значение понятий «человек» и «человечность». В 1934 г. прошло успешное 500-часовое испытание первого в СССР мощного авиамотора, и это было грандиозным событием, поскольку считалось, что СССР, наращивая авиастроение, будет покупать моторы западных фирм. Новый мотор был исключительно надёжным и обеспечил потребности полярной авиации и дальних перелётов. Сейчас, на антисоветской волне, ту кампанию представляют проявлением якобы скрытых в большевиз-

ме языческих культов, склонностью массового сознания к мифу. Критики, однако, должны признать: кампания была проведена эффективно и обращалась к высоким чувствам людей и к идеалу общего дела (в этом — отличие от мотивации, которую активизирует рыночная реклама техники). Во многом благодаря этой кампании подавляющее большинство населения СССР благожелательно восприняло самолёт и поддержало большую научно-техническую программу, не было нехватки молодых людей, желающих учиться в авиационных институтах и лётных школах.

Сталин как будто вобрал и переработал в программу множество пророчеств и апокалиптических прозрений за две тысячи лет. Конечно, при этом выбросы страсти потрясли страну, достаточно вспомнить новый всплеск братоубийства в 30-е годы и реальность ГУЛАГа. Могло ли не быть нового очага противостояния, затянувшего в мясорубку и непричастных людей? Троцкий, сам погибший в этой мясорубке, писал в своей главной книге («Преданная революция», 1936): «Достаточно известно, что каждая революция до сих пор вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала нацию полностью назад... Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции». Вот и корень тех репрессий.

Говорят, Сталин был суров и жесток. Но как отмерить предел необходимой суровости, когда неизвестна сила

Духовная страсть народа была предъявлена и в странном движении землепроходцев и казаков, в Разине и Пугачёве, в монахах и сектантах, бродягах и анархистах, в Пушкине и Менделееве. Это был разгон огромного духовного реактора, который в начале XX века втянул в резонанс всю страну. Этот резонанс хотели тогда разрушить и монархисты, и либералы, и ортодоксальные марксисты, и черносотенцы, но все они оказались сами втянуты в этот водоворот...

той коллективной иррациональности, которая бушевала в людях? Иррациональности, принимавшей самые разные формы и прорывавшейся в неожиданных точках. Ведь перескоки на другие энергетические уровни происходят и «вниз», с необъяснимой деградацией людей и коллективов. Герои Гражданской войны шли в тюрьму за растраты — ради шубы для какой-нибудь Лили Брик.

Такой деградации, особенно наглядной в годы НЭПа, мистически боялись люди, пережившие революцию. Вплоть до самоубийств. Об этом много написано в 20-е годы. Это и предопределило сдвиг к «казарменному социализму», к тоталитаризму и сплочению в подобие «отряда». Это шло снизу, из коллективной памяти большинства как единственный способ пережить грядущую катастрофу.

Тогда и произошли репрессии, после катастрофы первой волны коллективизации. Репрессии судят по меркам европейского гуманизма, который там появляется в короткие периоды благополучия. Но Сталин и весь наш народ не там и не в такое время жили. Все пребывали в страстном состоянии, это даже после войны чувствовалось. Страшно сказать, но, пожалуй, только в этом состоянии и смогли мы по-

бедить в войне и ещё долго продержаться в «холодном» противостоянии с Западом.

Иногда, наоборот, защитники Сталина пытаются рационально объяснить репрессии: мол, надо было заменить «пассионариев революции» новой образованной элитой с её вектором модернизации и развития. Старая гвардия обосновалась на вершине власти, опустилась, обюрократилась, прониклась шкурными интересами. Вот и пришлось устроить хаос «чисток», чтобы жестокими средствами освободить дорогу молодым кадрам. Кажется логичным, но не только логика двигает жизнь. Даже если результат «чисток» подтверждал эту гипотезу, причина была в другом — не мыслили тогда люди в таких категориях. Тут работала **метафизика революции**, она принималась и наверху, и внизу. Ей было нельзя не подчиниться.

Троцкий — вероятно, самый рьяный ненавистник Сталина — в своём дневнике записал 18 февраля 1935 года, что «победа Сталина была предопределена. Тот результат, который зеваки и глупцы приписывают личной силе Сталина, по крайней мере его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в динамику исторических сил».

Сталин понимал смысл событий, опирался на него

и принимал решения, сознавая свою ответственность. В этом смысле он был трагической фигурой. В конфликте несоизмеримых ценностей он действовал в интересах целого и знал, что «зеваки и глупцы» легко от него откажутся. Но он снискал любовь сотен миллионов современников, и она с годами не угасает.

Сталин — продукт разума и чувств тех миллионов, которые создавали новую социальную реальность, движимые чувством «великой скорби и любви к человечеству». Они друг друга понимали и были близки, хоть это и трудно объяснить. Некоторые историки подчёркивают, что Сталин — самый загадочный правитель России: «более-менее ясно, что было в голове у Николая II, Ленина, Брежнева, Горбачёва, Ельцина, Путина. Не так чтобы совсем, но есть работающая модель. А что у Сталина — непонятно». Но это не так, не о том речь. Метафизика Сталина была понятна тогдашнему народу СССР, хотя пересказать её было бы очень трудно.

Потому-то и голосуют за Сталина люди, знающие об ужасе репрессий. И не потому, что «подсчитали и простили». Так вопрос и не мог стоять, потому что он намного выше категорий подсчёта и прощения. Как ни странно, это

объяснил опять-таки Жижек Славой. Он сказал, что Сталин, ответственный за некоторые из наиболее ужасных преступлений XX века, «спас **человечность человека**». Философы гадают, что бы значило это абсурдное утверждение, а оно как раз очень понятно.

Дело не в «эффективном управлении», а именно в метафизике Сталина. Он сумел в такое русло направить страсть людей, что они в национальном масштабе (и даже шире) пережили катарсис. Они действительно ощутили себя творцами справедливого мира — и поднялись на новый уровень человечности. Это не просто спасти человечность, это значило осознать её как **всечеловечность**, метафизическое измерение человечности. Ведь на этом и держалась Отечественная война против *отребьев человечества*.

Нынешние антисталинисты уходят от факта, который никак не влезает в их «модель». Построенный при Сталине «казарменный социализм», со всеми его тяготами, воспринимался подавляющим большинством как исторически необходимый и потому справедливый. Не смог бы народ, измученный вопиющей несправедливостью, подавленный морально и физически, выстоять и победить

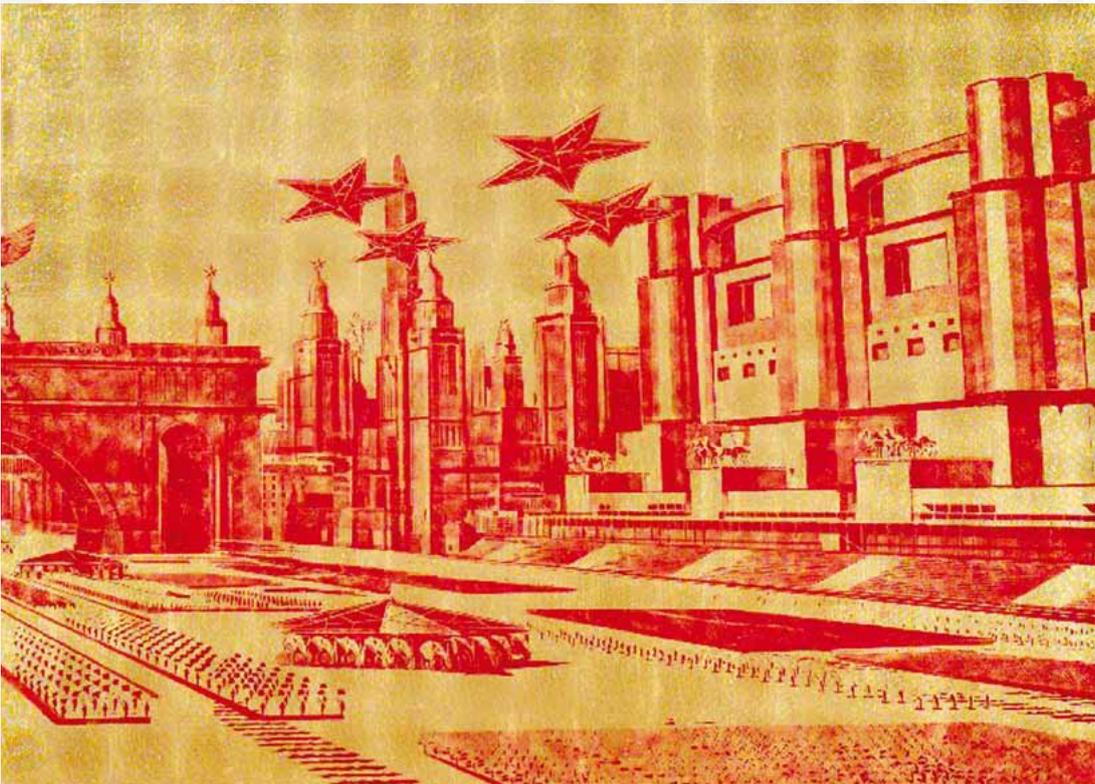
в такой войне. Ведь в этом и была ошибка всего Запада, по «рациональным показателям» считавшего СССР колоссом на глиняных ногах. Ничего не стоят эти показатели без учёта их метафизического контекста.

Сталин понял (быть может, скорее прочувствовал) то, что называется «чаяния народа». Он и стал выразителем «русской идеи», будучи на вершине власти. Только этим и можно объяснить «культ Сталина». Прочитируем академика В. И. Вернадского, написавшего в конце 1941 года о неизбежности победы СССР. Этот вывод был сделан им из сравнения с Первой мировой войной: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерством и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших военных должностей».

Народ как бы переродился — вот оценка Сталина в самый трудный момент — после репрессий и кажущегося разгрома армии.

Метафизика Сталина — сложный для исследования объект, мы к нему только-только начали приближаться. Сталин работал в условиях, когда изложение особенностей своих взглядов было затруднено или даже невозможно. Их надо было «упаковывать» в рамки понятийного аппарата марксизма. К интерпретации высказываний Сталина только-только приступают (пожалуй, даже больше на Западе, чем у нас, — там нуждаются в достоверном знании о России). Оценки, предвидения и проекты Ста-

Нынешние антисталинисты уходят от факта, который никак не влезает в их «модель». Построенный при Сталине «казарменный социализм», со всеми его тяготами, воспринимался подавляющим большинством как исторически необходимый и потому справедливый. Не смог бы народ, измученный вопиющей несправедливостью, подавленный морально и физически, выстоять и победить в такой войне. Ведь в этом и была ошибка всего Запада, по «рациональным показателям» считавшего СССР колоссом на глиняных ногах.

лина приходится прослеживать по косвенным признакам, а главное — по результатам.

Вспомним ещё раз Вернадского: «Народ как бы переродился!» Именно этот преображённый народ спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей стать индустриальной и научной державой, создать ядерный щит и покорить космос и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Это и есть результат. А как к нему шли? Как получилось, что советской власти пошли служить царские генералы и министры, которые именно в ней увидели силу для восстановления исторической России? Чем больше набирается материала о том периоде, тем чётче образ необычного явления: народ и Сталин преобразались вместе, у них и культ был совместный.

При всех исходных качествах Сталина как личности он был создан разумом, совестью и волей четырёх-пяти миллионов человек, которые воплотили в себе тот культурный тип, что создал затем СССР, провёл индустриализацию и победил в войне. Это, как пишут историки, были в основном молодые грамотные уроженцы малых городов и деревень Центральной России, которые были воспитаны в окопах Первой мировой войны, а потом и Гражданской. А можно сказать, что именно Сталин спроектировал и создал, с помощью всех материальных и духовных ресурсов государства, этот новый культурный тип.

Сборка ядра этой большой общности — сталинского «ордена меченосцев» — была новаторской и адекватной историческому вызову. В ней воплотились знание и принципы, выработанные российской историей и отшлифо-

ванные революцией. Каков был результат этой сборки, показала Отечественная война — надёжный экзамен. Вопреки прогнозам Запада, против «нашествия Европы» во главе с Германией — СССР смог выставить новый культурный и социальный тип, который оказался более стойким и творческим, лучше обучающимся, чем личный состав фашизма. Воспитание советского человека того времени стало большой культурной программой, в ходе которой было изобретено и построено множество новых социальных форм, раскрывших возможности этого человека.

Если мы не освоим этого опыта и за десять лет не соберём сходный по стойкости и творческой силе новый тип русского человека, «нас сомнут». Интуитивное понимание этого очевидного факта и вызывает сегодня призрак Сталина — человека длинной воли.

О советском периоде — великом и трагическом

/ Диакон Владимир ВАСИЛИК /

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

Считать, что советский период — это «чёрная дыра», значит роптать на Промысел Божий, который нам этот период даровал. Даже с чисто исторической точки зрения в истории не бывает «чёрных дыр» — совершенно провальных периодов. Бывают провалы, но бывают и достижения. Это относится к тёмным векам византийской истории, к векам, которые предшествовали архаическому периоду и «греческому чуду».

Тем более нельзя назвать «тёмным провалом» советский период, который, без преувеличения, явился великим периодом в жизни России. С одной стороны, это период трагический — разгул безбожия, уничтожение храмов, расстрелы священнослужителей. С другой стороны, это время мученичества, Собора новомучеников и исповедников российских и множества дивных святых, которые принадлежат к советскому периоду. Нельзя говорить, что это всего лишь наследие дореволюционного периода, тем более что многие из них приняли рукоположение в советский период. Это всё равно, что Церкви отречься от доникейского периода.

Советский период — это не только провалы. Если сравнить советский период с эпохой Серебряного века, то по многим характеристикам, особенно если мы будем отсчитывать с 1930-х годов, советский период выглядит в духовно-нравственном плане чище и целомудренней. Целый ряд позорных явлений, бывших в Российской империи, например,

легализованная проституция, был в советскую эпоху невозможен. Всё-таки пуританская мораль советского времени: идеи аскетизма, равенства и взаимопомощи — не были лицемерием, не были пустым звуком для миллионов наших сограждан. Конечно, они базировались, несмотря на революционную катастрофу, на евангельской нравственности, глубоко укоренённой в сердцах наших прадедов, дедов и отцов.

Благодаря своему нравственному потенциалу советское общество смогло победить в страшной Великой Отечественной войне. Вдумаемся: сокровенная теплота патриотизма, которая и решила всё, оказалась в советскую эпоху на порядок выше, чем, к сожалению, в предреволюционной России. Достаточно сравнить 19 миллионов добровольцев во время Великой Отечественной войны с миллионами беглецов с фронта в 1917 году. Царская Россия с самого начала воевала в достаточно благоприятной ситуации, со вторым фронтом. Советский Союз большую часть Великой Отечественной войны провёл без значительной реальной помощи союзников. И тем не менее диаметрально противоположные результаты.

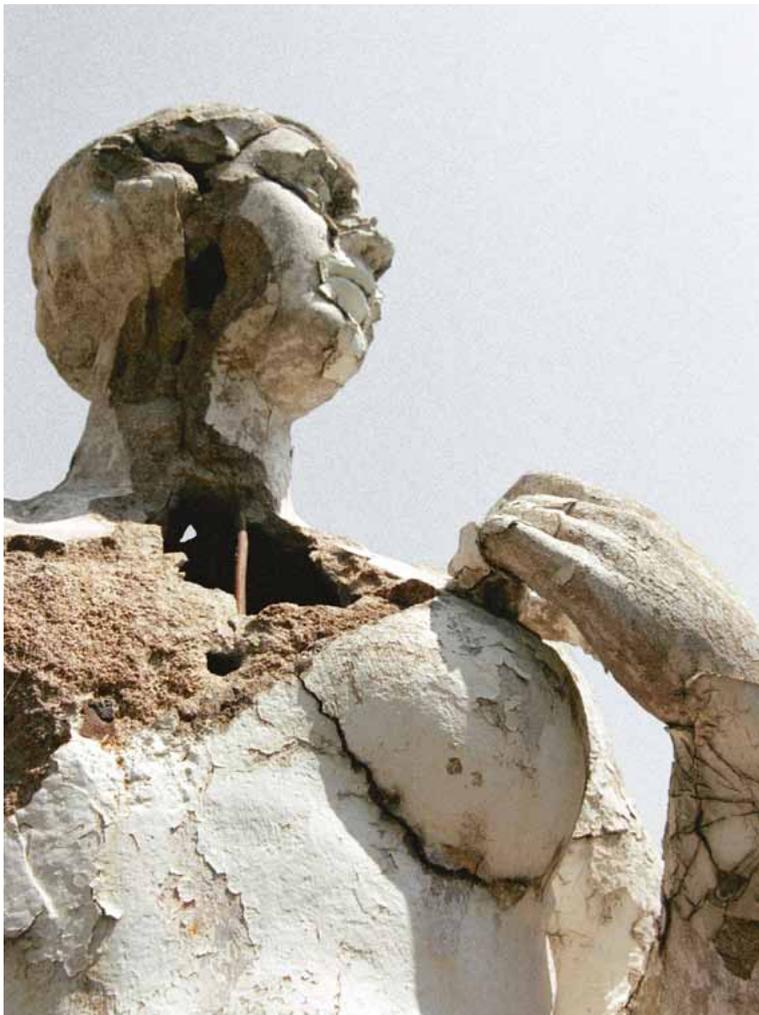
Советский период — это небывалый взлёт научно-технической мысли, и за ним небывалое торжество русского духа и русского человека. Победа над Германией в том числе — это и победа русского научно-технического гения и русского труда. Это и полёт в космос.

*Взлетел в ракете русский парень,
Всю землю видел с высоты.
Был первым в космосе Гагарин,
Каким по счёту будешь ты?*

Советское общество показало путь разрешения национального вопроса во всемирном братстве. К сожалению, это братство опиралось на неверные духовные онтологические основы, поэтому оказалось беспомощным перед проповедью воинствующего капиталистического материализма и перед проповедью пещерного русофобского национализма. Однако следует отметить, что Советский Союз не распался, а его ликвидировала переродившаяся верхушка, поддавшаяся соблазну приватизации и сладкой жизни. За этот соблазн мы все расплачиваемся уже 20 лет.

По поводу Сталина. Я уже в своё время выдал свою формулу и не намерен от неё отречься. Для меня Иосиф Виссарионович Сталин одновременно Диоклетиан и Константин: убийца русского народа и его спаситель.

В своём неоднозначном отношении к Сталину я не одинок. Неоднозначно к нему относится и мой старший коллега, уважаемый Михаил Иванович Фролов, ветеран войны, доктор исторических наук, один из наиболее компетентных историков блокады Ленинграда. Репрессии оправдать невозможно, но понять их можно. 1937 год для меня представляет некую тайну. Это и тайна народного страдания, тайна беззакония, но и тайна Промысла Божия.

Каков может быть его механизм? Тот же, что у Варфоломеевской ночи. Вспомним: первоначально Карл IX и его мать Екатерина Медичи хотели ликвидировать адмирала Колиньи, главу протестантов, за то, что он втягивал страну в войну с Испанией, войну заведомо безнадёжную. Сравним: Сталин стремился избавиться от троцкистов, которые втягивали Россию в мировую революцию и войну со всем миром. Когда ликвидировать одного Колиньи оказалось невозможно, тогда было принято решение ликвидировать его ближайший круг. Но народный энтузиазм, ненависть к протестантам, зависть к богатым дворянам, желание разбогатеть и не платить долги привели к массовой резне.

Во многом сходные механизмы были и в 1937 году. Число жертв многократно умножилось за счёт энтузиазма, карьеризма, корыстных расчётов. Характерно, что снизу требовали увеличения контрольных цифр для расстрела и для посадки. В результате число их превысило цифры, заявленные в печально известном приказе Николая Ежова от 30 июля 1937 года. Разгром Церкви и уничтожение тысяч священнослужителей тоже представляют собой некую тайну, загадку, потому что в том же самом приказе особо священники не выделяются среди других категорий «бывших». Однако самый тяжёлый удар выпал на них. В приказе Ежова речь шла об антисоветски настроенных церковниках в местах заключения, а удар пришёлся на всех священнослужителей, независимо, где они находились. С чем это связано? С рядовым карьеризмом и, возможно, с большим количеством троцкистов в органах, которые, предчувствуя свою скорую гибель, стремились перевести свою с себя на людей Церкви.

Может быть, в этом была страшная логика обмена. Сталину как бы предлагалось обменять ленинскую гвардию на духовенство. И он в русской Голгофе сыграл роль Пилата: умыл руки и устранился. Подписи Сталина нет ни под одним расстрельным приговором ни од-

ному священнослужителю. С другой стороны, об уничтожении духовенства он знал. Когда уже готовился материал на митрополита Сергия (Страгородского) и его арест, он не допустил этого, равно как не допустил окончательного уничтожения Русской Православной Церкви как организации. Он сохранил её про запас, разумеется, из чисто прагматических соображений.

Что касается логики обмена, то вспоминается рассказ о терроре, который устроили Октавиан, Антоний и Лепид в Риме, и о торге за голову Цицерона, который шёл целых два дня. Сначала Октавиан отстаивал Цицерона, затем уступил в обмен на родственников Лепида и Октавиана. Что-то подобное могло быть и в случае со Сталиным. Бывшему семинаристу в обмен на уничтожение его бывших товарищей по партии предлагалось уничтожение духовенства. И он этот страшный обмен принял.

С другой стороны, велика и несомненная роль Сталина в восстановлении Русской Православной Церкви в 1943 году, в открытии храмов и духовных школ, в частичном восстановлении её положения. Вряд ли здесь можно искать какую-то особую роль союзников по антигитлеровской коалиции. Сталин был прагматиком и понимал значение Русской Православной Церкви.

С именем Сталина связаны как поражение в начальном периоде Великой Отечественной войны, так и победа в ней. Неправоммерно приписывать ему одни лишь победы или одни поражения. Факт в том, что его воля в 1941 году способствовала тому, что мы отстояли Москву и страна не рухнула, и он же привёл страну к Победе в 1945 году.

В 1953 году, говоря о нём в надгробном слове, святитель Алексий I, претерпевший и тюрьмы, и лагеря и едва не погибший в водвороте 1937 года, сказал так: «Упразднилась великая нравственная сила». И это действительно было так, потому что его эпигоны, такие как Хрущёв, подготовили крушение великой страны.

Фигура Сталина неоднозначна. О ней подобает судить спокойно, с фактами на руках, а не по лагерному фольклору, не опираясь на сказочников и фантазёров типа Солженицына, который приводит дутые цифры потерь от репрессий в 60 миллионов и более. Возникает вопрос, кто тогда оставался, работал, жил, воевал?

То, что в нашей стране сидел каждый третий, это неправда. Есть семьи, совершенно не затронутые репрессиями, и, напротив, практически

нет семьи, которая бы не пострадала от Великой Отечественной войны. Поэтому в оценке личности Сталина нужна правда. Нам не нужна ложь ни красная, ни коричневая, ни звёздно-полосатая. И отрадно, что Всемирный Русский Народный Собор проведёт дискуссию, связанную с его личностью. Надеемся, дискуссия будет честной, спокойной, объективной, потому что без вдумчивой, достойной оценки советского периода мы не можем двигаться дальше. Это невозможно без правильного, духовного отношения к истории, сообразно словам Пушкина: «История, которую нам Бог дал».

Изборский клуб и судьба России

**/ Владимир МЕДВЕДЕВ, капитан 1-го ранга в отставке,
экс-секретарь парткома Управления военной контрразведки Комитета
государственной безопасности СССР, член Союза писателей России /**

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

С раннего детства я поэтизировал образ России...

*Россия, мать моя родная,
Разливы рек, дубравы шум,
Я о тебе все песни знаю,
Но всё равно свою пишу.
Глаза озёр твоих синеют,
Бездонность неба отразив.
Я с каждым днём люблю сильнее
Простор твоих бескрайних нив,
Твоих лесов непроходимость,
Равнинность маковых полей,
Высоких гор необозримость
И шум мозучих тополей.*

*Всё это близко мне до боли,
Я знаю это наизусть.
И для меня: березы в поле,
Трава по пояс — это Русь!
Но только ль это? Что за этим?!
За этим Родина моя!
Ничто не дорого на свете,
Как эта русская земля!*

Изборский клуб — само название говорит об исторической миссии его основателей. Но если Изборск древний был одним из городов, куда племенные вожди, не решившие противоречий, пригласили варягов, то сегодня он же стал местом

сбора российских мыслителей, вырабатывающих концептуальную идеологию современной России.

Им предстоит работать в условиях откровенного противостояния, возрастающего до враждебности, — из-за материального неравенства, духовной разобщённости, падения нравственных устоев общества. И это естественно для страны, Конституция которой провозглашает чуть ли не достижением отсутствие государственной идеологии («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной» — статья 13).

Проведённая в 90-х гг. и продолжающаяся в настоящее время приватизация

не то что ослабляет государство, а ставит его в положение «постороннего». Постепенно всё становится частным. Разгосударствление становится самоцелью. Но в чьих интересах? Не наших ли противников?

Разительным контрастом объявляемому в Конституции «идеологическому нейтралитету» государства является крайняя идеологизированность телевизионных и образовательных программ, влияющих на воспитание молодого поколения. Если проанализировать одну только школьную программу, переделанную таким образом, чтобы искоренить добрую память о советском периоде нашей истории, станет понятно, отчего школьникам неизвестны имена Гастелло, Матросова, Космодемьянской и других героев.

Вот беседа с выпускниками школы. На вопрос «Какая у вас мечта?» молодой человек отвечает: «Жить в Париже, иметь престижный автомобиль и квартиру». Сотни тысяч инженеров, учителей, учёных покинули «новую Россию», не найдя возможности реализовать свои знания, потеряв работу. Дети так называемого среднего класса и чиновничества получают образование за рубежом, где и планируют потом работать. И всё это происходит не в советский период, а в настоящее время. Время, когда материальное становится преобладающим, а такие понятия, как чувство Родины и патриотизм, исчезают без следа.

Ветераны говорят, что тревогу за будущее России вызывает у них безыдейное поколение, выросшее в постсоветское время, которому всё равно, где жить и работать. Не видят они в современных молодых людях, безразличных к судьбам Отчизны, тех, кто мог бы стать легендарным российским героем.

В выступлениях руководства, которые мы порой слышим, всё звучит верно — но не всегда это реализуется. А люди наши привыкли верить слову.

*Что холоднее есть зимы?
Что есть мрачней осенней тьмы?
Что может, как огонь, обжечь
И поразить, как острый меч?
Что может силы нам придать,
Заставить день и ночь страдать,
На подвиг рыцарский поднять,
Заставить жить и умирать?*

*Слово!
Как много в нём заключено,
Как чудодейственно оно!
Когда его произноси,
Ты не карай им, а спаси!*

Много у России проблем, и решение их возложено на правительство (министерства и ведомства). И если проанализировать суждения в обществе, то чаще других звучит вопрос: почему не всех министров назначают из числа профессионалов соответствующих отраслей? Здравомыслящий человек затруднился бы с ответом и не смог бы найти объяснения. «Надёжность» и личная преданность, конечно, важны. Но разве можно говорить о надёжности, когда разворачивается бюджет?!

Зададимся вопросом — почему «борьба с коррупцией» не дала особых результатов на первом этапе? Потому что многие из тех, кому было поручено заниматься этой проблемой на местах, имели к коррупции самое непосредственное отношение...

Какими же видятся задачи Изборского клуба?

В ходе прошедших заседаний ответ на этот вопрос давали ведущие экономисты, философы, историки, писатели, директора исследовательских институтов. В их выступлениях — наряду с анализом международной обстановки/положения России в мире и собственными предложениями — нередко звучали резкие суждения и категоричные выводы, причём далеко не все точки зрения согласовывались между собой.

На сегодняшний день необходимо из многоголосия тактических мнений выстроить единую стратегическую концепцию, которая могла бы стать стержнем государственной идеологии и противостоять возобладавшему враждебным лозунгам (будь то либерализм, многопартийность, анархизм — имя им легион), работающим на расчленение России.

Статья 13 Конституции, признающая «идеологическое многообразие» в качестве одной из основ государственного строя Российской Федерации, на деле выводит из-под контроля государства сферу идеологии, тем самым ограничивая её властные полномочия, предназначенные её природой.

Многообразие политических партий является одним из институтов, обеспечивающих реализацию принципов и норм демократии, как она понимается сегодня. Другое дело — многообразие идеологическое. Под идеологией понимается система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов. Отказ государства от формирования этой системы ни в коем случае не гарантирует его демократического устройства. По крайней мере при современном состоянии международных отношений совершенно нереально говорить о том, что государство «выше идеологии». Мы живём не в изоляции, а в чрезвычайно агрессивном окружении. Более того, на практике — по своему отношению к событиям в Сирии, Египте, Ливии, Ираке — наше государство показывает, что у него есть идеология (точно так же, как есть она у США, готовых вмешаться во внутренние дела любой суверенной страны, сколь бы далеко она ни находилась).

Уже поэтому у России должна быть известная — и официально объявленная — государственная идеология.

Главная задача Изборского клуба — обозначить её основы в виде проекта для обсуждения, в ходе которого отдельные положения могут быть дополнены, уточнены или изменены; окончательный вариант должен быть предложен президенту, Совету Федерации и Государственной думе. Учитывая состав палат нашего парламента, можно сказать, что задача эта — не из лёгких, Изборскому клубу будет оппонировать и оказывать противодействие значительное число скрытых и явных противников.

РОССИЯ

*Страна трагедий и мечтаний,
Страна мыслителей, невежд,
Страна людей великих знаний
И их несбывшихся надежд.
Имел я честь в тебе родиться,
Хочу в тебе и умереть.
Могу лишь тем одним гордиться,
Что на Руси бессильна смерть.
Здесь всё в традиции воскреснет,
Из искры пламя всполыхнёт,
И на мотив душевной песни
Церковный колокол пробьёт!*

Фотографии: из архива Изборского клуба

Первым публичным мероприятием в офисе Изборского клуба стала презентация нового сборника трудов Института динамического консерватизма «Кризис России в контексте глобального кризиса». На презентации выступили видные эксперты, издатели и авторы серии ИДК.

Кризис России в контексте глобального кризиса. (Издательская серия ИДК) / Составители: В. Аверьянов и М. Калашников. — М.: Институт динамического консерватизма, «Центральный издательский дом», 2013. — 616 с.

В предлагаемый вниманию читателя том издательской серии ИДК вошли материалы круглых столов и дискуссий, а также авторские доклады и статьи, посвящённые деградационным явлениям в государственной, хозяйственной, научной и технической сферах жизни современной России, путям и способам их преодоления. Опасность этих деградационных явлений нарастает на фоне глобального системного кризиса, новая волна которого неумолимо приближается.

Уже сегодня читатель может отследить, насколько точный диагноз был поставлен экспертами ИДК по таким проблемам, как инновационная политика РФ, её социальная политика, политика в области обеспечения безопасности, госуправления, поведение

на международной арене и внешнем рынке, положение в таких её отраслях, как энергетика, оборонный комплекс, станкостроение и др. Эти материалы должны стать полезными российской власти, всем активным политическим и общественным силам после того, как отрезвляющее осознание коллапса заставит нас через трагическое очищение вновь приняться за строительство обновлённой России.

Среди авторов и участников обсуждений такие масштабные эксперты, как Б.А. Виноградов, Г.Г. Малинецкий, М.Г. Делягин, А.Б. Кобяков, В.П. Полеванов, И.А. Гундаров и др. В Приложение включены меморандумы ИДК, принятые как обращения к власти и обществу по острым вопросам текущей повестки дня.

**Александр ДУГИН.
Геополитика России.**

М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2012. — 324 стр.

Книга «Геополитика России» является уникальным примером попытки написания геополитической истории России.

Объединение подходов исторической социологии, геополитики, истории даёт уникальную перспективу становления,

укрепления и развития имперской мощи российского государства.

Помимо ставших традиционными подходов и оценок исторических событий с геополитической точки зрения особого внимания заслуживает развернутое авторское обсуждение сущности российских политических процессов последних двух десятилетий.

Автор последовательно рассматривает развёртывание геополитики русской истории, показывает геополитические константы развития русского государства, их соотношение с социологическими константами русского общества. В рамках

евразийской мировоззренческой парадигмы автор пытается дать свой ответ на вопрос «Кто мы?», в чём принципиальные особенности русской цивилизации, как сохранить ей свою самобытность в мире новых вызовов и угроз, как нам относиться к нашему историческому опыту, какую позицию занять по отношению к Востоку и Западу?

Данное учебное пособие написано на основании спецкурса, читающегося на Социологическом факультете МГУ, но, несомненно, будет интересно и для широкого круга читателей, интересующихся геополитикой.

Николай КОНЯЕВ.

Подлинная история дома Романовых. Путь к святости. —
М.: Вече, 2013. — 672 с.

Это уже третье издание нашумевшей книги известного православного писателя и публициста. Разумеется, исправленное и дополненное — в связи с грядущим 400-летием романовской династии. Судя по всему, «величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре» (А.С. Пушкин), не закончилась ни в момент «отречения» Николая II от престола, ни даже в екатеринбургском «доме Ипатьева» в ночь с 16 на 17 июля 1918 года — она в каких-то формах своих живёт и поныне: в частности, существует Россий-

ский Императорский дом Романовых, а также «Объединение членов рода Романовых».

Идея православной монархии как «симфонии властей» духовной и мирской продолжает существовать в сознании значительной части российского общества и особенно — русского народа.

Книга Николая Коняева на широком историческом материале, при этом с авторским пристрастием в хорошем смысле этого слова показывает, с какими трудностями и сопротивлением уже сталкивалась в прошлом — и может столкнуться в будущем — реализация подобной идеи.

Александр АГЕЕВ.

Стратегические увертюры. Коллекция избранного (1999–2012).
3-е изд., доп. —

М.: Институт экономических стратегий, 2012. — 168 с.

Новая книга директора Института экономических стратегий РАН, члена Изборского клуба Александра Агеева содержит более сотни вступительных слов, своеобразных увертюр, предваряющих и открывающих творческий праздник общения авторов и читателей на страницах журналов «Экономические стратегии», «Прогнозы и стратегии», «Система менеджмента качества», «Экономические стратегии — Центральная Азия», «Партнерство цивилизаций».

В каждой из этих увертюр — реальные намёки на большие стратегические темы. Предназначены они, по выражению автора, «для запуска предвкушения как плацдарма для личного наступления читателя на свою стратегическую неопределённость».

Замысел журнала «Экономические стратегии», издающегося уже 13 лет, связан с выдвижением на арену российской истории против течения времени нового поколения предпри-

**Виталий Аверьянов
и Михаил Демури.**

Петр Калитин.

Андрей Фурсов.

нимателей и мыслителей, которые строят свое конкурентное преимущество не на присвоении природной ренты или рэкетирства, а на базе созидания, творчества, новаций. Без этого нового поколения перспектива страны была столь же смутна, как и в лжедмитриевские подлые времена. И этому поколению нужно было быстро освоить

таинства стратегической мысли. Свою роль в такой интеллектуальной реанимации страны был призван сыграть журнал с названием, казавшимся «белой вороной» на балу нестратегических тактик и своекорыстия.

Книга выполнена в необычном формате, напоминающем обложку пластинки.

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ.
Русский код развития (серия «Служить России»). —
М.: Книжный мир, 2013. — 352 с.

Выступление Наталии Алексеевны Нарочницкой по интернет-мосту Париж–Изборск в сентябре прошлого года стало одним из камертонов дальнейшей деятельности Изборского клуба. «Восстановление именно нации как единого преемственно живущего организма: с общими целями, ценностями, с общим духом, мирозерцанием, с общими историческими переживаниями — вот что даст энергию, заставит поверить опять в свои силы и созидать», — сказала она. И это не случайные, согласованные с текущей политической конъюнктурой: сегодня — направо, завтра — налево, — слова.

Наталья Нарочницкая в каждом своём выступлении, в каждой своей публикации (часть из которых составляет данное издание) проводит одну и ту же мысль: настоящая демократия

неразрывно связана с тем народом (демосом), который её осуществляет. Не может быть двух одинаковых демократий, как нет двух одинаковых народов. Целостный, «цивилизационный» подход Наталии Алексеевны к истории и политике — можно сказать, родовое наследие, поскольку её отец, академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий всегда утверждал примат национальных интересов и ценностей над «классовыми».

«Красно-белое» противостояние в истории нашей страны имело место и смысл только потому, что продолжало тысячелетний путь исторической России, — утверждает Наталия Нарочницкая. — Оно уже исчерпало себя и должно быть заменено синтетической национальной доктриной — «русским кодом развития»

СТАЛИН И.В.
Труды. Том 1. 1895–1904 гг. —
М.: Рабочий университет им. И.Б. Хлебникова, 2013.

Стихи и первые политические тексты Иосифа Джугашвили, по преимуществу в переводе с грузинского на русский язык, — начало нового многотомного издания под редакцией проф. Р.И. Косолапова, которое задумано и осуществляется в качестве академического собрания сочинений «вождя народов».

Исторический масштаб Сталина — человека, максимально близко подошедшего к «термоядерному синтезу» «белой» и «красной» России в великой Победе 1945 года, — настоятельно пре-

бует такого фундаментального исследования, в котором собственно сталинские тексты перекликаются (в комментариях) со свидетельствами современников, а также с адекватной фактологией в реальной хронологической шкале.

Данный проект, по сути, является «инициативой снизу» — его осуществляет группа энтузиастов, действующая без всякой поддержки со стороны государственных, академических или коммерческих структур. Что лишний раз доказывает: Сталин возвращается!

Хронология мероприятий клуба

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

11 февраля 2013 года

В конференц-зале Изборского клуба состоялась встреча с представителями оппозиции Королевства Бахрейн. С российской стороны во встрече принимали участие Изборский клуб и Российское общество друзей Бахрейна. С бахрейнской стороны — генеральный секретарь политического объединения «Движение Аль-Вифак», лидер оппозиции **шейх Али Салман**; член руководства «Движения Аль-Вифак» **Маджид Милад**; заместитель генерального секретаря политического объединения «Движение Аль-Ваад» **Рази Аль-Мусави**; генеральный секретарь Национально-демократического движения **Фазил Искендер Аббас**; генеральный секретарь движения «Демократическая трибуна» **Абдулнаби Салман**.

На встрече было отмечено, что внимание к политической ситуации в данной стране со стороны мировой общественности необходимо, поскольку инакомыслящие подвергаются там гонениям. Разница в отношении мирового сообщества к Сирии, в борьбу с которой включились многие государства, и к Бахрейну — свидетельство двойных стандартов в подходе к политическим вопросам.

13 февраля 2013 года

Презентация в конференц-зале Изборского клуба **второго доклада клуба** «Военная реформа как составная часть концепции безопасности РФ: системно-динамическая оценка». О докладе, его предпосылках и сверхзадачах рассказали его авторы **В. Шурыгин, А. Нагорный, С. Канчуков, А. Жуков, Ш. Султанов**. На презентации состоялась живая дискуссия между авторами доклада, приглашёнными экспертами и журналистами.

16 февраля 2013 года

В Центральном доме литераторов прошла торжественная церемония награждения лауреатов международной

литературной премии имени Лескова «Очарованный странник». Лауреатом в номинации «Проза» стал **А. Проханов** за роман «Русский». Вместе с дипломом лауреата Александр Андреевич получил Чеховскую медаль — за совокупные заслуги в деле развития и пропаганды русской литературы.

20 февраля 2013 года

В Изборском клубе прошла дружеская неформальная встреча блогеров консервативно-патриотической направленности. Вел встречу **Максим Калашников** и **Виталий Аверьянов**. В качестве гостей были приглашены известные блогеры и сетевые публицисты: **Роман Носиков, Павел Шипилин, Максим Жаров, Александр Босых, Олег Денисов** и многие другие. По итогам участники договорились о совместных информационных акциях.

5 марта 2013 года

Состоялась встреча Изборского клуба с художниками-патриотами. В результате встречи была заключена договорённость о сотрудничестве и учреждена при клубе секция художников. Председатель клуба обещал поспособствовать в организации выставок современных художников, которым тесно в существующих постмодернистско-деградационных рамках, задаваемых мейнстримными критиками и кураторами. В свою очередь, художники обещали помочь клубу в эстетическом оформлении и сопровождении его деятельности.

16–23 марта 2013 года

Поездка в Сирию делегации, в которую вошли **А. Проханов, М. Леонтьев, М. Шевченко**. В ходе поездки изборяне встретились с руководством Сирии, посетили ряд городов, в том числе полуразрушенный Дарайя, только что оставленный боевиками. Репортаж о поездке см. в этом номере (стр.2).

На встрече Изборского клуба с патриотическими блогерами.

Изборский клуб на встрече с премьер-министром Сирии.

Генерал Сергей Канчуков на презентации второго доклада клуба.

Валентин Сорокин: «Мы поднимемся»

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

Валентин Сорокин десятилетия назад прогремел своими богатырскими героическими поэмами: «Евпатий Коловрат», «Дмитрий Донской», «Оранжевый журавлёнок», «Огонь», «Палестинец», «Судьба», «Обелиски», «Дорога», «Дмитрий Донской», «Былое», «Бессмертный маршал» (Георгий Жуков). В безгеройное время он сделал ставку на героя.

Он пришел к своей русскости и державности не через тихую лирику, не через фольклорные напевы деревенских песен, а через огонь и сталь, броню и железо. Пройдя заводскую закалку мартеном, он уже не мог чирикать как воробышек или даже выводить трели как соловей.

Валентин Владимирович родился 25 июля 1936 года на хуторе Ивашлак Зилаирского района Башкирии. После окончания профтехучилища около десяти лет работал на Челябинском металлургическом заводе. Учился в горно-механическом техникуме и на Высших литературных курсах при Литературном институте. Работал в журналах «Волга», «Молодая гвардия», в издательстве «Современник». В 1960-е годы Валентин Сорокин окончил Высшие литературные курсы. Тогда же — за неопубликованное стихотворение «Льву Троцкому» — попал на карандаш всемогущему КГБ, члены которого долгое время особо следили за его творчеством.

С 1983 года руководит Высшими литературными курсами, проректор Литературного института имени Горького. Член Союза писателей СССР с 1962 года.

Валентин Сорокин — это пример природной русской державности, имперскости. Поэт громкий и муже-

ПОСТОЯННЫЕ ЧЛЕНЫ ИЗБОРСКОГО КЛУБА

Александр ПРОХАНОВ, председатель

Виталий АВЕРЬЯНОВ, исполнительный секретарь

Александр НАГОРНЫЙ, исполнительный секретарь

Александр АГЕЕВ	Александр НОТИН
Сергей БАТЧИКОВ	Юрий ПОЛЯКОВ
Сергей ГЛАЗЬЕВ	Олег РОЗАНОВ
Михаил ДЕЛЯГИН	Василий СИМЧЕРА
Александр ДУГИН	Николай СТАРИКОВ
Леонид ИВАШОВ	Шамиль СУЛТАНОВ
Максим КАЛАШНИКОВ	Андрей ФУРСОВ
Андрей КОБЯКОВ	Михаил ХАЗИН
Валерий КОРОВИН	Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ
Юрий ЛАСТОЧКИН	архимандрит ТИХОН (Шевкунов)
Михаил ЛЕОНТЬЕВ	Максим ШЕВЧЕНКО
Наталия НАРОЧНИЦКАЯ	Владислав ШУРЫГИН

